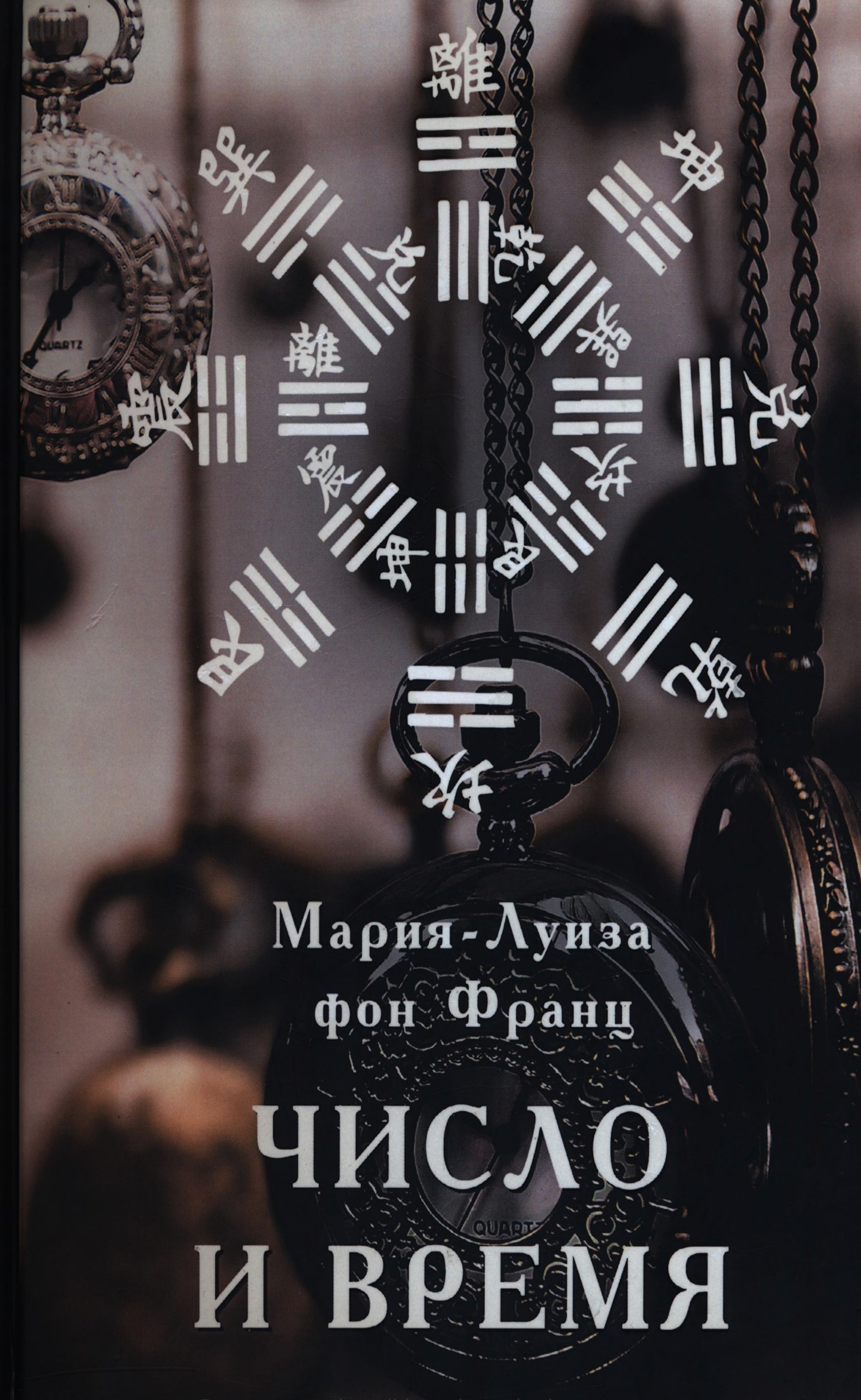

ЧИСЛО И ВРЕМЯ

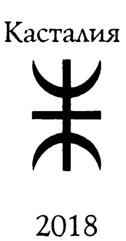
Мария-Луиза фон Франц

CASTALIA

Мария-Луиза фон Франц

ЧИСЛО И ВРЕМЯ

Касталия

2018

УДК 159.964
ББК 88.4
Ф 82

Мария-Луиза фон Франц

Ф82 Число и время. — «Касталия», 2018. — 230 с.

ISBN 978-5-519-65861-4

Работа К.Г. Юнга в его последние годы жизни привела к гипотезе, что кажущиеся несопоставимыми психология и современная физика, на самом деле, могут приближаться к единой модели мира, в которой будет разрешен дуализм материи и психики. Юнг полагал, что натуральные числа — это архетипические шаблоны, которые управляют единым миром психики и материи, и что число служит особым инструментом для осознания человеком этого единства.

Написанная в ясном стиле и снабженная иллюстрациями, помогающими сделать математические идеи наглядными, Число и время — это оригинальная исследовательская работа, показывающая, как «ум» связывается с «материей» на самом фундаментальном уровне.

Часть IV: Исторические и математические модели Unus Mundus

Часть V: Числовые и парапсихологические аспекты принципа синхронистичности

Предисловие

После того, как К.Г. Юнг закончил свою работу о синхронистичности: «Синхронистичность: аказуальный связующий принцип», он рискнул выдвинуть предположения (которые уже были набросаны на бумаге) о том, что есть возможность продвинуться ещё дальше в понимании единства психики и материи, исследуя архетипы целых чисел. Он даже начал записывать на клочке бумаги некоторые математические характеристики первых пяти чисел. Но, за два дня до своей смерти, он передал эти записи мне со словами: «Я слишком стар, чтобы заниматься этими исследованиями, потому передаю их тебе». Долгое время я пребывала в неуверенности: стоит ли продолжать эти его наработки или просто хранить их до того времени, пока не найду более компетентного в таких вопросах человека. Но, после смерти Юнга, эта проблема не давала мне покоя и я должна выразить благодарность Барбаре Ханне за то, что она подтолкнула меня на этот рискованный шаг. Работа длилась более шести лет и представляет собой всего лишь первый шаг в том, чтобы прояснить некоторые вопросы такой непростой темы.

Эта книга не о математике, в строгом смысле слова, и даже не претендует на учебное пособие по числовому символизму. Скорее, это попытка рассмотреть феномен числа, основываясь на теории бессознательного. Тем не менее, мне пришлось коснуться математики, в полной мере осознавая опасность того, что из-за недостатка средств я могу сделать далеко идущие выводы. По тем же причинам, я не касалась взаимоотношений между числом и логикой языка, а, также, теории музыки. Несмотря на то, что эти области достаточно хорошо проработаны.

Помимо Барбары Ханны, я выражаю мою благодарность доктору Францу Риклину за его поддержку и Арнольду и Норе Минделл, которые внимательно меня слушали и помогали прояснить некоторые мысли. Также, хотелось бы выразить благодарность профессору

Конраду Воссу, из Швейцарского института технологии, который рассматривал основные проблемы с точки зрения математика и корректировал некоторые мои неудачные формулировки. Тем не менее, я беру на себя ответственность за все идеи, изложенные в этой работе. Мои глубочайшие благодарности Уияльяму Байерсу Брауну, профессору математической химии Манчестерского Университета за коррекцию некоторых положений и ценные замечания.

Выражаю признательность доктору Мокусен Миюки за предоставленную информацию по теории чисел в его работе, посвященной Фацзану. Я не могу не отметить здесь связанные с этим моментом интереснейшие синхронистические явления. Когда я только закончила книгу, мне приснился такой сон: я была на выставке древнего индийского искусства. За витриной я увидела несколько фигур плачущих демонов, где-то 30 сантиметров в высоту. Я знала, что это отсылка к истории из жизни Будды, в которой его убивают демоны. Осознав совершенное, они зарыдали и приняли более человеческий облик. Несколько фигур отсутствовало, потому как один молодой ученик забрал их на лекцию. Я заглянула в лекторий, но там царила сплошная тьма. Потом ученик (я не знала кто он) вышел из лектория. В этот момент его подозвал Юнг и они начали оживленно дискутировать. Юнг дал мне знак, чтобы я слушала. Я догадалась, что ученик (представляющий моего анимуса или духовную и ментальную сторону) знал что-то, что может касаться моей книги, но он читал в темноте. Для меня его знание находится в полной неизвестности. После этого сна, я не знала как продвинуться в исследовании этих проблем и не могла ничего с этим поделать. Через несколько недель, пребывая в неопределенности, я встретила доктора Миюки. Когда в разговоре возникла пауза, мой сон вернулся ко мне и я его изложила. Миюки рассказал мне об эзотерической науке чисел в рамках буддизма школы Хуаянь (результат индийского влияния на Китай), тексты которой он уже начал переводить для меня, но так и не смог закончить. У него возникли проблемы с переводом основного текста патриарха Фацзана. К моему удивлению, изложенная там идея континуума, так же, как и идея ретроградного исчисления, имеет далеко

идущие параллели с моими собственными идеями. Моё бессознательное было настолько близко к той информации, о которой я, с рациональной точки зрения, не могла знать. Криптомнезия исключена, так как текст даже не был переведён ни на один европейский язык, а я не владею ни одним из восточных. Положения Фацзана основывались на универсальном единстве архетипа Самости и содержали множество метафизических предположений, которые я не принимала в расчёт в своей работе.

Наконец, я выражаю сердечную благодарность докторам Элизабет Руф и Гертруде Росс, которые обеспечивали меня необходимой литературой и, тем самым, помогли сэкономить множество времени и сил. Мои благодарности Эрнсту Клетту Верлагу и издательству Северо-западного Университета за выпуск этой книги в свет. И особенно - мистеру Фаулеру МакКормику, за его щедрый взнос.

Мария Луиза фон Франц

ЧАСТЬ I

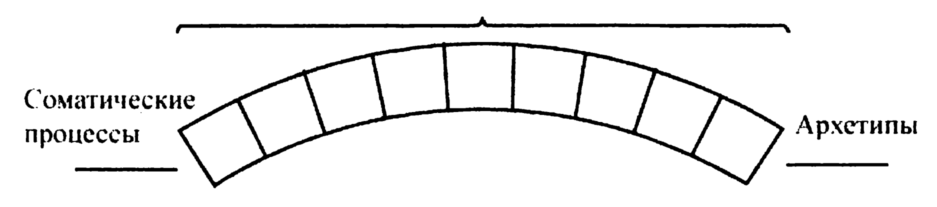
Число как основной определяющий фактор психики и материи

Глава 1
Проблема единства психики и материи

В последнее время, тема взаимоотношения психики и материи, всё чаще, становится предметом дискуссий в научной среде, оставаясь тайной, покрытой мраком. Но если проанализировать некоторые факты, то можно найти узкую тропинку в этой непроглядной тьме.

Несомненно, из всех открытий начала этого века, наиболее важное место занимает открытие бессознательного. На основе эмпирических данных был сделан вывод о том, что наша личность состоит не только из эго-сознания, но и из огромной области бессознательной психической активности. Косвенную информацию об этой области мы получаем через наблюдения за снами, видениями, произвольными фантазиями и другими феноменами. К.Г. Юнг доказал, что в то время как один слой бессознательного является личностным и содержит личные комплексы, другой представляет из себя универсальные структуры, присущие каждому индивиду. Юнг назвал этот слой, проявляющийся во всём человечестве, коллективным бессознательным. Это не придаток в виде «архаичных останков», как полагал Фрейд, но живая матрица для сознательного и бессознательного, основа всей нашей жизни. На этом глубинном слое содержатся отдельные структуры, которые (по аналогии с моделями поведения животных) представляют собой первооснову для наших эмоций, образов, действий и ощущений. К примеру, перед лицом смерти или при встрече с противоположным полом, равно как и в других жизненных ситуациях, возникают соответствующие архетипические реакции. Они сопоставимы с инстинктами и практически одинаковы у всех людей. Поскольку эти структуры неотделимы от основных эмоций, их эффект заключает в себе область физических проявлений. Ни для кого не секрет, что такие эмоции как страх, любовь, энтузиазм, героические чувства и т.д. вызывают определенные физиологические и

химические реакции (дрожь, выделение пота, учащение пульса). Опираясь на ранние работы Пьера Жане, Юнг определяет психику как своего рода спектр между «инфракрасной» областью телесных реакций и «ультрафиолетовой» областью архетипов.

Сущностный центр нашей психики скользит вдоль этого «спектра», подобно лучу света, отклоняясь то в одну, то в другую сторону. Когда в ком-либо преобладают инстинкты, вектор эго смещается в левую сторону. Когда кто-то становится «одержим» идеями - в правую. Однако есть предположение, как замечал Юнг, что эти две области - части неделимой, живой реальности и разделяются только в сознании. Если на нас влияют физические или, так называемые, «материальные» силы внешнего мира, мы называем это материей; если же нами двигают фантазии, идеи или чувства, мы называем это объективным психическим или коллективным бессознательным. Юнг сконцентрировался на воздействии этих феноменов и, к своему удивлению, обнаружил, что использует те же модели и концепции, которые используются в микрофизике. Например, понятие взаимодополняемости (между частицей и волной в физике и между сознательным и бессознательным в психологии); необходимость учитывать гипотетического осознающего субъекта, при описании явлений; возможность описывать только «работу» невоспринимаемых объектов, без учета их состояния «в себе»; и тот факт, что мы можем судить о феномене лишь по интерпретации его энергетического состояния. Таким образом, присутствует определенный параллелизм концепций между двумя науками, хотя он и не означает их сущностного взаимоотношения.

Однако, всё указывает на наличие определенного рода связи между бессознательным и понятием материи в физике. Эта связь имеет, прежде всего, статистически-каузальный характер, поскольку демонстрирует их взаимодействие. Физическое воздействие через тело отражается на психике и наоборот: абстрактные представления влияют на *physis*. Эти влияния можно статистически зафиксировать и психосоматическая медицина уже проводит ряд исследований в этой области. Кроме того, существует и более глубокое взаимодействие между психикой и материей, не вписывающееся в рамки принятых научных теорий, что является камнем преткновения для современного рационализма. Ещё до 1930 года, когда Юнг только начинал исследовать бессознательное, он отметил определенное явление, которое много позже смог последовательно описать, как феномен синхронии. Этот феномен представляет собой образованный в психике символический образ, например сон или видение, или внезапное прозрение, возникшее в бессознательном, которое «чудесным» образом находит своё проявление во внешнем мире и не может быть логически подтверждено.

К тому времени как Юнг начал более детально разбирать этот феномен, он познакомился с синологом Рихардом Вильгельмом, который представил ему более глубокие идеи древней китайской книги предсказаний - И Цзин, с которой прежде Юнг был знаком лишь по ужасному переводу Легге. Оказалось, что вся книга основана на синхрониях. Для западного ума трудность понимания явлений синхронистичности связана не столько с их возникновением (любой интроспективный человек с легкостью их определит), сколько с принятием их в научную парадигму на фундаментальном уровне. Наука склонна рассматривать такие явления как простые «случайности». Они входят в противоречие с нашим предвзятым представлением о том, что психика есть область «исключительно субъективного опыта», в отличие от «объективного внешнего мира». Эта точка зрения является истинной лишь в том случае, если мы сводим всю психику к эго-сознанию. Однако, часто наблюдаются ситуации, когда архетипы коллективного бессознательного активируют «невозможные» психофизические проявления. Юнг отмечал, что наша

психика на самом низком, коллективном уровне есть чистая природа. «Природа содержит в себе всё известное и неизвестное, включая материю». Предсознательная часть нашей психики различает объекты на «животном» или инстинктивном уровне. И, только на этом уровне, мы можем констатировать явления синхронии.

Поскольку сходные между собой структуры проявляют себя в бессознательном *и* материи через феномены синхронии, идея единства универсума (которое предполагали ещё древние алхимики), подразумевающая дуальность психики и материи, становится для нас более понятна. Для описания этого единства Юнг использовал термин *unus mundus*.

По его словам, идея *unus mundus* основана, в конечном счете *на предположении, что вся совокупность явлений эмпирического мира покоится на внутреннем единстве, а не на двух или нескольких мирах, смешанных или независимых друг от друга. Скорее всего, все различия и разделения относятся к одному и тому же миру, который мы не можем ощутить органами чувств, но его наличие обусловлено тем фактом, что до сих пор никто не открыл мир, в котором бы не действовали известные законы природы.*

Даже мир психики находится в этой же вселенной. Однако, Юнг подчеркивает, что нет или почти нет никакой надежды отразить это единство всего сущего, кроме как через антиномии. Мы знаем наверняка, что *мир феноменов, в каком-то смысле, базируется на трансцендентном основании.* И это основание отражается в нашем сознании внезапными вспышками синхроний. Юнг говорит:

Думаю, вы не ошибетесь, полагая, что синхронистичность (хоть и являясь на практике весьма редким феноменом) представляет собой универсальный принцип вселенной, то есть (unus mundus), в котором нет никаких границ между так называемой материей и так называемой психикой. Здесь мы вступаем на территорию глубоких вод и я не рискну что-то говорить на этот счёт.

В связи с этим, я всегда сталкивалась с загадкой натуральных чисел. Я чувствую, что число - это ключ к тайне с тех самых пор, как оно было

как открыто, так и придумано. Оно обозначает количество, но, также, и само значение. Касательно последнего, я ссылаюсь на арифметические свойства такого фундаментального архетипа как Самость (монада, микрокосм и т.д.) и его такие исторические и эмпирические обозначения, как четверки, 3+1 и 4-1[3].

Гельмут Вильгельм нашел любопытные параллели с западным понятием *unus mundus* в работах китайского философа Ван Фучжи (1619-1692). Ван Фучжи сделал попытку интерпретировать Книгу Перемен, И Цзин, с точки зрения философии. В его интерпретации, сущее основано на *всеохватывающей непрерывности, которая упорядочена согласно законам*, но которая «сама по себе... не может быть проявлена» и, следовательно, недоступна чувственному опыту. (Эта идея, в целом, согласуется с концепцией Юнга о *не воспринимаемой* психофизической первооснове). С точки зрения Ван Фучжи, внутренняя динамика этой непрерывности разделяет отдельные образы, которые, благодаря своей структуре и положению, участвуют в его формировании. Поскольку эти образы, *сами по себе упорядочены и, следовательно, подчинены определенному закону, они присущи миру чисел и могут быть выражены в порядке исчисления*. Другими словами, они участвуют в числовой игре и, в качестве законных элементов теории чисел, могут быть структурированы в соответствующем порядке. Естественно, эти образы могут быть восприняты непосредственно, через эмоции и опыт, не прибегая к арифметическим процедурам. Но число позволяет использовать теоретические и спекулятивные методы для выражения состояний, представленных этими образами. Идея Фучжи о двух подходах к сути бессознательного кажется мне очень значительной - один подход основан на содержательном аспекте психического, другой - технически-рациональный и более апеллирует к структуре образов, чем к их содержанию. Тем не менее, оба подхода ведут к одной и той же цели, а именно - осмыслению актуального «положения звёзд» на психофизическом небе бытия. Архетипические образы этого глубинного потока, о чём и говорится в И Цзин, образуют определённую последовательность. Соответственно, Юнг говорит:

«И Цзин - это внушительная психологическая система, которая способна организовывать игру архетипов в последовательные структуры и, таким образом, их «считывание» становится возможным».

Даже несмотря на то, что эта трансцендентная непрерывность или *unus mundus*, видимо, находится вне времени, некоторые её проявления врываются в нашу темпоральную сферу в виде синхроний. Понимание природы этих проявлений и лежит в основе И Цзин. Её назначение, безусловно, предполагает определенную «вероятность» в существовании этих событий.

В своей статье о принципах синхронистичности, Юнг поднимает вопрос о том, могут ли эти феномены оказаться, в конечном счете, лишь частным случаем проявления более фундаментального принципа природы, который он обозначил как «*аказуальную упорядоченность*». Эта упорядоченность природных явлений может наблюдаться как в материи (к примеру, прерывистость в физике, такая как радиоактивный распад), так и в психике (как в безусловной однородности человеческих представлений о естественных понятиях). Всё это примеры постоянных проявлений аказуальной упорядоченности. В противоположность им, синхронистические события проявляют себя одномоментно и в особых случаях, в которых наблюдатель находится в позиции осознания *tertium comparationis*, то есть, «смыслового сходства». Упорядоченность, отображенная в случаях синхронии, по словам Юнга, отличается от таковой в натуральных числах или прерывистости физики по той причине, что последние происходят от вечности и происходят регулярно, в то время как синхронии - это *акты творения во времени*.

Акты творения в смысле *creatio continua* (непрерывное творение (лат.) — *прим. перев.*). Они понимаются не только как чередующиеся, но, также, как единственный «непрекращающийся» акт. В этом смысле, «вероятность», говорит Юнг, «должна пониматься частью - как пребывающая в вечности, частью - как сумма бесчисленных индивидуальных актов творения, происходящих во времени».

«Индивидуальные акты творения», таким образом, не выходят за рамки обычных способов прогнозирования, но, наоборот, имеют место

в пределах определенной «вероятности аказуальной упорядоченности», и не могут полностью игнорировать предсказания. В прошлом, чтобы предсказывать будущее, обычно обращались за помощью к числам. В связи с этим, Юнг предполагал, что архетипы целых чисел должны быть каким-то образом связаны с *unus mundus*. По этой причине, ближе к концу своей жизни, он хотел более подробно рассмотреть значение чисел в их отношении к принципу синхронистичности. Число, во всяком случае (насколько мы можем понять исследования Юнга), не должно пониматься только как конструкт сознания, но, также, как и архетип. А значит, согласующийся с природой как изнутри, так и снаружи. Развитие этих идей Юнга и есть цель данной работы.

Глава 2
Образы и математические структуры в основе Unus Mundus

Юнг утверждал, что коллективное бессознательное или пространство архетипов не может восприниматься нами само по себе. Оно выходит за пределы сознания, по той простой причине, что сами сознательные процессы основаны на этих же архетипах. Они представляют собой бессознательную объективную реальность, которая, одновременно, является субъективной, другими словами - сознательной. Таким образом, наблюдатель оказывается включен в реальность, лежащую в основе бессознательных феноменов, и эта реальность не может быть воспринята непосредственно.

Каждый раз, когда разум сталкивается с неизвестным, он применяет символические концепции, опираясь на предсознательные процессы проецирования. По этой причине, в человеческой истории присутствует несколько символических представлений о *unus mundus*, далее мы рассмотрим их более подробно. Исследования этих представлений говорят о том, что факты, изложенные в теоретической модели вселенной Ван Фучжи, сходны со всеми остальными моделями. Все они описывают этот «единый мир» как континуум образов, подобный геометрической или арифметической системе. Эти концепции прослеживаются даже в работах современных физиков-теоретиков, которые пытаются спекулятивным умом обрисовать модель космоса. К примеру, эйнштейновская модель четырехмерной вселенной представляет собой геометрический континуум. С другой стороны, в квантовой физике натуральные числа рассматриваются как основные структурные элементы бытия. Нильс Бор подчеркивал, что был сделан важный шаг в реализации идеала «сведения описания природных феноменов обратно к комбинациям натуральных чисел, что превосходит самые смелые мечты пифагорейцев». Этот шаг заключался в систематизированном

распределении электронов в стационарном состоянии атомов и в объяснении характерных соотношений между физическими и химическими свойствами элементов (в системе Менделеева).

Французский физик Оливер Коста де Борегар предлагает интересное развитие Минковски-Эйнштейновской «вселенной», предполагая, что сосуществование космического *инфрапсихического* должно быть соотнесено с четырехмерным континуумом релятивизма. Это *инфрапсихическое* содержит запечатленные представления о внешнем мире, которые мы создаем в нашей психике. Эти образы - основные элементы для создания всех категорий высшего порядка (негэтропии и информации).

Поэтому, прослеживаются две тенденции в современном научном взгляде на основополагающие законы существования: одна обращается к образам, другая - к геометрическим и цифровым структурам. Юнг придерживается, по отношению к этим тенденциям, нейтралитета, говоря о том, что *unus mundus* содержит в себе все предпосылки, обуславливающие форму эмпирических феноменов. Эти предпосылки должны рассматриваться как лежащие вне сферы восприятия и как, в некоторой степени, до-образные и до-математические. Только по достижении границы восприятия они становятся образами или геометрическими или цифровыми структурами. Под «предпосылками» Юнг имеет ввиду архетипы, в их аспекте непроявленности в бессознательном, которые проявляют себя на границе сознания посредством образов, мыслей и типичных эмоциональных проявлений или действий. В связи с этим, Вольфганг Паули утверждает, что те же «интуитивные представления» в математике, идея бесконечности целых чисел, к примеру, и идея геометрического континуума, должны включаться в Юнговское понятие об архетипической идее. Если эти наблюдения окажутся верными, то это прольёт свет на вопрос о том, почему некоторые математические идеи оказываются частично пригодны для описания феноменологических закономерностей внешнего мира. Например, ни для кого не секрет, что конические сечения искали и открыли в древности для отображения на алтаре, где, как впоследствии было доказано, они повторяют модели планетарных циклов.

Мнимые величины, введенные Кардано и Бомбелли, странным образом описывают характерные особенности переменных токов. Абсолютное дифференциальное исчисление, возникшее в фантазиях Римана, стало математическим движителем для теории относительности. И матрицы, являвшиеся полной абстракцией во времена Кэли и Сильвестра, оказываются прекрасно адаптированными к особым ситуациям в рамках квантовой теории.

Если мы примем во внимание утверждение Паули о том, что некоторые математические понятия базируются на архетипической основе, тогда их изоморфизм относительно некоторых внешних феноменов не покажется таким уж необычным. Мы знаем то, что архетипы воспроизводят в человеке образы и идеи, которые основываются на его понимании окружающего мира, а также то, что они служат для возникновения соответствующих адаптивных реакций (подобно поведенческим паттернам у животных), которые, возможно, не отличаются радикально от базовой структуры физического мира как такового.

Встаёт вопрос: каково основное взаимодействие между математикой и реальностью? Математик Тобиас Данциг отвечает на него, определяя нашу субъективную реальность как «совокупность всех чувственных впечатлений индивида». Но спрашивает - существует ли, в то же время, объективная реальность? Анри Пуанкаре стремился определить последнее как «то, что наличествует во множестве мыслящих существ и может быть общим для всех». Не так давно современная глубинная психология обнаружила что мысли, которые могут быть «общими для всех», в каждый момент времени основываются на архетипической, предсознательной установке человеческой психики. Таким образом, «общность» Пуанкаре получает своё эмпирическое обоснование. Если мы возьмём коллективное бессознательное как основу подобного «совместного» опыта, описание основ математических моделей мышления сделает важный шаг в своей реализации потому, что мы сможем использовать сны для изучения их психической предыстории.

На мой взгляд, не только математические «интуитивные представления», упоминаемые Паули, носят архетипический характер

и возникают из структур, расположенных в пределах общего для всех бессознательного, но, даже более сложные математические системы, также, могут проистекать из его непосредственных интенций. Многие математики констатировали, что они обязаны своими открытиями влиянию этого источника. Б.Л. Ван дер Варден и Жак Адамар собрали целый ряд свидетельств известных математиков. Не секрет, что открытые Пуанкаре «тета-фуксовы последовательности» (ныне известные как аутоморфные функции) были открыты под влиянием бессознательных интенций. «Роль бессознательной работы в математических открытиях я считаю неоспоримой», заключал он, описывая стадии, которые привели его к этому открытию:

> Вопреки своим привычкам, я пил черный кофе и не мог уснуть. Идеи просто роились. Я чувствовал, как они сталкивались до тех пор, пока пары не сцеплялись между собой, если можно так выразиться, составляя стабильную комбинацию. В таких случаях казалось, что нечто, возникающее в бессознательной работе, частично соприкасалось с перевозбужденным сознанием, не изменяя своей природы. Тогда мы смутно понимали, в чем отличие двух механизмов или, если будет угодно, методов работы двух эго.

В своём письме Олберу, известный математик Карл Фридрих Гаусс также описывает открытие долгожданного принципа теории чисел:

> Наконец, спустя два дня, мне это удалось. Не уповая на мои болезненные усилия, но только милостью Господа. Подобно вспышке молнии, решение загадки было найдено. Лично я не могу утверждать, что за нить была проведена между тем, что я знал раньше и тем, что позволило свершиться моему успеху.

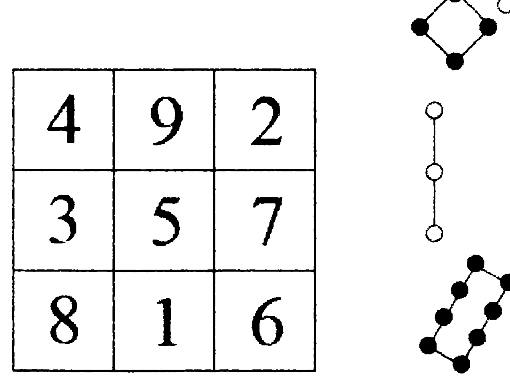
Феликс Клейн, первооткрыватель клейновых круговых фигур, также признается:

> В течение прошлой ночи с 22-го на 23-е марта (1882) ... около половины второго, теорема пределов окружности ... уже была задумана ... четырнадцатиугловая фигура ... вдруг предстала передо мной ... И теперь я понял, что открыл важную теорему.

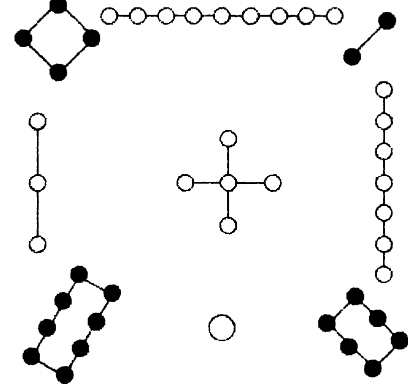
Это примеры тех открытий, которые произвели нуминозный эффект на своих первооткрывателей и оставили их с чувством абсолютной уверенности. По этой причине, Пуанкаре и Ван дер Варден пришли к выводу, что бессознательное обладает способностью к математическим связям так же, как и способностью к суждениям.

Несмотря на то, что нельзя объяснить ту форму, которую Декарт вывел из своих видений, его знаменитый опыт озарения может так же, по моему мнению, привести нас к представлению о полноценной математической закономерности, внезапно пришедшей из бессознательного. Открытие картезианской системы координат (мандалы), вероятно, тоже можно отнести к этому опыту, по причине того, что она ссылается на утверждение Декарта о *scientia mirabilis*. Далее этот визионерский опыт будет описан более подробно.

Китайская теория чисел имеет некоторые отличия, но и в ней прослеживаются основные понятия, созданные под влиянием бессознательного. В древнем Китае многие искусства и науки (такие, как музыка и архитектура) базировались на некоторых основополагающих цифровых концепциях. Одна из таких моделей известна как «Ло-шу» (модель реки Ло), план мироздания, который, по легенде, был преподнесён драконо-лошадью или богом в обличии черепахи великому герою Ю. Он содержал фундаментальную модель вселенной в следующей форме:

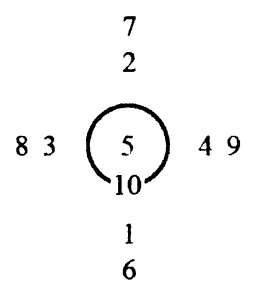

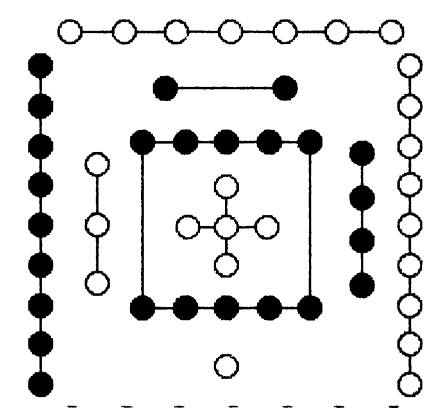
4	9	2
3	5	7
8	1	6

Модель Ло-шу (источник: Марсель Гранэ, La pensee chinoise, (с) Альбин Митчел 1936,1968, Collection Evolution de l'humanite, стр. 131.)

С точки зрения математики, эта модель представляет собой пандиагональный магический квадрат размером 3 на 3, для которого существует только одно возможное решение (из восьми комбинаций). По другой версии, модель Хо-ту, созданная драконо-лошадью в Желтой реке, представляет собой следующее:

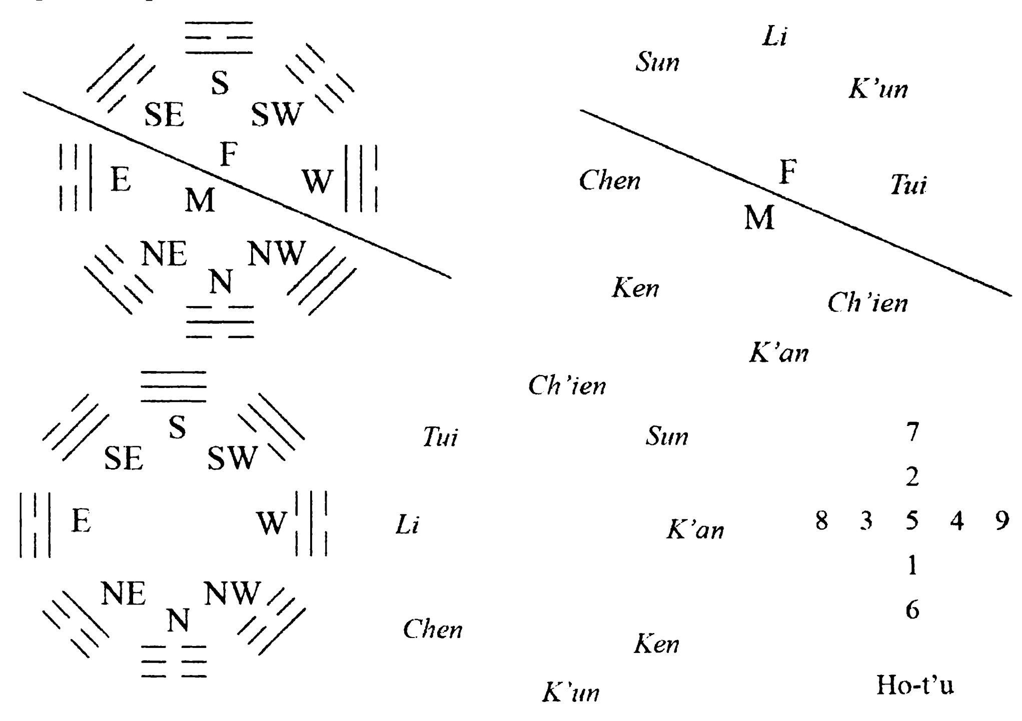

Модель Хо-ту (источник: Гранэ, Pensee chinoise, (c) Альбин Митчел 1936, 1968, стр. 130.)

Числовой квадрат Ло-шу и крест Хо-ту имеют ритуальное значение. Так называемая модель Юэ-лин представляет собой ещё одну числовую закономерность - древний календарь, в котором элементы соотносятся между собой посредством чисел. По древнекитайским воззрениям, пространственно-временной континуум, был «организован» в соответствии с числовыми закономерностями такого рода. Четыре основные арифметические операции, также, исходят из двух числовых закономерностей Ло-шу и Хо-ту. Первая была отображена в форме человека с числом пять в центре, девяткой над головой, тройкой и семеркой справа и слева, четверкой и двойкой на коленях и восьмеркой и шестеркой у ног, которые стоят на цифре один. Исходя из различных результатов комбинирования этих чисел, возникли операции умножения, деления, сложения и вычитания. Теорема Пифагора была, также, выведена из Хо-ту.

Наконец, мы должны добавить к этим примерам нумерологическую систему «И цзин», в которой 50 листьев тысячелистника первоначально использовались для прорицаний и расчётов. Знаменитые триграммы «И цзин» основаны на двоичной арифметической основе и, в свою

очередь, соотносятся с двумя взаимодополняющими системами универсума, как уже упоминалось. Восемь триграмм (Багуа) представляют собой особые числовые значения, сгруппированные в порядке, соответственном Ло-шу или Хо-ту. Согласно легенде, этот ряд взаимосвязей был заложен мифическим героем Фу Ши, которого породил дракон и чьё тело заканчивалось змеиным хвостом.

Вверху - младший небесный порядок; внизу - старший небесный порядок (Источник: Гранэ, Pensee chinoise, (с) Альбин Митчел 1936, 1968, стр. 156, 148)

Эти хорошо известные китайские числовые последовательности обладают символически классифицирующим значением, которое актуально для всего культурного пространства. В них, по словам Марселя Грантэ, числовые функции представлены как иерархически регулирующий элемент.

Эти китайские закономерности, также, могут рассматриваться как, своего рода, квадратные матрицы, представленные Кейли в его матричной алгебре, которая применима в диапазоне от квантовой теории до современных технологий. Основное отличие между китайской

матрицей и западной заключается в том, что китайская рассматривает единичные элементы в качестве «поля» вместо строго обозначенных алгебраических величин, и использует их соответственно. Тем не менее, эти матрицы, также, служили для помощи в сложных ситуациях. Стоит отметить, относительно китайских легенд, что все эти универсальные закономерности были изложены такими «проявлениями» как драконо-лошадь, черепаха, змея или другими низшими позвоночными. Переводя на язык психологии, это значит, что они произошли из глубочайших уровней коллективного бессознательного. Следовательно, закономерности, подобно математическим достижениям Пуанкаре или Гаусса, не являются результатом сознательного обдумывания, но были привнесены бессознательным.

Приведенные примеры из западной и восточной культур позволяют мне предположить, что бессознательное способно спонтанно производить математические структуры, содержащие в себе натуральные числа и, даже, в некоторых матрицах, выражать определенный вид упорядоченности. Эта гипотеза поддерживается математиком Джоном Крейтнером, который был глубоко впечатлен невероятной практикой математического познания у шумеров и вавилонян и заявил, что так называемая «инстинктивная математика» должна существовать в человеке в виде «непосредственно восприятия соотношений между числами». Это восприятие больше периодическое, чем визуальное - во всяком случае, «человек-компьютер», профессор Айткин, утверждал, что он ничего не представляет, когда решает арифметические задачи, но ощущает «очень мощный аудиально-ритмический импульс».

Если наше предположение о том, что бессознательное психики отражает особые взаимоотношения в мире чисел, найдет более широкое подтверждение, оно подтвердит убеждение Юнга о том, что натуральные числа содержат в себе важный элемент, который упорядочивает единство пространства материи и психики. Оно, также, создаст основу для его аргумента о том, что число представляет собой особый инструмент для осознания таких единообразных структур. Но, прежде чем мы перейдем к далеко идущим соображениям, необходимо

рассмотреть распространенные понятия натуральных чисел. Ибо мне кажется, что основная часть выработанных в последнее время теорий, с их преимущественно абстрактными определениями, не могут предоставить адекватных средств для исследования тех законов, которые заключаются в феномене синхронистичности. Статистические и вероятностные расчёты, разработанные из преимущественно количественных концепций чисел, здесь неприменимы, как уже отметили некоторые люди. По моему мнению, наша концепция числа должна, первым делом, расшириться в некоторых аспектах, прежде чем мы сможем применить её для исследования синхронистичности и других парапсихологических феноменов.

Западные идеи относительно чисел, которые мы рассматривали, вплоть до сегодняшнего дня, могут быть разделены на три основные тенденции: 1) математические теории, 2) попытки философского обоснования, и 3) исследования касательно числового символизма.

Что до недавно выдвинутых математических разработок, общий акцент там был сделан на формальных законах, которые выводятся из натуральных чисел, не затрагивая сами числа, как таковые. Несмотря на то, что, как подчеркивал Герман Вейль, вся структура математики, в конечном счёте, основывается на натуральных числах, сами числа лишь изредка становятся объектом интереса математиков и то, только как утверждение того «многообразия, из которого могут быть выведены основные законы».

Но, при этом, определенная иррациональность числа неоднократно подтверждается известными математиками. Вейль, который касался этой темы в своих ранних работах, позже обращался больше к гильбертовой логике, только чтобы вновь в конце подтвердить, несмотря ни на что, свою догадку о непонятности чисел. Он говорит:

Целью Гилбертовой «Теории доказательств» было, по его суждению, раз и навсегда решить основные вопросы. В 1926 была причина для оптимистичныхожиданийтого,чточерезнескольколетонииегосотрудники достигнут успеха в установлении формального эквивалента классической математики. Но эти светлые надежды не оправдались открытием Курта

Годела в 1931 ... Основные принципы и основные значения математики остались открытым вопросом ... «Математизирование» может быть творческой активностью для человека, подобно музыке. ... Несмотря на то, что идея трансцендентности мира существует и является цельной, представляя собой основной принцип построения нашего формализма, этот формализм всегда имеет характер незавершенности, поскольку всегда будут возникать проблемы, даже простого арифметического характера, которые могут быть сформулированы в рамках формализма и решены осмыслением, но не могут быть решены дедуктивным методом, в рамках того же формализма. Нас не удивляет то, что конкретная часть природы, взятая как отдельный феномен, бросает вызов нашему анализу своей неисчерпаемостью и незавершенностью; для полноты картины, как мы заметили, эти физические работы даны лишь в рамках возможного. Удивляет то, что концепция, созданная умом, последовательность целых чисел, самый простой и прозрачный объект для конструктивного ума, заключает в себе аспект неизвестности и неполноценности, если смотреть с точки зрения аксиоматики.

Герман Вейл не предполагал, что наше сознание, само по себе, создаёт ряды чисел, но осознал, что за его творческой активностью действовала особая предсознательная динамика бессознательного, чему он не был особо удивлён. Тем не менее, это очень хорошо, что он смог так ясно сформулировать иррациональность цифр.

Помимо математиков, множество философов неоднократно пытались определить понятие натурального числа. Готфрид Мартин в статье «Methodische Probleme der Metaphysik der Zahl», составил обзор различных исследований в этой области. На сегодняшний день, к сожалению, ни один из этих философов не принял во внимание феномен бессознательного, даже тогда, они обращались к психологии в своих рассуждениях. Соответственно, в своих попытках установить происхождение чисел исключительно на основе сознательных процессов, они столкнулись с определенной «алогичностью» или иррациональным элементом в понятиии числа, дальше которого они так и не смогли продвинуться и, потому, пытались просто его отрицать.

Другие пытались представить его как «алогическое состояние» или что-то, что они не могли описать, кроме как сходное с ним (используя для этого другие термины). Таким образом, истина заключается в том, что они признают иррациональный аспект числа, но не могут исследовать его более подробно.

Третье направление в исследовании чисел, добросовестно обращается к пифагорейско-платонической точке зрения, противопоставляя себя «строгим» математикам. Оно является совокупностью мифологических и символических воззрений человечества по поводу чисел, которые содержатся в различных исторических работах, некоторые из которых имеют огромное значение. Однако и в этих работах та часть, которая касается бессознательного, снова игнорируется, что приводит к ошибочным предположениям, о том, что высказывания символического характера, такие как, к примеру, число три как «мужское», является абсолютной правдой. Поразительное единобразие воззрений человечества на символику чисел неоднократно привлекало внимание некоторых символистов, как например Вернера Дакерта, справедливо отмечавших, что возрения различных культур в этой сфере в то же время существенно разнятся. Разные культуры имеют разные «священные числа» и одни и те же числа могут считаться как более «духовными» или «материальными», так и более «маскулинными», «хтоническими» или «феминными». В этой области знания, отсутствует бессознательный аспект числа. Мы знаем, что архетипы коллективного бессознательного подобны кристаллической решетке и, в жидком виде, находятся в бессознательном. Оставаясь сами по себе неизменными, их проявления в сознании человека могут варьироваться. За всеми этими вариациями лежит изначальный архетипический паттерн, который можно описательно реконструировать.

Здесь я хотела бы обратиться к школе Ганса Кайзера из числа символистов, хотя его последователи ввели аспект реалистичности к тому содержанию, которое не подтверждается многими другими показателями. Кайзер даже заявляет о прототипах, которые имеют параллели с архетипами Юнга. Но он подчеркивает тот факт, что, в

отличие от последних, его прототипы имеют в себе материальную основу. Он один из тех, кто игнорирует тот факт, что Юнг прямо заявлял о том, что его архетипы обладают «психоидным» аспектом, на котором покоится материальная реальность. Это разграничение, выдвинутое Кайзером, уже потеряло свою актуальность. Это, на самом деле, одно и то же. Вдобавок, Кайзер, односторонне придерживаясь пифагорейских воззрений, строит весь свой числовой символизм на пифагорейской *лямбдоме*, законе тональных интервалов, и представляет конкретные численно-символические значения в уже известном смысле. (Он выделяет, к примеру, «лунарные» или «солярные» числа и т.д.). Несмотря на всего заслуги в плане интерпретации, мы видим регрессию к исторически известным воззрениям на символику чисел.

Антропософ Эрнст Биндел подобным образом рассматривал значение натуральных чисел с привязкой к музыкальной гамме, эту область я не собираюсь рассматривать в этой книге, так как это завело бы нас слишком далеко от нашей основной темы. Тем не менее, его стоит здесь вскользь упомянуть. Вся сфера музыки и её отношение к числу, как мне кажется, представляет собой *чувственное* понимание их как схожих элементов, которое я попытаюсь сформулировать сознательно. Однажды Лейбниц сделал важное замечание о том, что музыка была скрытым навыком души, которая не знала о том, что она имеет дело с числами ... Запутанно и непонятно душа постигает то, что не может постигнуть в более ясном состоянии. Таким образом, если душа не замечает, что же именно производит эти расчеты, она ощущает влияние этих бессознательных вычислений, в виде радости от гармонии или подавленности от диссонанса.

Открытие бессознательного дало возможность пролить свет на эти смутные предположения. Если, следуя утверждениям Юнга, мы признаем, что бессознательное влияет на наши представления о натуральных числах, то все утверждения по поводу них видятся как частные аспекты архетипа числа. Для того, чтобы понять смысл этих аспектов, мы должны, первым делом, обратиться к простым фактам, а именно к отдельным числам как таковым, а, также, ко

всей совокупности мысли, включая технические и мифологические утверждения по отношению к ним от всего человечества. Числа, помимо того, что они архетипические структурные константы коллективного бессознательного, обладают динамической, активной особенностью, которую следует особенно принимать во внимание. Имеется ввиду не то, что мы можем *сделать* с числами, а то, что они делают с нашим сознанием и это имеет первостепенное значение. По этой причине, мои последующие изложения, в некоторой степени, балансируют на лезвии бритвы между философско-математическими и численно-символическими утверждениями. Но отдельное число, со своей уникальностью и фундаментальной фактичностью, всегда находится в центре моего внимания, поскольку оно — источник многих воззрений всего человечества.

Глава 3
Число как основное проявление ума и неизменное свойство материи

Сэр Артур Эддингтон, разработчик конкретных методов в эпистемологии физики, вывел три основных вида «познания»:

- Непосредственное знание (к примеру, чувство боли)
- Симпатическое понимание (наподобие того, как я представляю чью-то боль, как если бы она была моей)
- Концептуальное знание физической вселенной, в более узком смысле слова

Последний вид — это способность сознательно понимать и помнить концепции на основе чувственного опыта, это, также, относится к области симпатического познания. В этом смысле, «симпатичность» заключается в обобщении паттернов мышления различных людей.(1)

Такого рода паттерны (восприятие,»склонное к обобщению» (по Пуанкаре), берут своё начало, согласно Юнгу, в определенных структурах коллективного бессознательного.(2) Очевидно, здесь мы сталкиваемся с тем, что не можем понять бессознательное «само по себе». Мы лишь можем наблюдать его проявления на границе нашего сознания в виде снов, озарений и т.д.

К этой категории относятся математические объяснения, данные в последней главе. Отношения между математическими концепциями и реальностью отсылают нас к рассуждениям, которые я не буду здесь затрагивать. (3) Как упоминалось, методология описания физической реальности на основе умозрительных теорий и вопрос происхождения наших основных представлений становятся ключевыми проблемами для математика, который не знает о бессознательном. На мой взгляд, швейцарский философ и математик Фердинант Гонсет убедительно сформулировал эту проблему, говоря о том, что математика относится к той области знания, которая пролегает

«... между двумя полюсами: один полюс — реальный мир, называемый внешним и другой, называемый внутренним. Эти два мира трансцендентальны относительно сознания. Они не могу проявляться «сами по себе», но только по тем следам, что оставляют в нашем сознании.»(4)

Говоря о двух полюсах, Гонсет имеет ввиду те трансцендентные сферы реальности, которые обычно называют «дух» (разум) и «материя». Юнг, подобно ему, отмечал:

«Дух и материя проявляют себя в психике как особые состояния содержимого сознания. Их предельная природа трансцендентна, иными словами, неописуема, так как психика и её содержимое — единственная доступная нам реальность.»(5)

Согласно Юнгу, число отражает основные взаимодействия *обоих* сфер. Цифровые формы — это не только сущностный аспект всех материальных проявлений, но также и продукт разума (в смысле - как динамический аспект бессознательного). Они проявляются в наших мыслительных процессах как базовые архетипические структуры. Рассматриваемое как абстракция, целое число, само по себе, проявляет свойства, выраженные как данность, априори. Например, для нас вполне очевидно, что шесть — это первое число, представленное суммой своих делителей (единица, двойка и тройка). Эта особенность обуславливает, так сказать, «форму» или «структуру» числа шесть.(6) Подобные свойства присущи числам независимо от того, что именно ими исчисляется. Для нас они вполне очевидны, из чего следует, что они продиктованы самой природой числа.

Следовательно, мы должны признать что, с психологической точки зрения, число представляет собой архетипическое содержимое, поскольку последнее известно своим свойством провоцировать подобные «необходимые» обобщения.(7) Принимая в расчет эти «самоочевидные» свойства, числа первого десятка, определенно, обладают автономностью. Некоторые математики, такие как Пуанкаре, Вейл и Филлип Дж. Дэвис, вновь указывали на тот факт, что натуральные

числа обладают «личностью», «индивидуальными характеристиками», но ни в коем случае не теми абстрактными свойствами, которыми, среди прочих, их наделяли Готтлоб Френе и Бертран Рассел. Первые, таким образом, возвращались к платоновскому «это число Сократа, это число Каллия». (10) Аристотель, конечно же, высмеивал эти утверждения, потому что для него числа были всего лишь однородными единицами. Его точка зрения больше склонялась к тому, что число, всё-таки, продукт сознания. Юнг, в свою очередь, возродил платоновскую идею индивидуальности чисел, утверждая что:

> «бесконечная последовательность натуральных чисел соответствует бесконечному (т.е. очень большому) числу индивидуальных созданий. Эта последовательность состоит из индивидуальностей, и свойства даже первой десятки представляют собой — если они вообще что-то представляют — абстрактную космогонию, выведенную из монады.»

Единица, как первое число, это целостность. Но это также «*Единство*», Единое, Всеобщность, индивидуальность и неделимость — не числовое, но философское понятие. Архетип и атрибут Бога, монады. Очевидно, эти положения сформированы интеллектом. Но, в то же время, интеллект человека обусловлен и ограничен этим понятием единства и его значением. ... Теоретически, эту же логику можно применить для концепции каждого последующего числа, но на практике возникает множество осложнений.

Каждая последующая единица вводит новые свойства и новые изменения. К примеру, свойство числа четыре, может быть вычислено уравнением четвертой степени (например, через корень), в отличии от уравнения пятой степени. Помимо прочего, необходимо упомянуть, что число четыре — вершина и, одновременно, конец предыдущего подъема. Поскольку с каждой новой единицей добавляется, как минимум, одно математическое свойство, их выражения достигают такой сложности, при которой уже не могут быть сформулированы».(11)

Возвращаясь к примерам, рассмотренным в первой главе, становится понятно, что определенные математические структуры могут брать своё

начало в бессознательном и то, что западная теория чисел в этом плане существенно отличается от восточной. Западные математики искали количественные, структурные связи в этой теории, в то время как восточные больше смотрели на качественные, чувственно-окрашенные взаимоотношения. На подсознательном уровне такой оппозиции, вероятно, не существует; эта тема широко освещена в исследованиях человеческого сознания. Западная арифметика имеет дело с числом, в основном, в терминах количества или порядка, абстрагируясь от него самого. Всё, что она делает — это находит формальные арифметические, геометрические и алгебраические законы (12). В конечном счете, сама идея математической «последовательности» была выведена из этих законов. Позже, мы даже пришли к той точке зрения, что, вероятно, вся западная математика может быть сведена к ряду теорем, основанных на концепции натурального числа. (13) Даже логически формы, в пределах которых действует математика, на взгляд Германа Вейля, базируются на этих концептах.(14)

Такие основополагающие понятия как ноль, число и последовательность (Пеано) и, соответствующие числа, в наше время рассматриваются преимущественно в контексте теории множеств.(15) Бертран Рассел идет дальше, обозначая эти множества как логические, определяемые характеристики выведенных «измышлений». Он говорит:

»Единственная произвольная вещь относительно различных порядков во множестве терминов — это наше внимание, потому что сами термины, среди которых обнаруживается порядок, всегда имеют все порядки, на которые они только способны.(17) Соответственно, западная теория чисел игнорирует настолько, насколько может, природу классифицируемых множеств(18) и их так называемые структуры. Последние допускают, что в определенных обстоятельствах, они могут быть согласованы с объективными данными внешнего мира, *за исключением тех случаев, которые, в сущности, своеобразны* и которые неприменимы с научной точки зрения.»(19)

В то время, как западная теория чисел, в целом, всегда обращается исключительно к количественным или абстрактным структурным

аспектам числового порядка, китайская теория идет совершенно по другому пути. В своей основной работе, посвященной китайской мысли, Марсель Гранэ особо подчеркивает, что числа для Китая совсем не количественные единицы, но «знаки» (20). (Гранэ использует это слово в том же значении, в котором Юнг - слово «символ») Как и у нас, числа в Китае служат для описания «рядовых взаимоотношений между вещами» (das rapports reguliers des etres), но только в контексте иерархических категорий или «конкретных условий упорядочивания», вместо количественных категорий (21). Эти иерархические способы упорядочивания, в конечном счете, отражают фундаментальные математические закономерности вселенной. Которые, в своих деталях и через числа, раскрывают нам свою символику классификации. Числа, таким образом, служат преимущественно для проявления косвенных, индивидуальных аспектов космического единства или целого (22). Здесь наиболее важна фраза «косвенные, индивидуальные аспекты», поскольку она проливает свет на новое, существенное направление мысли — *отношение числа и времени*. Великое космическое единство, по определению, не может разделяться на множество «количеств»; но оно может проявлять себя во времени (всегда оставаясь всё той же полнотой) в различных качественных аспектах (или, по словам Манфреда Поркерта, в ритмических фазах трансформации), которые «косвенны» — буквально преобразуются происходящим вокруг (23). В Китае числа выражают определенные формирования, которые варьируются во времени, либо неуловимую «согласованность» внешних и внутренних факторов с единством мироздания. Каждое число, подобно упоминаемым матрицам Хо-ту и Ло-шу, всегда отображает тотальность. Числа в этих матрицах не отдельные категории, а отражения «фаз трансформации», которые формируют временной аспект полноты.

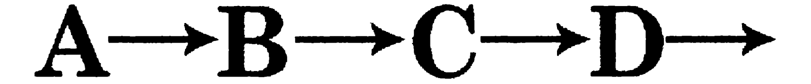
Эти, определенные во времени, свойства числа тесно привязаны к основам китайского мировоззрения, которое зиждется на принципах синхронистичности, а не причинно-следственной связи (24). Следовательно, необходимо обозначить основные отличия нашей каузальной системы от китайского образа мысли.

Юнг говорит об этом в своём «Предисловии к «И цзин»:

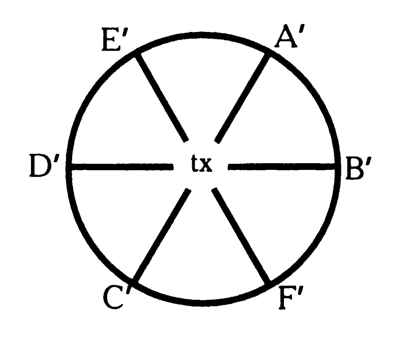
«Подобно тому, как причинно-следственная связь описывает последовательность событий, так и синхронистичность в китайском мировоззрении описывает совпадения. Каузальная точка зрения рассказывает нам впечатляющую историю о том, откуда D берёт своё существование: оно берёт своё начало из C, которое существует до D. У C, в свою очередь, есть отец B и т.д. Синхронистическая точка зрения, с другой стороны, пытается создать не менее значительную картину совпадений. Как так получилось, что A, B, C, D и т.д. появились одновременно в одном и том же месте? Во-первых, это случилось потому, что физические явления A и B имеют такой же качественный аспект, как и психические явления C и D. Во-вторых, потому, что они причастны к одной и той же ситуации. Сама ситуация подразумевает представление полной и ясной картины.» (25)

Каузальный образ мысли предполагает «линейное» течение времени, где чередование событий инспирировано «потоком» деятельности.

Китайская модель больше напоминает поле, как показано на следующей схеме.

Казуальная последовательность событий во времени

Поле синхронистических событий ABCD и т.д. Они сгруппированы вокруг момента времени *tx* со своими специфическими особенностями. То есть, они образуют "поле" свойств момента *tx*

И восточные, и западные концепции основываются на психофизической модели мироздания, поскольку в западных микрофизических экспериментах наблюдатель и его представления, в соответствии с которыми он и проводит эксперимент, должны браться в расчет. На востоке, всё психическое состояние экспериментатора учитывается как определенный аспект «поля» особенностей момента времени (26). В западной физике наблюдатель производит произвольное «отделение», замыкая в себе наблюдаемый феномен (27). В восточных предсказаниях «отделение» нужно для обозначения определенного момента, путем бросания монет или по стеблям тысячелистника (28).

Если на западе вероятностные расчеты используются для описания статистически обусловленных взаимоотношений в природе, в Китае числа служат для того, чтобы более точно определять свойства и характеристики синхронистического *kairos* (29). Подобно тому, как мы видим изоморфизм между числовым рядом и «линейным временем» (30), в Китае числа, сами по себе, считались формой истинного отражения времени, представленного через состояния (31). В этой идее необходимо признать то, что время — не «пустая оболочка» для событий, которые в нём происходят, а

> «Конкретный континуум, содержащий в себе характеристики базовых состояний, которые могут проявляться одновременно в разных местах, независимо от причинно-следственных связей. Как, например, случаи одновременного возникновения идентичных идей, символов и психических состояний (32).»

Знаменитая Книга Перемен полностью основывается на этих предположениях и её методика определения момента времени направлена на понимание этого «формального фактора» в течение времени.

Используются ли числа в качестве количественных единиц, как на западе, или, как в Китае, для определения качественных и символических свойств порядка, в понимании синхронистичных событий, одно в этих системах остаётся общим — число проявляет закономерности и задаёт упорядоченность. Юнг, в связи с этим, утверждал, что число —

самый универсальный инструмент, который может использовать наш ум для понимания порядка. «Возможно, что это самый простейший элемент порядка в уме человека ... поэтому, мы психологически можем определить число как *архетип порядка, ставший осознаваемым»* (33). В данном случае, под «умом» имеется ввиду упорядочивающая динамика в бессознательном, которая проявляет себя, как идея числа.

В своих работах по синхронистичности, Юнг определял число не только как первородную манифестацию разума или духа, но, также, как и неизменное свойство материи. Когда, по его словам, были выделены такие характеристики как масса, цвет, консистенция и т.д., числовой аспект материи остался как изначальный, основной элемент (34). Эта идея была на практике подтверждена последними открытиями в области физики. Открытие атомарной структуры материи, электричества и электромагнитной радиации привели к идее, что энергетические поля, лежащие в основе наблюдаемых феноменов, связаны с ними дискретными квантовыми единицами, чья исчисляемость основана на натуральных числах (35). Уже в 1919 году физик А. Зоммерфельд писал:

> «То, что мы слышим сегодня на языке спектра — настоящая музыка атомарных сфер, согласованность всех чисел, их взаимодействий, прогрессирующий порядок и гармония всех разновидностей. Во все времена теория спектральных линий будет носить имя Нильса Бора и сопровождать его будет другое имя — имя Планка. В конечном счете, универсальные числовые законы спектральных линий и атома берут начало из квантовой теории. Это тот таинственный орган, на котором Природа играет музыку спектра и чей ритм, в свою очередь, упорядочивает структуру атома и ядра. (36)»

Хотя эти замечания только усложнили ситуацию и смысл множества числовых значений стал ещё более неоднозначным, Паули отметил, что Зоммерфельду стоит отдать должное за классификацию открытых им гармоний, вместе с новой понятийной системой квантовой и волновой механики (37). Ученик Зоммерфельда, Вернер Хейзенберг, сохранил интерес к пифагорейскому взгляду на числа и всегда подчеркивал их

важность (38), в то время как Рудольф Карнап пошёл ещё дальше, отметив, что значение каждой физической величины заключается в том «что определенные физические объекты могут быть соотнесены с определенными числами». (39)

Не только дискретное проявление физической энергии подразумевает соотнесенность с числами, более того — физические открытия приводят к идее *пропорционального числа*, выявляя новую грань в понятии чисел. Структура оболочки атома имеет свои «магические» числа — 2, 10, 18, 36, 54, 86, 118, ... которые соответствуют числу электронов в каждом стабильном редком газе: He, Ne, Ar, Kr, Xe, Rn... Они были открыты и исследовались в период между Менделеевым и Бором (1923). Ещё один яркий пример — вопрос магических ядерных чисел (40). Известно, что некоторые числа играют особую роль в строении атомарного ядра. В частности, они вновь и вновь проявляются в структуре стабильных ядер, в их связующей энергии, в распределении изотопного и элементарного объема, в вычисленных сечениях ядерных реакций и в «нейтронных излучателях», во вращении ядер с непарным протоном и в других характерных процессах (41). Мария Гёпперт-Майер, одна из первооткрывателей этих процессов (вместе с Й.Х.Д. Йенсеном), обозначила для себя эти числа как »магические». К примеру, такие числа как 2, 8, 20, 28, 50, 82, 126 и т.д. Что интересно, она открыла эти числа таким же образом, как и Пуанкаре и Гаусс — через внезапное интуитивное прозрение из бессознательного (42). Она описывала, как долгое время ломала голову над тем, почему некоторые элементы, в частности стабильные изотопы, имеют одинаковое число нейтронов в своих ядрах. Однажды, будучи в рабочем кабинете Ферми, что в чикагском университете, Мария обсуждала эту проблему, когда раздался телефонный звонок. Повернувшись к аппарату, Ферми произнес: «Кстати, есть ли вероятность того, что их орбиты каким-то образом связаны?». «После этого всё стало на свои места. Через десять минут я уже об этом знала». Тогда она описала атомарные ядра как состоящие из множества оболочек, лежащих одна в другой. Внутренняя содержит два протона или два нейтрона, следующая — восемь и далее

в такой же последовательности. Подобные числа, судя по всему, производят определяющий эффект на структуру (43) и, к тому же, были обозначены как «пропорциональные числа», поскольку имеют пропорциональные взаимоотношения. Эрнст Генрих Вебер, достойный уважения за его попытки (в работе *Современная физика и глубинная психология*) достигнуть *сближения* двух дисциплин (44), так же ясно представлял себе эту особенность чисел:

> «Такое число, должно быть, разительно отличается от бесконечно малого числа линейных, неизменных и протяженных либо разделенных чисел и величин, равно как и от числа как шифра и как присущего идее о том, что число берёт своё начало как чисто логическая абстракция... Наоборот, это значит, что каждый объект характеризуется и управляется особым фактором, основанным на числах (45)».

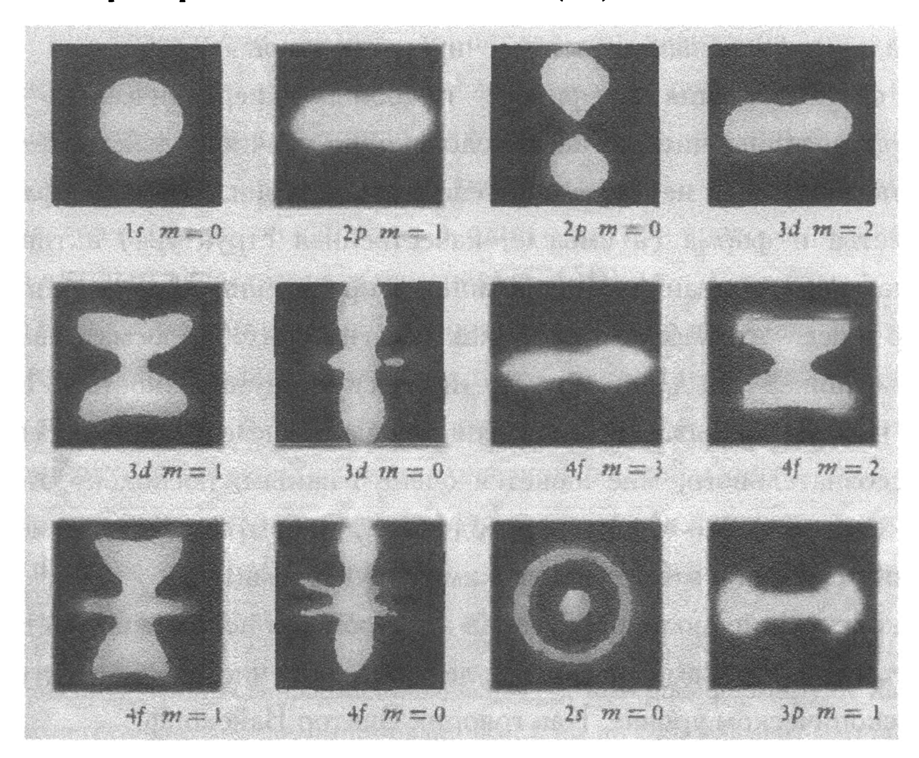

Схема распределения заряда в атоме водорода. Светлые участки обозначают интенсивность волн и, таким образом (по Шредингеру), распределение заряда электрона. Отдельные состояния характеризуются их квантовыми числами. Прежде всего, это основное квантовое число *n*;

буквами s, p, d и f обозначены значения переломных моментов, 1 = 0, 1, 2, 3. За ними следуют значения магнитного квантового числа *m*. Стоит отметить различное расположение ключевых областей. *Источник: Эрнст Зиммер, [Umsturz im Weltbild der Physik] (Мюнхен, 1961), стр. 391, воспроизведено с разрешения Карла Хансера Верлага.*

Такая согласованность не может быть воссоздана, она может быть только вычислена; число определяет, но не «предопределяет» (46). Каждое иерархическое число — это «отдельное состояние», выражение «объективных корреляций сил природы» (47). Энрих в связи с этим утверждал, что эти особенности чисел должны учитываться в целях разработки физики, «которая будет строить свои описательные модели, исходя из идеи целостности» (48). Тем не менее, он исключал отношение числа ко времени и принципу синхронистичности, и более не занимался сущностным значением чисел, как таковых.

В свете наличия в физике подобных «иерархических» или пропорциональныхчисел,становитсяочевидно,чточисло,действительно, представляет собой неотъемлемое свойство материи, равно как фактор количества и форма (в смысле, качественная структура) активного аспекта упорядочивания. В спонтанном определении Марии Гёпперт-Майер чисел атомарного ядра как «магических», просматривается нечто похожее на древнюю архетипическую нуминозность. И тот факт, что её открытие было инспирировано внезапным прозрением из бессознательного, мне кажется очень важным, поскольку это *ad oculus* («наглядно» — прим. переводчика) демонстрирует связь между бессознательным и микрофизическими структурами.

Реконструкция волновых узоров электронов в порядке возрастания частоты вероятно, самая наглядная демонстрация числовых структур на микроскопическом уровне. Как говорил Виктор Вайскопф:

> «Низшее, базовое состояние является самым простейшим; с возрастанием частоты усложняется и траектория. Первое состояние представляет собой сферическую симметрию, следующее — фигуру восьмерки. Более высокие структуры обычно более сложные, но и в них мы можем увидеть простейшие (49).»

Эти траектории, добавляет он, имеют исключительное значение в природе.

«Эти фигуры — *единственные*, которые может описывать траектория движения электрона в условиях атома, то есть под воздействием центробежной силы. Узоры ... определяются поведением атомов; они — основа молекулярных структур, в том числе и в молекулярных структурах кристаллов. Простейшая красота кристалла заключает в себе, в более широком смысле, основные фигуры атомарных структур. В конечном счете, все формальные и структурные закономерности, которые мы видим в природе, начиная от гексагональной формы снежинки к сложнейшим симметриям живых форм в цветах и животных, основаны на симметриях атомарных узоров. ... Добавление или исключение одного электрона приведет к фундаментальным изменениям в атомарном мире. Их траектория, вплоть до последнего электрона, определяет конфигурацию всего атома. Это, в свою очередь, определяет то, каким образом атомы взаимодействуют друг с другом и, что они, в конечном итоге, формируют — кристалл, жидкость или газ ... В атомарном мире количество переходит в качество — один электрон способен привести к существенным качественным изменениям (50).»

Строгий математический порядок в кристаллах, отчасти, стимулировал исследователей находить закономерности между их упорядоченностью и свойствами разума. Вернер Новацки отмечал возможность связи между кристаллической формой и юнгианской идеей об архетипах, проявляя в структуре последних как физические формы, так и психическую реальность (51). Он приходил к утверждению, что в симметрии кристаллов есть нечто духовное:

> «Симметрии есть формальные аспекты, которые формируют данные, соответственно определенным законам. Сам по себе элемент или процесс симметрии — нечто непредставимое. Только когда — как в данном случае — она оказывает влияние на материю, она становится представимой и понятной. Как уже упоминалось, симметричные формы лежат в основе кристаллообразной материи; это основные закономерности, по которым материя выстраивается в кристалл (52).»

Благодаря симметрии, кристаллические решетки базируются на осевой семикратной системе. Новацки продолжает, утверждая, что «Аналогии между симметричными элементами и архетипами становятся необычайно близки. Это стержень структуры реальности. (53)» Он утверждал, что архетипы и элементы симметрии должны рассматриваться в совокупности, как «группы упорядочивающих факторов», которые формируют психику так же, как и материальную реальность (54). На мой взгляд, эти элементы симметрии кристалла не только аналогичны архетипам, но и, в своём роде, более фундаментальные принципы природы.

Подводя итог: судя по всему, числа представляют собой как свойства материи, так и бессознательную основу наших психических процессов. Поэтому числовые структуры, согласно Юнгу, это вполне конкретные элементы, объединяющие материю и психику. Они «реальны»в двух смыслах: как архетипический образ и как качественное проявление в пространстве окружающего мира (55). Тем самым, они прокладывают мост между физически познаваемым и вымышленным. Эти структуры находятся во всё ещё неисследованной области соприкосновения между мифом (психическим) и реальностью (физическим), являясь одновременно качественным и количественным, представимым и *непредставимым* (56).

Следовательно, это не просто параллелизм понятий (к которому склонялись Бор и Паули), который располагает вместе физику и психологию, но нечто более существенное: психическая динамика идеи числа, как архетипической реальности. Проявляющейся в своём «трансгрессивном» аспекте в пространстве материи (57). Она подсознательно структурирует психические процессы *и* проявления материальной реальности. Как активный структурирующий фактор, эта динамика являет собой суть того, что обычно именуется термином «разум».

> «На самом деле (говорит Юнг), эта структурирующая активность или свойство разума, также, присуще и другим областям; физика может структурировать психику, а психика — пространство материи. Но, по

сути, оба они находятся под влиянием разума или духа, другими словами — числа (58).»

В «Феноменологии духа в сказках» Юнг описывает природу духа, когда он наблюдается как физическое проявление, как неизвестный элемент, воплощающий спонтанную динамику в бессознательном. Порождая, автономно управляя и структурируя внутренние образы. Число, как уже упоминалось, самая доступная, первозданная манифестация этого трансцендентного принципа активности в психикике (59).

Встаёт вопрос: в какой форме «дух» или разум, т.е. активный структурирующийфакторбессознательногосвязансматериейипсихикой? Вероятно, он действует (преимущественно в форме чисел) за пределами этих двух областей, но, при этом, оказывает на них непредсказуемый эффект (иначе, дух должен был быть частично материальным, частично психологическим или нам стоило бы вернуться к старой идее тонкого тела). По всей вероятности, число выражает сущностное свойство феномена, а феномен отражает сущность духа и это, определенно, те факты, что заставляют нас удостовериться в единой реальности (*unus mundus*). В конечном счете, тайна *unus mundus* заключена в природе числа. Причины, по которым мы соприкасаемся с тайными знаками *unus mundus*, всегда имеют числовое значение. К примеру, кучка камней, лежащая вон там и наблюдатель — тот, кто их воспринимает. Само по себе, это и есть непосредственное соприкосновение с *unus mundus*. Ниже представленная схема может быть полезна в эпистемологическом прояснении процессов познания, которые я имею ввиду. Сознательно отвернувшись от физической реальности (материи), психолог обозревает так называемую психическую реальность (заштрихованная область А). Физик, с другой стороны, наблюдает образы физической реальности или их взаимоотношения (заштрихованная крест-накрест область В), исключая при этом психику, воспринимая её как «персональный, субъективный элемент». Но, для психолога неизвестное скрывается за обозреваемой психической реальностью, поскольку он не может её определить, пока сам находится в ней. За пределами того, что физик

называет материей, вероятно, пролегает «реальность», непознаваемая сама по себе (два внешних кольца) (60). Вполне возможно, как отмечал Юнг, непознанное обоих областей, в конечном счете, причастно к одной и той же реальности.

Как общее неизвестное, *unus mundus*, таким образом, разделяет физика и психолога. Действуя в качестве мотивирующей активности, он предполагает «образ мысли» для обоих (заштрихованный центр С). Он может проявляться в их снах. Если оба исследователя обладают экстравертным типом, наблюдая, в основном, их научные «объекты», они видят неизвестное как А-В (вместе с затемненным внутренним кольцом). Но, если они направят себя по интровертному пути к собственным снам, они перестанут заниматься «наукой» в узком смысле рационализма 19го века. Они позволят себе руководствоваться данными из области С. Комплексный и сознательный научный подход, в будущем, безусловно, повлечет за собой использование, одновременно, обоих аспектов сознания и, соответственно, формирование двойственных, в этом смысле, теорий. Эти новые формулировки не будут безнадежно «субъективными» потому, что неизвестное (область С) - это точка, имеющая отношение ко всем людям.

Скорее всего, архетип натурального числа формирует простейшие паттерны в С, которые проявляют себя на границе восприятия. Изучение этих паттернов, таким образом, поспособствует доступу к трансцендентному пространству *unus mundus*.

ЧАСТЬ II

Структура первых четырех чисел

Глава 4
Число один как ограничивающий фактор непрерывности

Как уже упоминалось, основная проблема в рассмотрении феномена синхронии натуральных чисел заключается в том, что качественный аспект, изредка учитывающийся в современной западной теории чисел, должен быть применен по отношению к ним. В то же время, этот аспект придаёт новый характер концепции числового континуума, поскольку каждая отдельная числовая форма или структура, качественно воспроизводит невидимое целое. Этот континуум, тем не менее, не стоит определять как невидимое целое, но - как континуум, в котором каждое отдельное число воспроизводит протяженность континуума, во всей его полноте.

Когда последовательность натуральных чисел рассматривалась преимущественно с точки зрения теории множеств, она прерывалась, поскольку содержит ряд отдельных единиц, на последовательность, воспроизводящую основной элемент [1]. Исходя из этой идеи, западная математика работала преимущественно над «обобщением и расширением концепции числа», как сказал А.Н.Уайтхэд[2]. Он пришёл к заключению, что любая дифференциация в большинстве теорий, исследованиях и объяснениях противоречит математическому инстинкту. «Эти три понятия - переменная, форма и всеобщность, составляют, своего рода, математическую троицу, которая контролирует весь предмет.»[3]

На мой взгляд, тем не менее, эта точка зрения исключает четвертую, иррациональную, «данность» самих по себе натуральных чисел. Очевидно, этот элемент всплывает снова и снова, но никто не знает, что с этим делать. Анри Пуанкаре, к примеру, говорит: «Каждое целое (натуральное) число отделено от остальных, обладая собственной, так сказать, индивидуальностью; каждое из них формирует определенное

исключение, о чём общие теории чисел иногда имеют общее представление.»[4] Тем не менее, это уникальное свойство числа, видимо, содержит таинственный фактор, объединяющий психику и материю.

Число один обладает этим уникальным качеством частичной градации. В противовес остальным числам, оно не умножается и не делится само по себе потому, что оно - [делитель] всех остальных чисел. Это единственное число, которое увеличивает себя сложением, а не умножением на самое себя (1+1=2, но 1x1=1). Общеизвестные числа Мерсенна (2p-1) (p=простое число) и Ферма (2p-1) не могут быть образованы без единицы. Число один, также, образует предельное число треугольника Паскаля:

1
1 1
1 2 1
1 3 3 1
1 4 6 4 1

Это первый треугольник и, также, первое квадратное число $(n^*(n+1)/2)$ и (N^2). Это единственное натуральное число, которое не следует за другим; то есть не имеет предшествующего. В этом смысле, оно не является «исчисляемым». Если бы было так, оно бы было первым нечётным простым числом. На самом деле, число один в математике не относится к простым числам. И в умножении оно выполняет роль нейтрального элемента, чтобы избежать сложностей, связанных с его специфическим положением в делении. Любопытно, что существует научное обоснование этого допущения: в так называемых фигурах Хладни, формируемых вибрациями песка на металлических пластинах, фигурируют все простые числа, за исключением единицы [5].

В Китае, как и в западном числовом символизме, единица обозначает невидимое Целое, *hen-to-pan*, Всеединство [6]. Общеизвестно, что

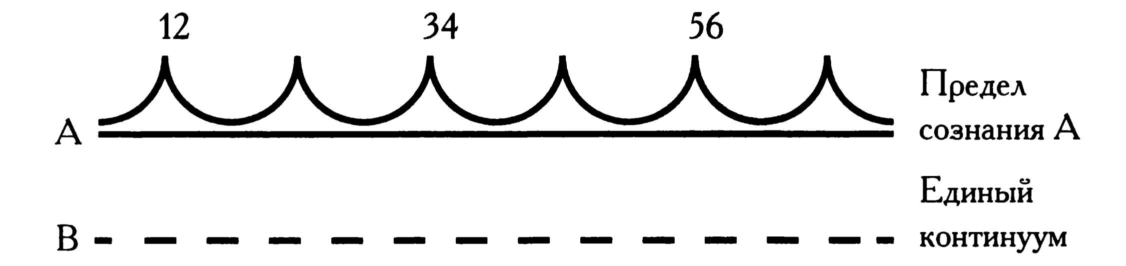
числовой ряд начинается с единицы, но, простираясь в бесконечность, указывает на то, что это число концептуально связано с бесконечным. Соответственно, к тому же обладает дополнительным дуальным свойством: количественно это отдельное число, качественно - содержит всю последовательность натуральных чисел. Характеристика «отдельного числа» проистекает из, своего рода *kenosis* (2 Кор.8:9), Всеединства, и, в этом смысле, единица становится *principum individuations*. Возникает парадокс: уникальность единицы и, в то же время, одна из многих. [7]

Платон и многие теоретики числа из его последователей считали все последующие числа происходящими из *диэрезис* (деления) монады. [8] Как неопределенное *dyas*, в Пифагорейском смысле, дуальность, с точки зрения Платона, занимает исключительную позицию. Поскольку она разделяет *или* удваивает монаду. Только при столкновении с изначальным единством она становится, в конечном итоге, двойкой. [9] Эта платоновская идея *разделения* основана на количественном типе интуиции. Следовательно, это точка, в которой я - отклоняясь от традиционного, пифагорейско-платоновского воззрения на число - хочу предложить иной взгляд. Вместо того, чтобы исходить из разделения монады, я предлагаю рассматривать последнюю - как проходящую через всю последовательность целых чисел. [10] Единицу можно сравнить с «полем», в котором отдельные числа предстают как активированные точки.

Этот континуум, который я предпочитаю называть единым континуумом, в корне отличается от общепризнанных теорий континуума Кантора, Дедекинда и Больцано — Вейерштрасса, в том смысле, что последние представляют собой сознательные конструкции, в которых натуральные числа топологически *не* отличаются от действительных чисел [11], а, также, не дифференцируются от их уникальных характеристик [12]. Если мы рассмотрим монаду как расширяющийся элемент, проходящий через всю последовательность, то придём к новой интерпретации развития числовой последовательности: с количественной точки зрения, она содержит бесконечно повторяющееся суммирование единицы, в то же время, с качественно-ориентированного подхода,

мы приходим к заключению, что единый континуум всегда остаётся неизменным [13]. В соответствии с этой новой гипотезой, число два, к примеру, не является разделенной или удвоенной монадой (или классом элементов, который, после исключения одного элемента, стремится к единому элементу), но - симметричным свойством единого континуума. Если это качество числа два умозрительно отделить и сопоставить с универсальной простой единицей, число три возникнет из этого сопоставления как их синтез, или как ось симметрии двухполярного единого континуума. Исходя из этого, тройка представляет собой едино-образующее свойство этого континуума, ставшее осознанным. Строго говоря, этот умозрительный шаг от двойки к тройке является ретроградным, размышления приводят нас от двойки обратно, к начальной единице. В принципе, эту процедуру можно повторять со всеми последующими числами [14]. Ретроградное исчисление, ведущее от тройки к четверке, было отражено даже в знаменитом алхимическом постулате Марии Пророчицы: «Одно становится Двумя, Два - Тремя, и (благодаря) Третьему, Одно - Четвертое». Это значит, что число три, взятое как единство относительно изначальной единицы, становится четверкой. Эта четверка понимается не столько, как «собственно» прогрессирующая, но ретроспективно исходящая, с самого начала. Следующий шаг к числу пять, также, описан в средневековой натурфилософии. Он присутствует в понятии «философского камня» как *quinta essentia*. Последнее - не столько лишь элемент, добавленный к четырем существующим, но представляет собой воплощенное единство их существования. Подобные примеры можно найти где угодно. К примеру, в Китае, одиннадцать - число Дао, но оно не берётся в количественном смысле как десять плюс один. Скорее, оно означает единство декады в её полноте (15).

В этом смысле, каждое отдельное число обладает свойством трансгрессии. Через ретроградное взаимоотношение с изначальной монадой, каждое число «прорывается» к своему преемнику. Как отмечал Юнг, эта особенность *hen-to-pan* относится к каждому числу. [16] Это можно проиллюстрировать следующим:

В то время, как числа над порогом сознания представляются количественно дискретными и качественно уникальными, в бессознательном они взаимопроникают и перекрываются (как и остальные архетипы коллективного бессознательного), как части единого континуума, пронизывающего их. С этой точки зрения, все числа - лишь качественно дифференцированные проявления одного целого. Последнее - это математический символ *unus mundus*, сходный с коллективным бессознательным. Я, позже, попытаюсь проиллюстрировать, что оно обладает относительно однородным свойством «поля».

Когда Эдмунд Гуссерль указывал на тот факт, что «повторяющийся акт концентрированного внимания» - это часть структуры числа [17], и Генрих Риккерт говорил о «однородном медиуме», лежащем в основе структуры числа [19], они имели ввиду схожие понятия. Но они ошибались в приписывании этой способности к нашему эго-сознанию. На самом деле, современная математика доказала, что наше сознательное эго может пренебрегать этими понятиями. «Однородный медиум» содержит, скорее, фактор *бессознательного*, который - учитывая его архетипическую основу - играет роль в наших представлениях о числах, и ответственен за их аспект целостности.

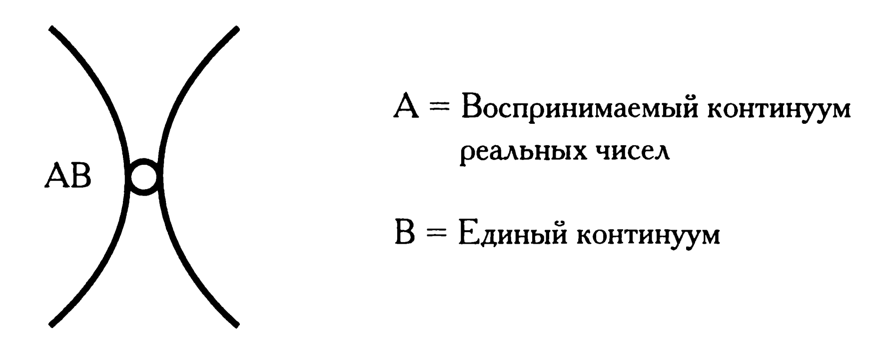
В своём количественном выражении, как конфигурации этого единого континуума, все числа становятся частью неделимого целого. Качество натурального числа, в таком случае, больше не относится к нему, как отдельному элементу, но к его целостности, с присущей ей иррациональной составляющей. Для наглядности, натуральные числа можно представить ступеньками на лестнице:

5
4
3
B 2 A
1

A = Воспринимаемый континуум реальных чисел

B = Единый континуум, в котором каждое натуральное число представляет временной аспект

Или можно проиллюстрировать их как точку между двумя континуумами:

Отнесенность к континууму A значит, что каждое число - это отдельная единица, но никакое натуральное число не дифференцировано от остальных и у них нет качественного разделения. Однако, отнесенность к B означает, что каждое натуральное число наделяется аспектами целостности и смысла.

Ещё одно наглядное отображение роли натуральных чисел в континууме представлено на следующей схеме. Окружность, благодаря которой все числа равноудалены от изначальной единицы. Эта диаграмма позволяет легче представить тот факт, что каждое число - это отдельный аспект всё той же изначальной единицы:

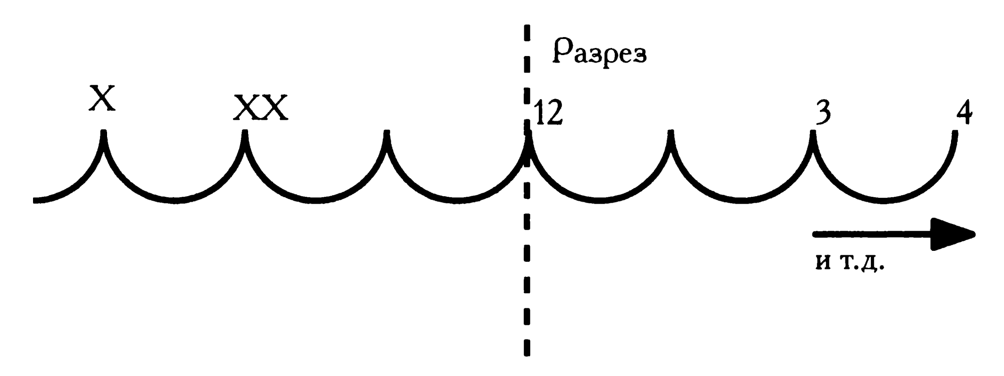

Эта целостность, относящаяся к каждому числу, ещё существовала в примитивных понятиях числа. Если

взять две группы спичек, в одной будет три спички, а во второй - две и спросить у первобытного человека «Что это?», он ответит совершенно верно - «три спички и две спички.» Если одну спичку переложить из группы, где их три, в группу, где две спички и повторить вопрос, он ответит «две три-спички и две две-спички с одной три-спичкой.» Каждый элемент качественно определен с точки зрения своей причастности к группе. Я уверена, что это свойство натуральных чисел должно быть заново пересмотрено. Подобно тому, как Георг Кантор на самом деле обращается к примитивным понятиям числа в своих исследованиях различных бесконечных множеств степеней [20], так и нам, на мой взгляд, было бы полезно пересмотреть изначальный характер числа, а именно его аспект целостности. [21]

Известный метод определения отдельного действительного числа это, к примеру, представление его в виде бесконечной последовательности вложенных интервалов повышения уровня. Где для каждого значения n, nth - интервал последовательности [альфа] и nth интервал последовательности *бета*, частично или полностью перекрывается [22]. Это, по утверждению Германа Вейля, более дифференцированная версия платоновского понятия *диайресис*. На данный момент, я не могу более подробно объяснить те выводы, которые были сделаны из этих прозрений. Неоднократно появлялись возражения в неправомерности представления бесконечного ряда элементов, в то время как они рассматривались как единое целое, с точки зрения отдельного человека [23]. Вейль даже доходит до того, чтобы отделить теории континуума от теории чисел [24]. Более того, в существующих концепциях континуума нет топологического разделения натуральных чисел. На самом деле, они могут отличаться алгебраически, но тогда они характеризуются не как единицы, а как выражения их общих знаменателей [25].

Если подробнее рассмотреть брауэровский континуум (бесконечную последовательность связанных интервалов с возрастающей степенью), то отдельные числа проявляются вновь лишь постольку, поскольку наблюдатель выделяет их, отмечая как «волновые скачки»: таким образом, начиная отсчёт, он делает *разрез* в последовательности [26]:

Когда натуральные числа извлекаются подобным образом, мы имеем, как следствие, «три из большого количества, или пять из множества, и т.д.». С другой стороны, когда мы рассматриваем, к примеру, число два «в себе» (*двоицу* в платоновском смысле), или рассматриваем два объекта, образующие множество, мы подразумеваем идею целостности, *всё-единства*. Тем не менее, в обоих случаях, отдельное число проявляется только когда человеческое сознание воспринимает группу объектов как количество. В математике, абсолютный предел установлен как «исчезновение эго», по словам Вейля[27]. Это говорит о том, что в ней, как и в современной физике, нельзя исключить проведение наблюдателем «разреза».[28]

В то время, как большинство математических гипотез связаны с чистыми актами сознания, с математиками, которые делают всё возможное лишь для того, чтобы выдвигать ни о чём не говорящие предположения, обращаясь к натуральным числам и группам объектов, существующим в природе, мы имеем дело с природными явлениями, не порожденными человеческим сознанием. Сей факт имеет место всякий раз, когда вопрос касается числовой структуры материи или когда «натуральные» числа проявляются в бессознательном в своём подсознательно-числовом смысле. Такие числа были «открыты»; они не могли быть произвольно созданы нашим сознанием. Поэтому они обладают «содержанием», которое было получено только впоследствии. Другими словами, они взаимодействуют в области психики, как и все остальные символы, порожденные бессознательным. В этом смысле, натуральное число - это «открытый» природный феномен [29]. Английский числовой теоретик Г.Х. Харди говорит следующее:

> Теория чисел больше, чем любое другое ответвление математики, началась как экспериментальная наука. Все самые известные теории были выдвинуты, порой за сотни лет до того, как были доказаны. И являются результатом гигантских вычислений. [30]

Позже, Герт Мюллер также подчеркивал, что «в математике область натуральных целых играет роль реальности, которая была открыта.»[31]

Как результат, в современной теории чисел, натуральные числа предстают в несколько ином свете - как логические абстракции. Но они могли возникнуть только после того, как опыт восприятия «чисел» уже стал сознательной идеей. Этот шаг вряд ли бы был сделан, если бы до этого не существовало самого феномена числа и, если бы мы постепенно не приближались к его существованию априори. Даже в сознательно сформулированных (т.е. выдвинутых) теориях невозможно исключить числовой аспект подсознательной упорядоченности, который лишь впоследствии становится сознательным. Например, это видно по тому факту, что постулаты считаются изначально «обоснованными». Генрих Герц однажды заметил:

> Никто не может избавится от чувства, что эти математические формулы имеют своё, независимое существование и собственный интеллект, что они мудрее нас, мудрее даже тех, кто их открыл. Что мы можем извлечь из них больше, чем в них было вложено. [32]

Но это становится возможным когда, принимая в расчет наши сознательные допущения, мы вводим их в игру, как настоящие символы в психологическом смысле. В глубинной психологии, мы различаем «знаки», условно используемые для обозначения того, что содержится в сознательной сфере [33] и «символы», произведенные бессознательным, которые всегда остаются наполнены значением. Символы могут распространяться в наших мыслях бесконечной чередой интуиций и инсайтов. [34]

Если мы допустим, что натуральные числа - это, в данном ключе, настоящие символы, а значит постигаемые, в основе, как архетипы,

они должны содержать психическую динамику последних. Другими словами, они обладают автономией архетипа. Благодаря этому динамизму, архетип постулирует себя, как уместно заметил Герц в связи с математическими наитиями. С точки зрения Юнга, числа на самом деле автономны побуждать к проявлению математических и психологических утверждений. [35] Они состоят из, своего рода, само-разворачивающихся или предсознательных аспектов. Для того, чтобы проследить их деятельность, как в природе, так и в нашей психике, мы должны рассматривать их как наблюдаемые природные явления. [36] Стоит поставить вопрос о том, с какой целью мы можем использовать их как инструменты [37]. В этом случае числа предстают как обычные психологические паттерны, о которых мы можем сказать следующее: единица означает полноту, двойка - разделение, повтор и симметрия, тройка - сосредотачивает симметрию и производит линейную прогрессию, четверка стабилизирует, возвращаясь к единице, так же, как позволяет наблюдать, создавая границы и так далее. Здесь мы, прежде всего, имеем дело с принципами, присущими каждому числу, взятому качественно, подразумевая функциональность как предсознательный психический фактор активности. Каждое число должно пониматься как проявляющее особую активность, проистекающую подобно силовому полю. С этой точки зрения, числа означают различные сочетания ритмов единого континуума.

Человеческое сознание может естественным образом постигать эту числовую активность, когда, разделив на два, выводит третье - объединяющую форму антитезиса через логически рассуждения и так далее. Но эта вторичная деятельность не затрагивает понятие числа в его изначальном энергетическом характере. Сама по себе, она формирует необходимые предсознательные данные для наших арифметических вычислений.

Когда мы рассматриваем число в его *четверичном* аспекте, оно состоит из:

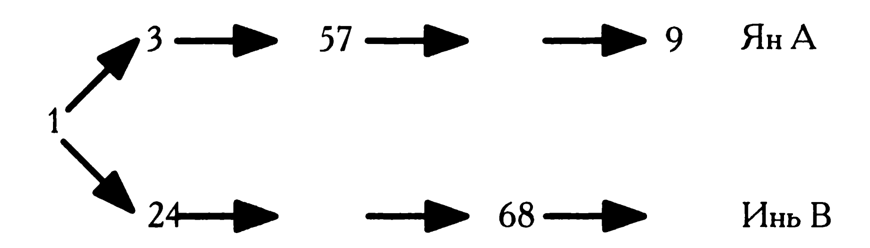
Каков практический смысл этого качественного аспекта числа? И как мы можем его представить? В моделях Ло-шу и Хо-ту, китайцы явно стремились использовать своеобразные матрицы, которые мы должны трактовать как «качественные поля». Их внутренние числовые структуры не должны рассматриваться как количественные, скорее они отображают временные фазы внутренней динамики поля. [40] Китайская концепция, в целом, основана на этой идее. Марсель Гранэ говорит:

> Онтологический и логический порядок *чисел* переведен в ритмические и геометрические изображения. Благодаря своей описательной способности, как толкователей конкретного анализа, числа *классификаторны* и, по этой причине, используются для обозначения определенных групп. Они могут служить показателями, поскольку отображают различные виды комбинаций, которые накладываются на вещи, организованные в космическом порядке. Если кому-то необходимо чувство прогрессии, числа используются в их линейной последовательности. Но, как уже было замечено, нет никакого иного расстояния между началом и концом прогрессии, чем того, которое разделяет целое *un total*, которое постигается в своём единстве, из «множества», которое стремится к пониманию и которое всегда рассматривается как нечто неделимое. Чтобы понять

идею данной прогрессии, [которая, в конечном счете, статична] и служит только для того, чтобы пролить свет на символические аспекты конечного космоса, иерархически упорядочивая категории - нет никакой необходимости обращаться к числам как элементам бесконечной последовательности. Лучше представить их *как «множество» конечной последовательности - в которой каждое число вполне способно отобразить всю последовательность.* [41]

По этой причине «числа служат для проявления взаимоотношений и пропорций, и для проведения операций с отношениями или для игры с возможными пропорциональностями.»[42]

В Китае, как мы видим, последовательности чисел и их подмножества выражаются не только как мысль о континууме, в котором изначальная единица по-разному себя проявляет, но как континуум с двойной и тройной осью, проходящей через весь ряд чисел, подобно изначальной единице. В частности, с точки зрения китайцев, последовательность чисел после тройки, продолжается двумя рядами четных и нечетных чисел, которые соотносятся с космическими ритмами Инь и Ян. [43] Единица здесь - отправная точка этого симметричного процесса: [44]

Новая идея, поражающая меня своей значительностью, изложена в схеме: нечетные числа заключают в себе и порождают четные. Последние всегда представляют собой обычную двойную проекцию (Ин-Янь) нечетных. Ни нечётные, ни четные не связаны с четными. Четные, скорее, симметрично центрированы или иерархически упорядочены по отношению к целому. [45] Эта дублированная прогрессия также и качественно преобразует числа: иерархический порядок обращает наше внимание на центр (⁙), в то время как симметричная упорядоченность отображает полярную природу последовательности чисел. Все большие

числа отражают сложную природу этих двух космических порядков. Довольно интересно, что в чистой математике эти две последовательности имеют важные отличия: обе они «ровно выстроены», но в них нет симметричного взаимоотношения. Нижний ряд В, к примеру, содержит только *одно* простое число - двойку. Все остальные принадлежат верхнему ряду А. Неважно, сколько чисел из ряда В складывается вместе, результат всё равно будет относится к ряду В. То же самое и при их умножении. С другой стороны, при сложении чисел из ряда А, результат всегда будет в ряду В. Согласно теории Голдбаха (всё ещё не доказанной), каждое число из В, начиная с шести, состоит из суммы простых чисел, в то время как каждое число из ряда А, начиная с девятки, состоит из трёх простых чисел. Китайская идея построения двух ритмично разделенных последовательностей Инь и Ян основана на том, что единый континуум со всеми своими характеристиками (полярность, центрированность, симметрия, динамика и т.д.), всегда содержится в каждом числе и среди всех целых чисел. Другими словами, китайцы рассматривают все числа как различные качественные состояния единого континуума. [46]

Доктор Мокусен Миюки обратил моё внимание на эту китайскую концепцию континуума числовых последовательностей. Её можно найти в доктрине под названием Хуаянь, буддийской школы, основанной Фацзаном (634 - 712 гг. н.э.), третьим патриархом в своей линии. [47] В его трактате «Хуаянь цзин вэньда»говорится о двух аспектах психического состояния, которому обучил Будда. Вся суть, если я правильно поняла текст, там заключалась в том, что Будда приписывал этому самую высокую стадию просветления (Глубочайшее чувство), в котором вопрос о существовании «Иного» он рассматривает как существующий факт. Фацзан выделил два аспекта того состояния, которого он достиг. Первое из них невыразимо и не имеет никакого отношения к человеческому - он назвал его «Пространство десяти Будд». Второе относится к сфере Бодхисаттва Самантабхадра и называется «то, что приводит к совершенству». Миюки сравнил первый аспект с юнгианским понятием *unus mundus*. Он символизируется «Чув-

ством глубочайшего просветления», другими словами, это пространство архетипов в их вечном, безвременном и тотальном состоянии. Второе состояние отображает то же пространство, но в том виде, в котором оно может быть пережито индивидуумом и, таким образом, описано.

В то время как первый аспект представляет собой безграничную совокупность взаимопроникающих элементов, второй может быть описан через сравнения. Для этой цели Фацзан использует символ десяти монет (ч›йен), в котором число десять означает всю бесчисленность в пространстве сущего. Десять монет содержат различные состояния (и-ти), идентичные сущности (т›унг-ти), всепроникающую непрерывную тождественность и, в то же время, взаимопроникаемость. С точки зрения сознания, никакого Иного не существует, но с точки зрения взаимопроникновения только «Иное», а не индивидуальное Я, и существует. В основном, между этими двумя аспектами нет отличия, они проявляются только если рассматривать их во времени. Тот эффект, который производит взаимопроникаемость заключается в том, что существует что-то [одно]: либо всеохватное Я, либо чистое Иное. Хотя эти два аспекта не могут совпадать по времени, они содержат в себе друг друга. Если перейти к сравнению, то это означает, что единица содержит в себе изначальное число, без которого не может существовать какое-либо иное число. Десятка, следовательно, представляет собой десять в единице. Десятку, объединенную единицей. Это свойство называется «прогрессией чисел». Мы также имеем понятие «регрессии чисел», согласно которому десятка содержит единицу потому, что единица не может быть выведена без десятки. Единица, сама по себе, не имеет силы (ву-ли) и потому интегрируется в десятку до тех пор, пока остаётся единицей, а не десяткой. (Эта идея «регрессии чисел» аналогична «ретроградному исчислению», благодаря которому я получила качественные числа.)

Психологически, этот текст является попыткой объяснить парадоксальность множества и единства архетипа Я, означающего психическую целостность. Конечно, мне кажется, что то, что Фацзан в

этой связи ссылался на дискретность и непрерывность числового ряда - чистая случайность. Через это становится очевидна идея континуума, лежащего в основе последовательности чисел.

На Западе подобную идею сложно даже представить. Она лишь тускло светится на фоне различных нумерологических спекуляций. Тем не менее, есть одно исключение. В конце 18го века оригинальный автор, архивариус и член тайного совета Счетной палаты, Людвиг фон Эккартсгаузен, опубликовал *Нумерологию природы* где, основываясь на каббалистических (и, по моему мнению, Фладдианских) источниках, наряду с другими работами по числовому символизму, выдвинул найденные там идеи континуума в более ясном и частично новом свете. Фон Эккартсгаузен провёл различие между математическим «анализом», используемым исключительно для измерения количества, и его «числовой теорией природы». [48] Вся природа, по его словами, предстаёт как «неразрывная цепь», чьи звенья сцеплены «непреложным законом развития универсальной силы, которая является единством всех вещей».[49] Такое развитие основано на течении времени. Это относится не к миру внешних проявлений, но к законам, существующим *до* появления количества. [50] В то время, как в обычной арифметике числа обозначают количество материальных единиц, это развитие обращается только к «единству», согласно с которым число образовывается постепенно. Такой тип мышления концентрируется на определении «взаимоотношения мыслимых объектов совокупно с представимой тотальностью»[51] Соответственно, числа представляют собой срединную точку между материальным и духовным (экстрасенсорным), они дают нам «истинное представление об экстрасенсорных явлениях.»[52] Объединяющий принцип - сам по себе - активное начало, число - пассивное.[53] (Эта идея восходит к Проклу, который говорит о созидающей силе монады.[54]) Для чисел сам факт того, что они выстраиваются в определенном порядке, говорит о том, что они связаны единством. Когда они исключаются из своей упорядоченности, они теряют эту связь. [55]

Понятие континуума у фон Эккартсгаузена уже существовало в древней Греции. Хотя, мы вынуждены признать, что, на данный момент, понятие окачествленного единого континуума оказывается

переплетено с понятием количественного континуума, выдвинутым современными математиками. [56] К примеру, в работах Платона, число один всё ещё определяет содержательную природу и, как показал Штенцель, в этом смысле оно много где используется для определения «смыслового континуума». «Неограниченная» дуальность больших-малых (дублирование или деление пополам монады) форм, с другой стороны, это вид «континнума становления» для всех чисел, за исключением простых. [57] Платоновская дуальность стремится в царство количества через идею *диайресиса*. [58] На мой взгляд, Платон таким образом отдаляется от природы континуума всех чисел. Потому как он думал, в соответствии с античным мировоззрением, в понятиях статичных числовых постоянных, а не ритмических построений. [59] Таким образом, в его работах сочетаются количественные и качественные позиции, что соответствует магическо-казуальному мышлению того времени. [60]

Оглядываясь назад на такого рода размышления, мы можем проследить смешение казуального и синхронистического взгляда на мир. С развитием западного научного мышления, происходит вычленение более конкретных понятий казуальности из «волшебных» идей прошлого и, в то же время, стремление к количественному свойству числа, путем отсеивания его качественных аспектов. Сегодня эта односторонняя тенденция достигла своего пика. По этой причине, Юнг выдвинул термин «синхронистичность», который включает некоторые аспекты, которые были исключены в стремлении к казуальному описанию природных феноменов. И сейчас их можно интерпретировать как синхронистичные события, не возвращаясь при этому к архаичным, магически-казуальным, формам мышления. Аналогично, как мне кажется, желательно ввести новое качественное понятие числа, чтобы дополнить доселе преобладающее количественное, не скатываясь при этом в магико-нумерологические спекуляции на этот счет.

Глава 5
Число два как ритм единого континуума, порождающий симметрии и наблюдаемые свойства явлений

Вольфганг Паули однажды выразил желание найти «универсальный» язык, описывающий одновременно физические и психические явления. Вероятно, динамические свойства чисел находят своё выражение на стыке этих областей. Теперь мы попытаемся проследить эту динамику по отношению к первым четырём числам, учитывая единицу как основное выражение континуума.

Число два, прежде всего, играет важнейшую роль в математике. Математик Брауэр, как и Платон, рассматривал идею двуединства как основу математической мысли [1]. Формально, число два начинает собой ряд чисел, которые могут умножаться и делиться сами на себя. Этот факт лежит в основе парной упорядоченности и всех двойственных отношений в ней. Кроме того, два — единственное простое четное число [2]. А также, это единственное число, которое при сложении и умножении даёт одинаковый результат [3]. Когда сумма обратных делителей числа равна двум, то мы имеем дело с так называемым «идеальным» числом [4].

Архетип двойственности, в аспекте своего подсознательного влияния, лежит в основе математических операций деления и возведения в степень [5]. По этой же причине слово, обозначающее двойку, соотносится со словами «разделять», «следовать» и «сопровождать» в некоторых первобытных языках [6]. Процесс повторения порождает математическую симметрию [7]. Также, архетип числа два - в случае двусторонней симметрии - стоит за операцией отражения как инволютивного преобразования числа [9]. Кроме того, он стоит за

принципом двойственности в проективной геометрии, в рамках понятия взаимоотношения точки и линии (точка находится на линии и линии пересекают точки) [10]. Как архетипическая структура мышления, двойка также лежит в основе разделения на четные и нечетные числа, составляет в геометрии ось разделения на левое и правое, формирует четные или нечетные преобразования векторных чисел [11].

Более того, архетип числа два стоит за открытием комплексных чисел. Термин «комплексные числа» обозначает любую пару действительных чисел [12]. По утверждению Вейля: «Что касается комплексных чисел, правила операции e = (1,0) составляют часть единой комплексной области, поскольку при умножении на любое комплексное число (α, β) в результате *выходит* (α, β). И $(0,1)$ это мнимое число i, которое удовлетворяет уравнению $i * i = -e$.» Операции перестают действовать в гиперкомплексных числах (где больше одной пары). «Следовательно, комплексные числа представляют собой естественную границу, которая очерчивает само понятие числа.» [14]

Так называемые эрмитовы матрицы, где комплексные числа представлены как математически мнимые, также могут служить иллюстрацией корреляции сознательного и бессознательного, поскольку в пространстве психического, точно таким же образом, каждое сознательное содержание сопровождается бессознательным «теневым» отражением.

Несмотря на то, что с математической точки зрения, содержимое числа два, в контексте двусторонней симметрии, является неопределенным (другими словами, это лишь вопрос математически определенных точек), это число всё же остаётся связано с идеей полярности и времени. Подобно тому, как принцип симметрии проявляется в физике в отношении позитивных и негативных электрических и магнитных полюсов. На самом деле, только недавно были доказаны основные особенности этих полярных проявлений, что привело к разделению понятий симметрии и полярности. Но когда число два берётся в контексте динамики человеческой мысли, полярность и здесь становится подходящим определенем для выражения числовых феноменов жизни,

даже в тех случаях, когда два полюса совпадают, в соответствии с законом совпадения крайностей. [16] В своей работе «Симметрия и полярность» Карл Лотар Вольф демонстрирует, как полярность и симметрия идут рука об руку в окружающем мире [17]. Он предоставляет множество биологических и физических доказательств, ознакомиться с которыми я предлагаю читателю самостоятельно.

Исторически, с пифагорейских времен, число два символически обозначало материю как *increatum*.[18] Это античное отождествление материи и числа два и сегодня не утратило своей актуальности, поскольку мы знаем, что когда человек проводит расчёты, прибегая к помощи «исчислимых» материальных феноменов или физической энергии в электронике, двоичная арифметика, как отражение нашей бивалентной логики, остаётся самой адекватной системой подсчёта. Кроме того, упомянутая выше последовательность «магических чисел», которая составляет атомарные структуры, начинается как раз с числа два [19]. Когда «свет» преобразуется в материю, результатом становится пара электронных близнецов (электрон и позитрон). В подобных соотношениях, двойка оказывается уже не просто связана с материей произвольным образом, но, *судя по всему, имеет отношение к упорядоченности, заложенной в самой природе*. Число два, однако, часто проявляет любопытный фактор неопределенности, обозначая как одно, так и другое. В физике две идентичные частицы, к примеру, электроны, принципиально не отличимые. Поэтому, если в одном состоянии их позиции обозначены, в другом они могут измениться. Если это не учитывается в теории, то она просто не согласуется с результатами экспериментов [20]. В целом, архетип числа два играет огромную роль в принципах четности и симметрии [21] (последнее представлено невоспринимаемостью вариаций референтных систем, вращением системы координат, Т-симметрией и т.д.) Таким образом, симметрия становится практически эквивалентна статичности [22], на которую опирается ее описание.

Но число два не только создаёт основу, на которой основывается наш спектр восприятия физического измерения, оно также воздействует

и на психическое. Помимо специфики своего отношения к бинарной структуре, заложенной в основе материи, двойка оказывает важнейшее воздействие на так называемые «пороговые явления» сознания. Идентичные объекты во снах, к примеру, или в мифах, указывают на тот факт, что содержания *только начинают достигать порога сознания* как узнаваемые объекты, как бы делая первый шаг к проявлению. Юнг говорит: «Сознательное восприятие подразумевает дискриминацию. Таким образом, структуры, возникающие из бессознательного, достигая порога восприятия, кажутся раздвоенными, но являются при этом двумя идентичными сущностями - одной и второй - до тех пор, пока не станет ясно - какая из них одна, а какая - вторая [24].»

В частности, во всех мировых религиях и культурах, пара одинаковых демонов или божественных фигур служат стражами мира мертвых. На языке психологии, это пространство относится к коллективному бессознательному. Пара египетских львов, сфинксов-стражников служит здесь хорошим примером. В Египте сила *(мана)* короля изначально была представлена львом, который, как двойная фигура, сидел у всех входов в храм и знаменовал собой, помимо прочего, восточный и западный горизонты [25]. Поэтому, в египетском языке слово «лев» также обозначало восточный и западный горизонты, темноту ночи и мир мёртвых. На границе этого мира, который бы мы сейчас назвали бессознательным, сидел двойной лев, Рути, означающий «вчера и сегодня» [26]. Позднее его назвали именем Акер, которое раньше было у божества подземного мира. Он сопровождал солнце во время его смерти и перерождения в мире мёртвых [27]. «Сила его таинственна,» говорится в одном тексте, «в нем содержатся глубочайшие тайны», он «тот, кто преисполнен тайн, кто неведом» или, «кто ведёт солнце к его воскрешению.» [28] Великий египетский бог Атум тоже рассматривался как лев, породивший двух львов (Шу и Тефнут), символизирующих вечность и бесконечность, соответственно. Этот двойной лев (Шу-Тефнут) и был самим Атумом. Констант де Вит утверждал: «Двойной лев, два горизонта, две мировые горы - эти образы символизируют переход от жизни к смерти, от дня к ночи, и

обратно. Они - стражники, врата, граница мира мертвых...» [30] Поэтому, нет ничего удивительного в том, что они порой проявляют себя и как сам мир мертвых, и как силы, охраняющие его тайну.[31] Двойной лев Рути - это божественный принцип, воссоздающий себя через смерть, восстающий из мертвых.[32]. С психологической точки зрения, этот лев символизирует психическую энергию *в её сокрытом, бессознательном состоянии и при её проявлении на пороге сознания*.

Всякий раз, когда содержание бессознательного проявляется в сознании, оно сперва предстает как двойственное единство. По этой же причине, все космогонии начинаются с двойственности: близнецы-творцы, бог и его «помощник», или, как в Бытии, земля «бесформенная и пустая» над которой носился Дух Божий. [33] Дуальность традиционно понимается как, с одной стороны, материя и, с другой, по мере развития сознания, это уже не вопрос чистой случайности; материальные проявления и содержания нашего сознания обладают относительной дискретностью и «вариативностью». Из-за этой своей особенности, они отчетливо проявляются на фоне недифференцированной целостности, представая либо как физические явления, либо как отдельные представления, перед нашим внутренним взором.

В контексте своей ритмичности, число два предстает как повторение - в виде колебаний или пульсаций, которые формируют основу наших представлений о времени (но не непосредственное его восприятие). Вероятно, именно этот факт ещё во времена античности привёл к мысли, что время и число соотносятся друг с другом. Эта идея будет рассмотрена далее, я также опишу некоторые исторические формы мандал, которые модулируют временную структуру вселенной. Неслучайно эти модели часто принимают форму *двойных* мандал. Все они представляют собой попытки пролить свет на трансцендентное единство всего сущего как в безвременном, так и во временно-обусловленном аспектах. Тот факт, что более дифференцированные модели *unus mundus* представляют собой двойные мандалы и то, что они формируются именно для корреляции времени и синхронистичности, предположительно указывает на их связь с числом два, как с символом порогового проявления.

Древние китайцы фактически разделили весь психофизический космос на двойной периодический ритм, взаимную энантиодромию Инь-Ян. Инь и Ян не космические принципы, как ошибочно полагают, но скорее, по утверждению Марселя Гранэ, симфония чередующихся ритмов, в которых элементы пространства (вперёд-назад) и времени (до-после) не отличимы друг от друга. Гранэ полагал, что *нет никакой разницы между материей и ритмом.*[35] В терминах музыки это означает, что Инь и Ян играют согласованно *(tiao)* и гармонично *(ho)*. «Вся вселенная в своей основе имеет ритмическую структуру.»[36]

В вышеупомянутом «древнем или первобытном небесном порядке» китайской Книги Перемен, также присутствует прогрессивная и регрессивная динамика [37]. Другими словами, изначально не существовало никакого линейного или циклического времени. [38] В древнем тексте говорится, что «силы противостоят друг другу, но не враждуют», подразумевая, что они уравновешивают друг друга в симметрично-двойном взаимодействии [39]. В этом смысле, двойственность обозначает частоту и ритм, но не линейное время. Это подтверждает тот факт, что появление идентичных пар образов указывает на отделение содержания от бессознательного континуума и приближение его к порогу сознания. [40]

В двойственном континууме, мы не имеем дело с упорядоченностью или серийностью. Но, вряд ли можно говорить о двойственности, не признавая при этом тождество или «инаковость» двух. Это различие не может быть осознано, если не противопоставлять двум изначальное единство, [41] что автоматически приводит нас к «тройственности.»[42] В числе два мы, прежде всего, имеем дело с полярностью, которая динамически проявляет себя как колебательный или систоло-диастолический ритм.[43] Многочисленные повторы этого ритма формируют «путь» и, следовательно, пространственно-временной вектор - третий элемент. Эта тройственность сокрыта в числе два, но не указывает прямо на само это число.

Юнг объяснял переход от единицы к двойке и от двойки к тройке следующим образом: »Число один притязает на некую

исключительность. Мы снова с этим сталкиваемся в средневековой натурфилософии, для которой единица - вообще еще не число; первым числом считается только двойка. Двойка есть первое число - потому, что она привносит разобщение и умножение, с которых только и начинается счет. С появлением числа два рядом с Единым появляется *Иное* - событие столь впечатляющее, что во многих языках «другое» и «второе» обозначаются одним словом. С этим легко связывается идея правого и левого, а также, что примечательно, благоприятного и неблагоприятного, или даже - добра и зла. «Иное» может наделяться значением «левого» в смысле «зловещего» (sinistrum) - или, по крайней мере, мы ощущаем его как нечто противоположное и чуждое. Поэтому, как утверждает один средневековый алхимик, Бог не восславил второй день Творения, ибо в этот день (понедельник, dies lunae) возник *binarius*, иначе - дьявол, двоичный и двуличный. Двойка предполагает единицу, отличающуюся от неисчислимого Единого. С появлением двойки из Единого выделяется единица, т. е. ослабленное расколом надвое, превратившееся в «число» Единое. «Единое» и «Иное» образуют оппозицию, но единица и двойка никакой оппозиции не образуют, так как они просто числа, не отличающиеся друг от друга ничем, кроме своего арифметического значения. «Единое» же стремится удержать свое единство и единичность, тогда как «Иное» добивается того, чтобы быть именно иным, противостоящим Единому. Единое не желает отпускать от себя Иное, ибо в таком случае оно теряет свой характер Единого; Иное же отталкивается от Единого, так как в противном случае оно бы вообще не существовало. Так между Единым и Иным возникает напряжение противоположностей. А всякое напряжение между противоположностями стремится к разрядке - из которой возникает Третье. В Третьем снимается напряжение и восстанавливается утраченное единство. Абсолютно Единое неисчислимо, неопределимо и непознаваемо; оно становится познаваемым лишь тогда, когда манифестируется в единице, так как требующееся для акта познания «Иное» в состоянии Единого отсутствует. Таким образом, тройка означает развертывание Единого к познаваемости. Тройка есть

«единое», сделавшееся познаваемым; если бы оно не распалось на полярные противоположности «Единого» и «Иного», то пребывало бы в лишенном всякой определимости состоянии.«

Эти «Пифагорейские размышления», как Юнг их называл, формально не являются арифметическими, но они относятся к тем» необходимым» утверждениям, которые мы вынуждены здесь привести. С этой точки зрения, после порождения двойки, число один остаётся первоначально связано с «другим» или «иным» и, так сказать, навечно остаётся на грани перехода к двойке. [45] Это означает, что единица, как и двойка, вплетена в единый континуум. [46]

Двойной жёлудь: немецкая игральная карта. Б. Меркель, Нюрнберг, 1583 [Источник: M. Riem schneider, Von 0-1001: Das Geheim nis der numinosen Zahl (Munich, 1966), p. 16, reproduced by permission of Heim eran Verlag.]

Это двойственное единство сохраняется и в символике карточных игр; в них двойка и туз изначально одинаковы, бог удачи, который одновременно и единица и двойка, другими словами - близнец. [47] Поскольку двойка воспроизводит относительное «разрушение» первоначального единства, она, как ни странно, схожа с нулем; иногда и

двойка, и ноль берут на себя роль «иного», противоположного единице. В бинарной арифметике «И цзин», китайцы представляли плюс и минус элементами единицы (Ян) и двойки (Инь), тройка и четверка соответствовали Небу и Земле, в то время как система Лейбница состояла из нуля *(=le rien)* и единицы *(=Бог)*.[48] Гельмут Вильгельм подчеркивал, что обратный порядок Лейбница с его негативным определением элементов «не-единицы» являлся основным фактором отличия между западом и востоком. [49] На востоке, «не-единица» - это существующий, позитивный элемент (нирвана), в то время как на западе он воспринимался как «ничто бесформенного хаоса». [50]

Дуализм плюса, минуса (попадания, промаха) также играл скрытую роль в теореме Бернулли и теории вероятности, в диапазоне результатов между двумя пороговыми значениями, нуля и единицы. [51] Дуализм нуля и единицы, или единицы и двойки также составляет потенциальную идею четверичности (0-1-1-2), как и для троичности (0-1-2), если взять единицу как промежуточное значение между нулём и двойкой. Подобное можно увидеть и в представленных выше частотных спектрах электрона: четыре проявляется как повторяющийся два-паттерн и три - как ассиметрично расширенная двойственность с выделенной средней линией. И снова мы можем наблюдать, как наш образ мыслей поразительно совпадает со структурами, найденными в природе. Согласно Юнгу, они, вероятно, не связаны напрямую, но отсылают ко всё тому же упорядочивающему фактору, а именно - к архетипу числа.

Глава 6
Число три как ритмическая структура актуализации в сознании и материальном мире

С чисто формальной точки зрения, число три обладает следующими характеристиками.[1] Это первое нечетное простое число и, одновременно, первое треугольное число (представляет из себя сумму предыдущих чисел, начиная с единицы). Это совершенное число и оно всегда содержит первое «исчислимое» число. Подобно двойке, оно возрастает при умножении и никакое, так называемое, совершенное или дефектное число, не обладает двумя и тремя делителями одновременно. Всё нечетные недефективные числа третьего и четвертого порядка всегда имеют в делителе тройку.[2] Касательно первых трёх чисел (1, 2 и 3), их сумма даёт тот же результат (6), что и их умножение.

Юнг психологически объясняет характерный три-континуум в «Психологии и религии», в его описании напряженности между «Одним и Другим» говорится следующее:

«Но любое напряжение противоположностей, в своей кульминации, приводит к возникновению «третьего». В котором это напряжение разрешаетсяивосстанавливаетсяизначальнаяцелостность. Целостность, абсолютное Единство, не может быть исчислимо - оно неопределенно и неизвестно. Только проявляясь в качестве единицы, числа один, оно становится постижимым для «Другого». Которому необходим недостаток Единого для этого постижения. Троица приводит Единство в то состояние, когда оно может быть познано и соединение становится узнаваемым. Если бы оно не было разделено на Одно и Другое, оно так бы и оставалось в состоянии, лишенном всяческих качеств.»[3]

Таким образом, число три отвечает за актуализацию единого континуума в пространственно-временном измерении и в нашем

сознании. В китайской концепции числа мы видим параллели со словами Юнга о continнуме числа три. Марсель Гранэ описывает это следующим образом:

«Единство (как Целостность) не является Единицей и не может быть отделено от Другого. Поскольку оно вбирает в себя все содержащиеся свойства, которые объединяются и противостоят друг другу. Такие, как левое и правое, высокое и низкое, переднее и заднее, круглое и квадратное, совокупность Инь и Ян. Каждая совокупность, Единство и Парность, Целостность - когда одно желает проявится в своей числовой форме, оно находит себя во всех нечётных числах, начиная с тройки (1 плюс 2).» [4]

Соответственно, последовательность начинается с числа три.[5]

Переводя на язык алхимии, как уже упоминалось касательно числа четыре, мы то же можем утверждать и про тройку: единица переходит в двойку, но из пары этих двух рождается третье.[6] Регрессия здесь так же имеет место, возвращая наши мысли обратно к единству, проявляя его в нашем сознании. В элетронных методах вычисления, шаг от двойки к тройке был реализован аналогичным методом в целях получения более точных результатов. Например, чтобы не путать 36 с 63, третий столбец представлен в виде центральной оси, помещенной между двумя числами в паре.[7] Относительно этой оси, различные числа не могут переворачиваться влево или вправо. Эта ось задаёт позиционирование по отношению к начальному единству и, в то же время, знаменует «момент рождения» числа три.[8]

Понимаемое как ритм или динамика, тройка представляет собой направляющий элемент колебательного ритма двойки, формируя тем самым пространственные и временные характеристики. Этот шаг включает в себя вмешательство наблюдателя, который создаёт ось симметрии относительно бинарного ритма. Другими словами, придаёт последнему темпоральную и пространственную определённость. Следовательно, число три - символ динамического процесса. [9] В мифологических проявлениях бессознательного, духи нижнего мира иногда являются в форме триады. [10] Согласно Юнгу, они

представляют собой *поток психической энергии*[11], указывающий на *связь со временем и судьбой*.[12] Герой мифов и сказок часто встречает в своём путешествии три одинаковые или относительно похожие ситуации или места (к примеру, трёх отшельников или ведьм, или же направляется к луне, солнцу и ночному ветру). [13] После этой встречи наступает четвёртая, кульминационная стадия путешествия. Подобные триадические ситуации или места, таким образом, отражают течение событий.

Эти триадные структуры богов и мифологических персонажей делятся на две категории: три одинаково важные фигуры (подобно трём Паркам) или состоят из *одной* главной фигуры, в окружении двух компаньонов (как Христос между двух воров или Митра, окруженный Дадофорами). В первом случае, больше представлена предсознательная динамика архетипа, во втором - реализация единства внутренних противоположностей [14] и проявление одного в пространстве-времени или в сознании. По этой причине, у некоторых индейцев слово «три» так же значит «центр одного».[15]

В прорицательной системе «И цзин», чьи зачатки, как уже упоминалось, берут начало в «раскрытиях» простейших позвоночных, используются двойные совокупности трёх линий (например, ☲ ☳ ☶ ☷ ☰). Из этих тройных линий, именуемых *па-куа*, получается восемь возможных комбинаций. Они отображают простейшую структуру всего сущего. Когда они дублируются в гексаграмму, они знаменуют собой 64 возможных проявлений *unus mundus*. Однако, нельзя игнорировать то, что эти числовые комбинации содержатся в нашей психофизической природе. Более того, современная генетика открыла, что биогенетический код дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) состоит из *четырех оснований* (аденин А, тимин Т, гуанин G и цитозин С), соединенных в группы по три. Эти группы составляют код для строительства двадцати аминокислот, формирующих все белки человеческого тела.[16] Из четырех оснований (4^3=) содаются 64 различных триплета. Информация о генетическом коде передаётся так называемым транслятором РНК к рибосомам кле-

ток, пропитанных рибонуклеиновой кислотой. Эти клетки имеют аналогичную конструкцию с дезоксирибонуклеиновой кислотой.[17]

Транслятор РНК подобным образом использует триплеты, для формирования простейших форм этого кода.[18] В этих генетических исследованиях мы сталкиваемся с тем, что метод передачи «информации» в живых клетках в точности соответствует структуре гексаграмм «И цзин».

Это поразительное совпадение, вероятно, наиболее весомое доказательство гипотезы Юнга о числе как регуляторе психики и материи. Одна и та же модель, лежащая в основе человеческой памяти и передачи (а, тем самым, и подоплеки всех наших сознательных процессов), была обнаружена сперва в Китае (через интроспективное исследование бессознательного), а затем на Западе (через генетические исследования клеток).

Переводя на «нейтральный» язык, число три означает единство, непрерывно порождающее линейные, необратимые, самораспространяющиеся процессы в материи и в нашем сознании (например, дискурсивное мышление). По словам Карла Меннингера, число три - это достигнутый в сознании шаг в сторону способностей рассчитывать и к процессам определения результатов. Он говорит:

«Тройка приносит нечто новое в само понятие числа. В ситуации Я - Ты, эго всё ещё заключено в напряжении с Ты. Но есть что-то над этим напряжением - Оно, Третье, Множество, мир. Этот тезис, объединяющий психику, лингивистику и нумерологию, может служить довольно расплывчатым парафразом понятия числа у раннего человека. Один - два - множество - не это ли находит отражение в существительных единственного, двойственного, множественного числа?»[19]

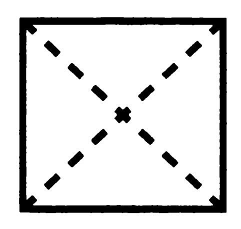
Три - это «за пределом», «транс-». Предпринимались попытки объединить *tres-*, «три» и латинское *trans*, «сквозь» (частично *trare* - «проникать»).[20] Сравните *intrare*, «вторгаться, прокалывать, проникать» (немецкое *eindringen*), во французком *trois* и *tres-*, английском «three» и «through» и т.д. Во многих формах письма множество отображалось тремя штрихами.

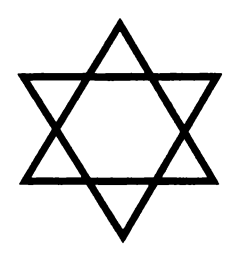
«Шаг к тройке - это шаг через темную завесу, перед которой число всё ещё глубоко укоренено в психике, шаг к трезвой и четкой объективности. Сила числа разделять, придавать индивидуальный характер вещам, таким образом, ослабевает. Но, взамен, возрастает его к сила к построению оперативной системы невообразимых масштабов, в виде возрастающего диапазона чисел.»[21]

Тем не менее, три всё ещё используется как прилагательное, выражающее определенный аспект единства. Хотя и был сделан определенный шаг в формировании числового ряда и реализации количественной множественности, достигнутой числом три, во многих отношениях оно всё же сохраняет своё единство. Многочисленные средневековые размышления о троице, а также аксиома Марии-Пророчицы, бесспорно подтверждают это.[22]

Идея о соединении пространственно-временного континуума с числом три и удвоенной тройкой (шестеркой), вероятно, лучше всего может быть проиллюстрирована сном современного физика. Перед сном он занимался тем, что перебирал различные схемы своей жизни. Он изобразил их в виде двойного треугольника (звезды Давида), на вершинах которого обозначил основные элементы своей внутренней жизни. И вот его сон:

> «Китаянка (возведённая в ранг Софии) стоит вместе с двумя мужчинами. Я четвертый. Она обращается ко мне: «Ты должен сыграть с нами во все мыслимые шахматные комбинации». Далее в полусновидческой фантазии она объявила ему нуминозным голосом: «В твоём рисунке один элемент правильный, но другой - преходящий и ложный. Ты правильно нарисовал шесть линий, но с точками всё совсем не так. Смотри» И я увидел:

квадрат с обозначенными диагоналям. «Теперь ты видишь четыре и шесть? Четыре точки и шесть линий или шесть пар из четырех точек. Это те самые шесть линий в «И цзин». Эти шесть, содержащие три в качестве скрытого фактора, правильны. Теперь внимательнее посмотри на квадрат: четыре линии одинаковой длины, а две другие - длиннее. Они «иррационально зависимы». Это *не* фигура с четырьмя точками и шестью равными линиями. *По этой причине симметрия не статична и возникает танец. Коньюнкция* - это перемена места в этом танце. Это также можно назвать игрой или ритмом и вращением. Поэтому, скрытая тройка в этом квадрате должна быть динамически выражена. [23]

Наиболее значимые аспекты этого сна станут самоочевидны в контексте следующей главы, посвященной числу четыре и юнговской модели Самости в виде двух пирамид. Сейчас важно обратить внимание на число три или шесть, как на воплощение динамического развития, позволяющего проявить символы во всей своей тотальности. И отразить во времени, чтобы они не застыли в статичной симметрии и гармонии.

В изучении возможных циклических взаимоотношений объектов схожих классов, Вольф фон Энгельхарт четко различает шесть типов отношений.[24] Двойная триплетная структура также, возможно, имеет существенное значение для пространственной классификации.

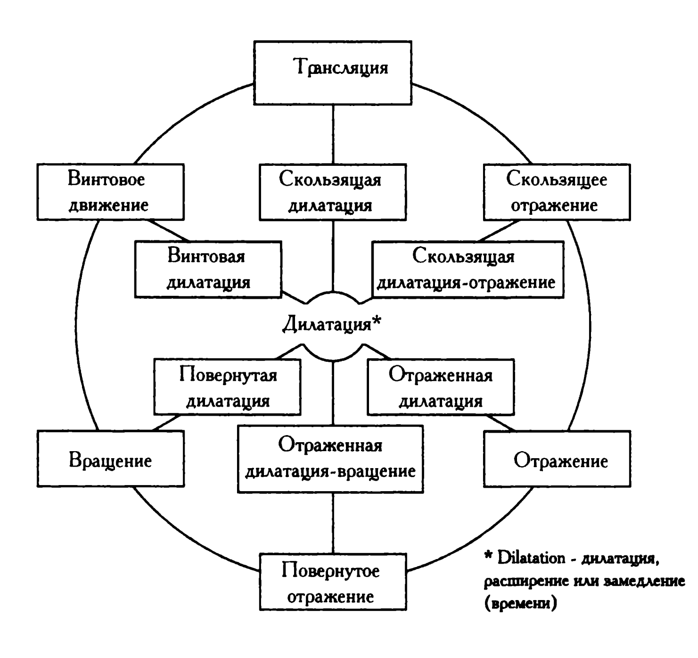

Схема позиционно-пространственных взаимоотношений. Отношения во внешнем кольце содержат в основе своей идентичность. Отношения во внутреннем кольце - дилатацию. Сама дилатация - исключительно внутреннее отношение.

Даже если сократить шесть внутренних взаимоотношений до трёх[25] (поскольку из них можно выделить две одинаковые группы), мы бы всё равно имели дело с тройкой (или удвоенной тройкой) и описываемым расширением в пространстве. В отличие от приведенных выше примеров, которые касаются больше расширения во времени, тройные ритмы, скорее всего, связаны с процессами в пространстве и времени или с их отражениями в сознании. В физике одна из самых важных групп - это вращение в шести измерениях. В шестимерном пространстве существует 15 независимых плоскостей вращения (так же, как и три независимые плоскости в трехмерном). Если в каждую группу добавить скрытый элемент, мы получим структуру из шестнадцати элементов или шесть групп из пяти (пентады), каждый член которой связан сопряженной парой.[26]

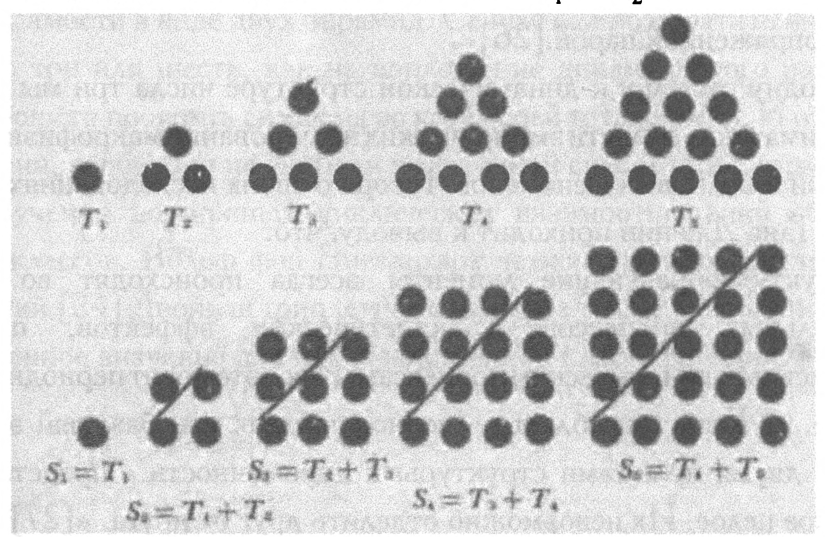
Ещё одну отсылку к динамической структуре числа три мы можем найти в киматики - области эмпирических исследований макрофизических колебаний и волновых феноменов. Говоря о своих исследованиях в этой области, Ганс Дженни приходит к выводу, что:

«Структурообразующие моменты всегда происходят во время колебательных процессов и кинетических эффектов, подобно кинетическим и динамическим процессам. И всё это носит периодический характер. ... Есть три области - периодичность, как базовый элемент вместе с двумя полюсами структуры и динамичность - представлены как единое целое. Их невозможно отделить друг от друга. «[27]

Это тройственное единство структуры, динамики и периодичности, которое, по мнению Дженни, лежит в основе киматики - ещё одна иллюстрация архетипа числа три. И вновь здесь мы видим, что решающее значение играет динамический элемент.

Глава 7
Число четыре как модель однородности Целого в замкнутых структурах человеческого сознания и тела

Формально, четверка является первым составным числом, а именно - первым квадратным числом и началом всех силовых чисел (2^2). Оно представляет собой сумму первых треугольных чисел (1 + 3) и, таким образом, образует последовательность $S = T_1 + T_2$.

[Источник: Тобиас Данциг, Number: The Language of Science, © 1930, 1933, 1939, 1954 The Macmilian Company, воспроизведено с разрешения Macmilian Publishing Co., Inc., и Джордж Аллен и Unwin Ltd.]

Знаменитый пифагорейский тетрактис содержит сумму чисел 1, 2, 3 и 4 (=10). Каждое квадратное число может делиться на четыре без остатка или с единицей в остатке. И наоборот — если коэффициент простого числа N_0 равен двум или имеет вид $4n + 1$, то оно может быть представлено двумя квадратными числами. Лагранж продемонстрировал, что каждое натуральное число можно представить в виде суммы, как максимум, четырех квадратов. В евклидовой геометрии четыре точки

образуют трехмерное тело. В физике, законы вращения твердого тела в пространстве основаны на кватерионах Гамильтона и Якоби. Мы можем сделать следующий шаг к качественно-ориентированному подходу через математическое заключение о том, что уравнения выше четвертой степени уже не могут быть решены через радикал. Таким образом, четверка представляет собой (по утверждению Меннингера) своеобразное «число границы». Этот аспект «границы» находит своё отражение во многих фигурах речи. Многие формулировки, к примеру, обладают, помимо двойных, троичными и четверичными значениями, но не более. Также, во всех языках числа не выше четырех этимологически образуются как прилагательные. Латинское *octo*, «восемь», относится к двукратности (числа четыре), в немецком *nein*, «девять» — значит «новое»: единица означает «заново». В чешском языке 1 + 1 *равны* 2, 2 + 2 *равны* 4, но 2 + 3 *равно* 5 (после пяти используется глагол единственного числа). Только начиная с числа пять, по утверждению Меннингера, следуют подлинно «пустые» числа, отделенные от объектов, которые они обозначают. Архаичный принцип сохраняется вплоть до числа четыре.

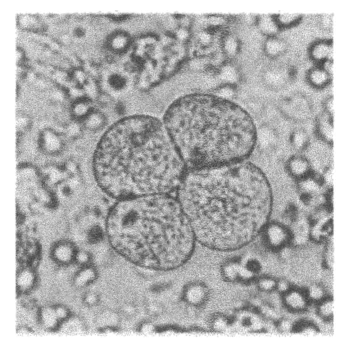
Поскольку Юнг практически всю жизнь посвятил объяснению психологического значения числа четыре, мне остаётся только отослать читателя к его работам. Здесь же я проясню лишь некоторые существенные аспекты его исследований. Тот факт, что постоянные попытки человечества обратиться к целостности имеют четверичную структуру, скорее всего соответствуют особой архетипической предрасположенности в психике. Для ориентации в пространстве мы используем компас, разделенный на 4 или 8 сторон. Четырёхкратная структура, как модель вселенной и божественного принципа, широко представлена в китайской культуре, у северных и южных индейцев, в культурах инков и майя, а также в дохристианской античности и культурах Средиземноморья. В средневековье, несмотря на преобладание Троицы, число четыре всё ещё присутствовало в числе элементов, агрегатных состояний, алхимических стадий, видов характера и так далее.

В современной теоретической физике имеет место модель четырех измерений Минковского и Эйнштейна. Кроме того, сегодня

принято считать, что в природе существуют четыре разновидности воздействующих сил: ядерная, электрическая, слабое взаимодействие (бета-распад) и гравитация. Сэр Артур Эддингтон, аналогично, предполагает четыре бесконечно малых постоянных в природе. Дирак указывал, что для соответствия законам квантовой механики и относительности, электрон должен быть описан через волновой вектор с четырьмя компонентами, что автоматически объясняет вращение электрона и позитрона. Если положить на стол четыре разных монеты, то операция объединения их в пары (включая и исключая их лицевые и обратные стороны) будет представлять собой ту же описанную выше групповую структуру, как вращение в шести измерениях. В геометрии таким же образом получаются результаты так называемых куммерийских областей четвертой степени, в теории тета-функций, и, наконец (но не в последнюю очередь), в описании элементарных частиц в их базовых состояниях, включая заряд и момент вращения, как было описано выше.

Даже в чисто технической сфере, число четыре выполняет роль числовой границы. Для «безошибочной передачи информации» служит поле Галуа, содержащее четыре элемента: 0, 1, A, B (где A и B могут отображать любую необходимую информацию, в сочетании с бинарной основой 0 и 1). Число четыре выступает здесь четким ограничителем для передачи информации. И наконец, мы должны упомянуть, что тройные цепочки генетического материала ДНК и запоминающего материала РНК построены на *кватериальной* основе, которая имеет $4^3 = 64$ вариации.

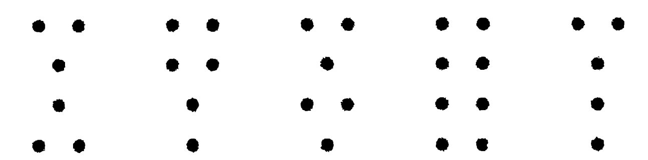
Кватериально структурированная «информация» находит себя и в древних традициях. Исламская практика геомантии (предположительно

Четверичная структура стадии морула, после встречи мужской гаметы и женской ооциты [Источник: Фото на обложке, Selecta 6, том. XIII (Февраль 8, 1971), с разрешения Scherig AG.]

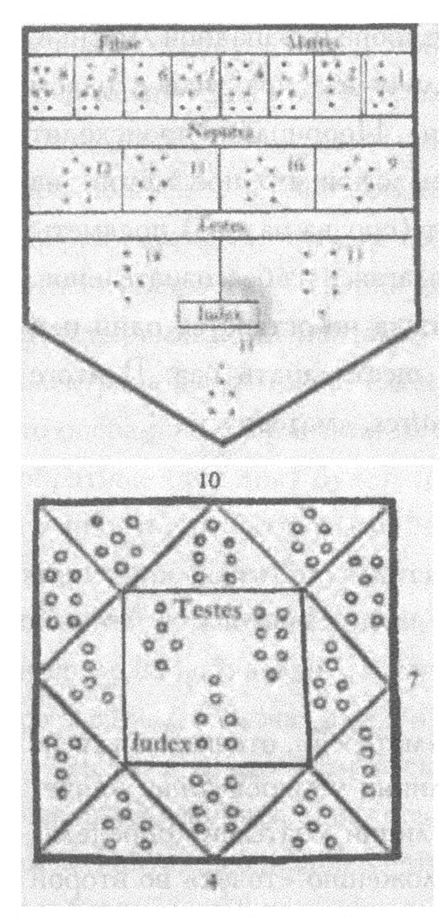
возникшая в Индии), распространенная в Европе и Западной Африке, основана на четверичной системе. Поскольку эта практика в целом неизвестна, я приведу её краткое изложение. Прорицание происходит путём деления гальки, орехов или аналогичных предметов на произвольные ряды. Геомант раскладывает (справа налево) предметы в четыре ряда. Выбирая их произвольно, полагаясь на бессознательное. Затем он извлекает пары из этих рядов, пока не останется один или два предмета. Эта операция повторяется шестнадцать раз. В итоге образуются четыре фигуры, называемые *matres*, «матери».

и т.д.

Затем, расположение «точек» в линиях «матерей», отсчитывая сверху вниз, используется, чтобы построить линии четырёх *filiae*, «дочерей». По расположению «точек» в первой линии «матерей» определяются линии первой «дочери». По расположению «точек» во второй линии «матерей» определяются линии второй «дочери» и так далее. Из «дочерей» создаются «племянники», *nepotes*. Наконец, «точки» девятой, десятой, одиннадцатой и двенадцатой фигур собираются аналогичным образом в две фигуры свидетелей (*testes*). Которые, сочетаясь, образуют итоговую фигуру *iudex* или «судьи». Отдельные фигуры качественно соотносятся с астрологическими символами, чтобы «прочесть» возможную ситуацию.

Эта предсказательная практика сохранилась не только в исламской Северной Африке и на западном побережье африканского континента, но также нашла широкое распространение в Европе. Один из последних сторонников такого рода предсказаний, Роберт Фладд, разработал любопытную «интерпретацию» этого процесса. На её психологическое значение недавно обратил внимание Конрад Джостен. Согласно Фладду, человеческая душа, помимо сознательного интеллекта и разума, обладает *mens* (высшим бессознательным разумом), который управляет, подобно

[Источник: слева, Конрад Йостен, "Robert Fludd's Theory of Geomancy and His Experiences at Avignon in the Winter of 1601-1602" Journal of the Warburg and Courtauld Institute, XXVII (1964), воспроизведено с разрешения Варбургского института и доктора Конрада Йостена. Справа, Ф. Хартманн, Geomancy (Лондон, 1913), исправлено автором.]

королю, всеми остальными функциями. По большому счету, эти функции ничего не знают о своих истинных мотивах. Этот *mens* в человеке имеет ту же природу, что и божественный дух и возвышает *mens humana* (человеческий разум (лат.) — прим. перев.) по своим лучам к истинному провиденью. Но человеческий *mens* может действовать и без божественной поддержки, через практику геомантии. Само собой, это означает, что мы можем проследить воздействие *mens* эмпирически и *ex effectu* (по результату (лат.) — прим. перев.). Фладд называл этот центр воздействия в душе «unitatem et ipsius mentis punctum» (единство, которое есть средоточие духа (лат.) — прим. перев.). Его можно достичь только за счет выхода из тела, в состоянии экстаза. В этой центральной точке, в *unitas* (единении (лат.) — прим. перев.), содержится знание, раскрывающее себя в геомантии.

Я упомянула эту теорию только потому, что она приближает нас к психологическому толкованию данного феномена. Фладд приходит к утверждению, что пророческое послание души скрыто именно в количестве и пропорциях предметов, а астрологическое толкование здесь уже вторично. Поэтому, движения рук, которыми воспроизводятся эти фигуры, не случайны — они исходят из души, истинной сути человека.

В нашем контексте важна именно числовая структура. В геомантии она содержит кватерионы отдельных фигур, которые выполнены через тройную стадию (двумя *testes* плюс одним *iudex*). Общее число фигур

равно пятнадцати (число симметрии в китайской идее квадрата Ло-шу). Суммарное число вероятностей равно 256 (или 240). Некоторые формы фигур показаны на стр. 120.

Бинарная арифметическая основа, соответствующая «И цзин», и преимущество чисел три и четыре имеют решающее значение. Потому, что западная техника следует от числа четыре, чтобы достичь троичной фигуры «правосудия», в то время как восточная исходит от тройки для достижения результата в виде четверичной модели. Их комплементарное взаимодействие в этой области, вероятно, связано с более общими мировозренческими установками двух культур. Это - как если бы мы спрашивали у неведомого - «Что мне делать?», в то время как на Востоке спрашивают - «Какому высшему принципу подчинено моё поведение?»

В Китае число пять имеет такое же значение, что и для нас число четыре, поскольку существует представление о центрированной четверке (⁙). Такая же концепция встречается и на Западе в виде алхимической идеи квинтэссенции. Квинтэссенция — это не пятый элемент, добавленный к четырём, но, более утонченное, духовно представимое единство четырёх элементов. Он либо присутствует изначально, либо извлекается из них, либо создаётся путём круговращения этих элементов между собой. В то время как пятиугольник геометрически представляет число пять в его количественном и аддиктивном аспекте, квинтэссенция представлена в виде квиконса (⁙) с центром четырёх. Юнг говорит о квиконсе:

> Четыре фигуры как бы заключают в рамку одну, выделенную как центр. ... Раскрывшись в четырёх, он приобретает четкие характеристики и может быть познан. ... До тех пор, пока нечто находится в бессознательном, оно не имеет определяемых качеств и, соответственно, сливается с универсальным непознанным, с бессознательным Всё и Ничто, с тем, что гностики называли «не-существующее всё-бытие». Но когда бессознательное содержимое достигает сферы сознательного, оно распадается на «четверицу», то есть оно может стать объектом опыта только через четыре основных функции сознания. Оно ощущается как нечто существующее (ощущение), определяется как таковое и обособляется от иного (мышление), оценивается как благоприятное или нет (чувство),

и, наконец, интуиция говорит нам откуда оно пришло и куда идёт. ... Разделение на четыре здесь подобно разделению обозримого горизонта на четыре четверти или года на четыре сезона. То есть, через процесс осознавания проявляются четыре основных аспекта всего восприятия.

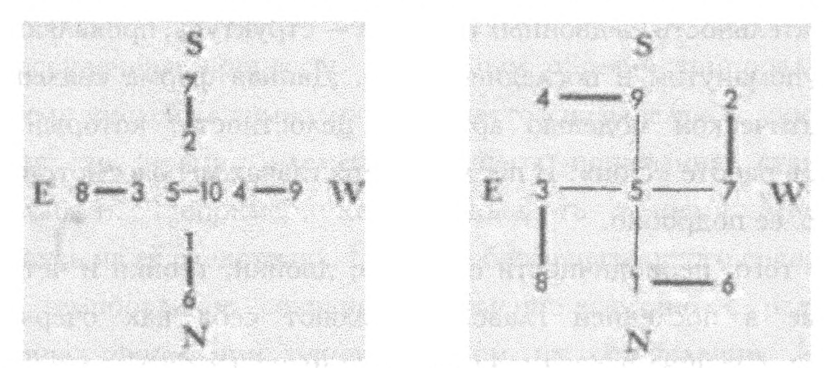
Юнг продолжает, говоря о том, что разум, естественно, может разработать дополнительные способы для восприятия объекта из бессознательного, но четыре упомянутых функции, скорее всего, являются самыми фундаментальными средствами для разделения и, соответственно, классификации круга или цельности.

Традиционно, число один геометрически связано с точкой, число два — с линией, три — с плоскостью и, как мы уже видели, число четыре эквивалентно телу в евклидовом пространстве, ещё со времён Платона. Но, на мой взгляд, мы должны ещё иметь ввиду обратное, ретроградное распределение в разуме, в котором единство *и* целостность соответствуют неизмеримой точке и бесконечному пространству. Тогда число два соответствует как гильбертову пространству, так и всем двойным последовательностям, а, также, всем геометрически выстроенным точкам и прямым линиям в инцидентном взаимоотношении (при котором геометрия должна содержать бесконечное число элементов). Число три соотносится со всеми упорядоченными последовательностями. И - четыре — со всеми конечными математическими структурами, такими как конечные группы и компактные топологические пространства.

Непростой переход от тройки к четверке должен представлять собой, согласно этой гипотезе, прогрессию от теоретической бесконечности к конечной реальности. Что согласуется с психологическим толкованием этого перехода у Юнга. Несопоставимость с позиции трёх измерений четвертого и ассиметрия последнего заключается в неизбежном включении наблюдателя, с его *целостностью*, в рамки процесса понимания. Эти процессы основаны исключительно на индивидуальном опыте. Но их результаты не являются чисто субъективными, поскольку здесь находит свою реализацию не только эго, но и «объективная» психическая целостность субъекта. Которая принимает участие в формировании окружения в определенный момент времени.

Значительность квиконса с «центрированной четверкой» можно пересмотреть, если обратиться к его изначальной форме в китайской теории чисел. Где число пять находится в *центре* первого ряда — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 (до десяти). По этой причине, оно занимает центральное место в уже упоминаемых моделях Хо-ту и Ло-шу.

В Китае, число 5 символизирует элемент земли, удерживающий и центрирующий все вещи относительно основ существования. Желтый

Слева - модель Хо-ту, справа – Ло-шу [Источник – Marcel Granet, La Pensee chinoise, © Albin Michel 1936, 1968, Collection Evolution de l'humanite, стр. 164.]

цвет, с которым ассоциируется этот «земной» центр, характеризует его именно как духовный принцип, а не конкретно земную почву. Это принцип *k'un* - экспансивное женское начало, одухотворяющее материю и пространство. Оно находится в центре четверичных мандал. Первоначальная единица производит манифестацию, которая задаёт упорядоченность числовой иерархии, а также проявляется в числе пятьдесят как символ «de la grande expansion» (великое расширение (фр.) — *прим. перев.*).

Пять — это центр четырёх. Прямоугольник представляет собой всю полноту мира и задаёт форму каждого храма. Он использовался для постройки военных лагерей и составления планов городов. С другой стороны, число пять, в частности, находится в центре нечётных чисел первого десятка: 1, 3, 5, 7, 9, в то время как шесть находится в центре четных: 2, 4, 6, 8, 10. Вот почему одиннадцать считается числом пути Дао: как сумма пяти и шести, оно объединяет два центра «подобно гномону или дереву, вознесённому в центр вселенной.» Символизм

образа дерева снова приводит нас к «реализации», или к осознанию индивида, которое достигается личностным ростом.

С этой точки зрения, число четыре является «полем», с присущим ему внутренним ритмом, который развертывается из центра (единицы), и сворачивается обратно. Модель Хо-ту можно понимать как иллюстрацию этого «поля». Если рассчитать по-отдельности начальную и конечную точку этого поля, в результате получится последовательность из двойных пирамид — структура, проявляющаяся во сне, упомянутом в последней главе. Данная форма связывалась с математической моделью архетипа целостности, который Юнг разбирал в работе «Эон». В последующих главах мы рассмотрим этот вопрос более подробно.

Более того, периодичности единицы, двойки, тройки и четверки, описанные в последней главе, проявляют себя как очерченные структуры, несущие всевозможные виды психического содержимого. *Но решающее значение они приобретают как структурные характеристи символа Самости,* как структуры космоса и божественных символов. Учитывая способ, которым эти образы коррелируют с числами один, два, три и четыре, они становятся носителями определённого психического отношения к реальности, зависящего от различных уровней сознания. В своих заметках касательно Троицы, Юнг подробно разбирает первые три уровня. На первом человек всё ещё наивно соучаствует в его окружении в стадии некритического бессознательного, признавая вещи как они есть. На втором уровне дуализм образов мира и Бога создаёт напряжение, рождая сомнения, критику Бога, жизни, природы и себя самого. В третьем состоянии возникает определенная проницательность, развитие осознанности и переосмысление единства на более высоком уровне — в слове, знании и гнозисе. Но процесс на этом шаге не заканчивается — «тринитарное» мышление не предполагает дальнейшего развития. Оно плоское, интеллектуальное и, следовательно, нетерпимо к иному и склонно к абсолютизированию. Безусловно принимая «вечный и абсолютный» характер некоторых архетипических

структур, эго считает себя их провозвестником. С этой точки зрения, из виду упускается тот факт, что хотя в коллективном бессознательном эти структуры могут быть вечными и неизмеными, они трансформируются, попадая в пространство индивидуального. Они перестают быть вечными и становятся обусловленными личностными ограничениями.

Принимая во внимание абсолютную правильность в контексте тринитарного мышления, мы упускаем из виду тот факт, что элемент, проявляясь в бессознательном как «вневременная структура», проходит через рассудочные процессы, тем самым обретая темпоральность. Вот почему числовой символизм так часто связывался со временем. Проникая во время, элементы нашего понимания становятся необратимыми. Например, нельзя доказать теорему Пифагора, основываясь на её следствиях. Переход бессознательного содержания в наше темпоральное сознание неизменно связано с редукцией изначальных форм при одновременном их осмыслении. Именно поэтому ошибочно было бы приписывать нашим идеям вечную действительность. Хотя мы и осознаём вечный характер изначальных наитий в сознании, мы упускаем из виду тот факт, что они подвергаются реконструкции временно-обоснованным мыслительным процессом, не имеющим абсолютного значения.

Когда индивидуум осознаёт эту дифференциацию, происходит трансформация сознания, при котором эго больше не наделяет свои идеи «вечностью». Оно сохраняет дистанцию и становится способно осмыслить прозрение лишь как одно из возможных откровений, содержащихся в неизвестном психическом и универсальном бытии. Развивается «четверичное» состояние ума, в котором он не провозглашает «абсолютные» догмы, но стремится описать реальность (основываясь на архетипических концептах) понятным для окружающих образом. Он одновременно осознаёт и тот факт, что предпосылки бессознательного действительно отражают внешнюю и внутреннюю реальность и то, что они претерпевают изменения, переходя в сознание, в более узкий, ограниченный во времени язык. Они теряют свою абсолютную действительность и становятся менее

конкретными. Становится очевидным, что важнейшие психологические проблемы сосредоточены между числами три и четыре. Ключевые взаимоотношения между ними Юнг подробно рассматривал в своих работах. Шаг от числа три к четырём приобретает особое значение, которое Юнг пытался описать через нумерологические и психологические доказательства. Известный пример этого перехода можно найти в платоновском диалоге *Тимей*. Текст гласит:

> Посему, бог приступил к созданию вселенной из огня и воды. Но две вещи не могут быть соединены должным образом без третьей. Ибо необходимо, чтобы между ними были некие скрепляющие узы. И прекраснейшие из всех уз те, которые в наибольшей степени объединяют и себя, и связуемое. Эту функцию лучше всего выполняет геометрическая пропорция.

Согласно Платону, сходство взаимоотношений этих чисел приводит их к единству. Размышления, которые приводят его к такому выводу, по утверждению Юнга, имеют далеко идущие психологические последствия:

> Если простейшие противоположности, к примеру, земля и огонь, связаны вместе через посредника [*με̂σον*] и, если эта связь имеет вид геометрической пропорции, *один* посредник_может связать только две плоские фигуры. В то время как два посредника могут связывать твёрдые тела. ... Двумерное соединение представляется лишь как абстракция, а не физическая реальность. Чтобы оно стало реальностью, нужно три измерения и, следовательно, два посредника.

Посему, для физического объединения, нужны две пары противоположностей или *кватерион*. Юнг продолжает:

> Любопытно, что Платон начинает с двумерного объединения противоположностей как интеллектуальной проблемы, решаемой размышлением. Но, затем приходит к выводу, что решение не соответствует действительности. В первом случае, мы имеем дело с самоопределяющейся триадой, в последнем — с кватерностью. Эта дилемма волновала алхимиков на протяжении тысячи лет. Подобное встречается в психологии как конфликт между различными функциями сознания. Три функции

достаточно дифференцированы, а четвертая, «низшая» функция — недифференцирована, неприспособлена, неконтролируема и примитивна. Из-за существенного влияния коллективного бессознательного, она обладает архаическими и мистическими свойствами и является противоположностью самой дифференцированной функции.

(В случае с Платоном, мы имеем дело с противостоянием между чувством и размышлением)

Психологическое и духовное отношение к проблеме трёх и четырёх описано Юнгом с позиции развития сознания, с мнимого взгляда на мир, когда наблюдатель воспринимает себя на уровне мышления и *переживания* бытия. Таким образом, мышление переходит от теоретических и интеллектуальных обобщений к мысленной «реализации». Юнг описывает проблему Платона следующим образом:

> Он довольствовался гармонией невесомых, мысленных форм и поверхностью бумаги, которой не хватало объема. Шаг от трёх к четырём поставил его перед чем-то неожиданным и чуждым его мысли, чем-то тяжелым, инертным, ограниченным. Где ни *μη ον* («небытие» (др.греч) — прим. перев.), ни «private boni» («лишение блага»(лат.) — прим. перев.) не могут быть исключены. Даже величайшие создания Бога подвержены им и славное тело «благословенного бога» наполнено праздностью, глупостями, злобой, бессмысленностью, болезнями, старостью и смертью.

(В такой форме Платон воспевает космос.)

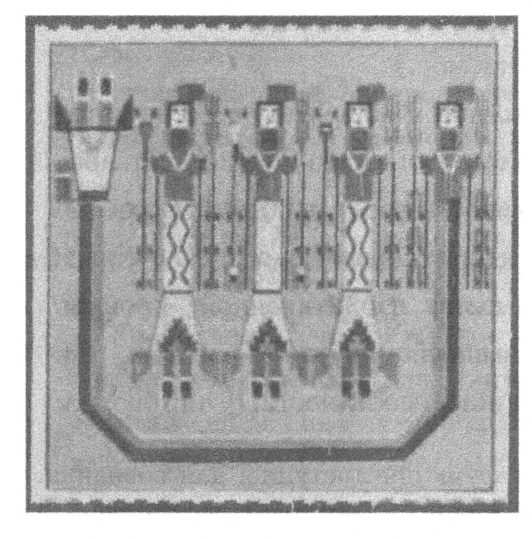
Средневековое христианское мышление включало в себя этот элемент аналогично платоновской философии. Оно также пыталось бороться с проблемой матеральной реальности через проблематику зла и несовершенства бытия. Поэтому, ряд средневековых философов пытался включить материю как четвертый элемент Божественной Троицы. В рамках личностной психологии вышеупомянутая проблема так называемой подчиненной функции имеет иные особенности. Юнг говорил:

> Три из четырёх психологических функций доступны для сознания. Есть экспериментальные подтверждения того, что рациональный тип с ведущей функцией мышления, к примеру, обладает одной или двумя вспомогательными функциями иррационального характера

— ощущением («fonction du reel» («фактическое основание» (фр.) — прим. перев.) и интуицией (бессознательным восприятием). Его бессознательная функция чувства (оценки) находится в неразвитом состоянии и подвержена влияниям бессознательного. Она отказывается взаимодействовать с другими и функционирует сама по себе. Эта своеобразная диссоциация является, скорее всего, продуктом развития цивилизации и необходима для освождения сознания от «духа тяжести». ... Сохраняется связь с более ранними установками, поскольку часть личности остаётся в ситуации прошлого. Эта часть переходит в бессознательное состояние и накапливает тень.

Таким образом, подчиненная функция остаётся в «... инстинктивном состоянии «всё или ничего». ... Посему, часто случается, что люди с хорошо развитым сознанием знают о себе меньше, чем ребёнок ...»

Неудивительно, что шаг от трёх к четырём связан с некоторыми трудностями — здесь всегда имеют место болезненные переживания. Этот переход нашёл отражение в алхимической традиции через знаменитый постулат Марии Пророчицы: «Одно становится Двумя, Два - Тремя, и (благодаря) Третьему, Одно - Четвертое». Ясно, что четверка содержит мощную ретроградную связь с изначальной единицей. С позиции искусства это взаимоотношение очень красиво показано на представленном ниже рисунке индейцев Навахо.

Роспись плитки в индейском поселении Тама [Собственность автора, подарок Миссис Мариан Байтс.]

Это изображение четырёх богинь: ряд из четырёх голов. Он начинается с юбки четвертой богини и, таким образом, единица и

четверка становятся идентичны — они обрамляют три оставшиеся фигуры. В результате инверсии, единица совпадает с четверкой. Другими словами, единица проявляется как четыре, сохраняя изначальное единство. В языке туземцев Адмиралтейских островов, слова обозначающие «четыре» и «один» фактически индентичны. Несомненно, что «единица» представляет собой ассиметричную составляющую предыдущей тройственности, а также весьма любопытное *coincidentia oppositorum* (»совпадение противоположностей» (лат.) — *прим. перев.*).

Число четыре довольно интересным ретроградным способом снова приводит нас к *unus mundus*. В следствии перехода к четверке, наш мыслительный процесс больше не зацикливается на теоретизации, а принимает участие в творческой «реализации процесса становления».

Фердинант Гонсет попытался описать это новое, четверичное мировоззрение (которое он назвал «une experience d'ouverture» («опыт открытия»(фр.) — прим. перев.) в рамках математики. Этот *experience d'ouverture* заключается в укреплении реализации, которая, по его словам, больше не связана с превалированием одного решения над другим, но выражена в игре идентификации и дифференциации, соглашений и дополнений, ограничений и расширений — игре, приводящей к диалектическому синтезу, построенному на четырёх ритмах. К примеру, в геометрии, этот новый научный подход предполагает четыре (!) принципа восполнения. Они следующие:

- Принцип открытости. Который заключается в неприятии допущения о том, что каждое (геометрическое) воплощение не может быть изменено.
- Принцип множественности. Означающий, что к одной и той же реальности могут применяться различные виды аппроксимации, взаимодействия которых можно подвергнуть диалектическому синтезу, упомянутому выше.
- Принцип взаимодействия. Приводящий к новым техническим открытиям (свойства креативности).

• Принцип интеграции. Благодаря которому все наши последовательные средства понимания адекватны и не могут быть разделены на несвязанные элементы (свойство целостности).

Ряд современных ученых-физиков начали искать сходные кватериальные модели мышления. Тот же Эддингтон предложил использовать букву *J* для существующих решений. Так называемое свойство «идемпотентности» или уравнение $J^2 - J = 0$ или $J^2 = J$ имеет два решения $J = 1$ (единство, существование) и $J = 0$ (несуществование). По его мнению, символ четверичного проявления играет роль в физических измерениях. Он состоит из четырёх факторов: наблюдатель, отношения между двумя объектами, плюс стандартное измерение. Эддингтон отмечал:

Соединив сам факт измерения с четырьмя объектами, мы без дальнейших исследований приходим к тому, что число 4 каким-то образом проявляется в картине мира, воплощая результаты наших исследований. Это семя, из которого вырастают те странно организованные чистые числа, которые мы называем константами природы. Сам по себе, этот вывод говорит нам очень мало и не даёт повода для спекуляций. Я считаю, что число 4 фактически отвечает за четыре измерения пространства-времени, *но косвенным образом*. Реальный подсчёт количества измерений пространства-времени происходит путём, где число, с которого мы начинаем подсчёт, и итог совпадают. Множество нитей должны сплестись воедино, прежде чем мы сделаем какие-то выводы с этого небольшого начала.

В физике мы находим такую же четверичность (VESM) и тройственность (PTμ): соответствия $dE - TdS + PdV - \mu dM = 0$ и $VdP - SdT - Md\mu = 0$. Эти соответствия и их производные регулируют широкий спектр физических и химических равновесий в биологических, геологических и космологических феноменах.

В современной физике преобладающий взгляд (включающий наблюдателя и не чуждый новым идеям касательно необратимости актов измерения) соотносится с психологией в признании реальности

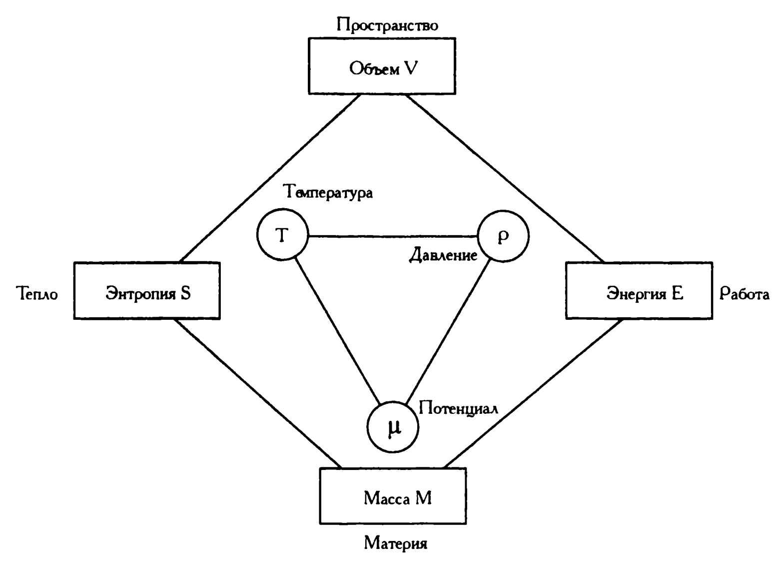

Схема профессора В. Байерс Брауна

бессознательного и серьёзным отношением к тени, психической реальности сновидений и «numina» (знаков), через которые проявляются синхронии. Таким образом, интеллектуальные измышления приобретают характер сдержанных попыток описания, а индивидуальная моральная ответственность играет гораздо более важную роль в психологическом понимании. Понимание бессознательных сторон своей личности становится необходимым, потому что «тень и противостоящая воля — необходимые условия для реализации в целом», и также для каждого достижения сознания.

Касательно этого вопроса мои взгляды расходятся с мнением Эрнста Эриха. Часто в своей книге Эрих затрагивает представленные выше взаимоотношения, но не учитывает проблему синхронистичности. Хотя он и не отрицает наличие архетипов, которые содержат не только психические, но и определяющие мировоззренческие факторы, он не принимает всерьёз взгляд Юнга о психоидном свойстве архетипов, которое проникает через психику в материю, проявляясь в феномене синхронии. Из-за этого, его утверждения во второй половине книги снова возвращаются к «тройственному» или «идеалистическому» образу мышления, и он отступает от основной проблемы, выдвинутой в начале работы. С одной стороны, он говорит о «функциональном

объединении объекта и субъекта», с другой стороны — не берёт в расчёт *наблюдаемые* и фактические проявления феномена синхронии. Проблема, с которой мы сталкиваемся в событиях синхронии, несомненно, является весьма «щекотливым» вопросом, где нужно мужество для его понимания. Потому как эти события бросают истинный свет на взаимоотношения психики и материи. Я глубоко уверена в том, что будущие научные и интеллектуальные изыскания не только распознают относительность всех личных высказываний, но и скурпулезно рассмотрят парапсихологические явления, матеральные «нумены», представляющие «знаки неизвестного». Нам необходим такой *experience d'ouverture*, чтобы противостоять этим интеллектуально неполноценным фактам. Тогда больше не будут выдвигаться «правильные» теории, но на их место придут описания переживаемых событий и выводы, основанные на них.

ЧАСТЬ III

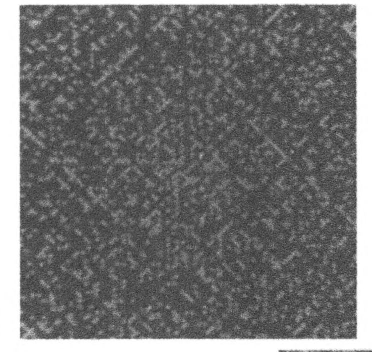
Область коллективного бессознательного и её внутренняя динамика

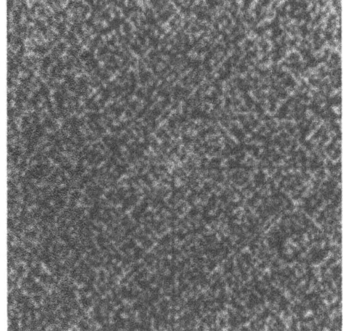
Глава 8
Архетипы и числа как «области» проявляющихся ритмических последовательностей

В современной теории чисел принято рассматривать целые числа как поля.[1] В частности, в исследованиях распределения простых чисел, с давних времён предпринимались попытки выстроить их в виде различных матриц или областей, начиная со знаменитого «решета Эратосфена» (см. рис.), где вычеркиваются все составные числа.

1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36
37	38	39	40	41	42
43	44	45	46	47	48
49	50	51	52	53	54
55	56	57	58	59	60
61	62	63	64	65	66
67	68	69	70	71	72
73	74	75	76	77	78
79	80	81	82	83	84
85	86	87	88	89	90
91	92	93	94	95	96
97	98	99	100		

Решето Эратосфена [Источник: Martin Gardner, "Mathematical Games," Scientific American (March, 1964), p. 120, copyright © 1964 by Scientific American, Inc. All rights reserved.]

[Фотографии любезно предоставлены Научной лабораторией Лос-Аламос, Калифорнийский Университет]

Как показано выше, числа выстроены в форме спиральной решетки и рассчитаны с помощью компьютера от 1 до 10.000 и от 1 до 65.000 (точки - это простые числа). Они выстроены в следующем порядке:

и т.д.

и т.д. | | | | | | | | и т.д.

37	36	35	34	33	32	31
38	17	16	15	14	13	30
39	18	5	4	3	12	29
и т.д.	19	6	1	2	11	28
	20	7	8	9	10	27
	21	22	23	24	25	26

и т.д.

Использование подобных матриц на Западе началось только со времен Эвариста Галуа, в то время как на Востоке они применялись испокон веков.[2] В настоящее время, концепция числового поля преобладает в западной теории чисел. В геометрии, также, были приняты аналогичные понятия. К примеру, сегодня пространством называется «совокупность с определяемыми смежными отношениями».[3]

В других областях науки идея поля или структуры имеет различные нюансы. Тот же Ланселот Л. Уит определяет идею структуры как «эффективной модели взаимоотношений в любой ситуации». По отношению к частицам, например, это означает, что они «склонны к систематическому и упорядоченному расположению в пространстве». [4] Можно добавить, что в пространстве элементарных частиц, их свойства когерентности согласуются для большей эффективности.[5]

Данную идею, на мой взгляд, можно рассматривать в иной форме - как свойство качественной однородности. Упомянутые китайские матрицы понимаются как качественные «поля», а не как матрицы в западном смысле слова. Они предстввляют собой, так сказать, всеобъемлющий архетипический порядок *unus mundus* и всё его мыслимое содержимое.

Такие же построения присутствуют и в древней западной теории чисел. Пифагорейцы, Платон в последние годы жизни, так же как и большинство мифологических и качественных теорий чисел на Западе - все они отмечали сходство между архетипическими образами (идеями) и числами, стремясь выстроить их в иерархическом порядке.[6] В своих работах по синхронии, Юнг писал о подобных исторических попытках. Он упоминает *Dialogus inter naturam et filium philosophiae* (Беседы между природой и сыном философии) Эгидиуса де Вадиса, где автор соотносит с числами ряд религиозных и алхимических значений.[7] Аналогичные попытки рассмотреть соответствия или идентичности[8] архетипических образов и чисел также были предприняты Агриппой фон Неттесгеймом и предшествующими ему нумерологами.[9] Ещё одной попыткой создания подобной модели было стремление Платона иерархически упорядочить «идеи» в форме пирамиды, высшей точкой которой являлась идея о благе. Я не буду подробно останавливаться на аналогичных идеях, которые плодились как кролики в «Театре» 17 века.[10] В большинстве своём, они состояли из статичных структур, где числа приравнивались к «идеям» или «областям космоса», основываясь на мистических аналогиях. Переводя на язык психологии, это значит, что они стремились обозначить *универсальный порядок коллективного бессознательного* (как суммы архетипов).[11]

Эти концепции четко определяли определённый порядок бытия. Более того, числа в этих концепциях просто приравнивались друг к другу, без попыток более детально обозначить сходства. Но, прежде чем мы перейдем к рассмотрению данного вопроса, нужно ответить на ещё один: Каким образом мы можем разделить натуральные числа и архетипические символы, такие как солнечный диск, древо жизни и т.д.? Несмотря на то, что числа всегда считались аналогами данных образов, они содержат в себе более абстрактный компонент. Юнг определял натуральное число как *архетип порядка, ставший сознательным*.[12] Это означало бы, что наша идея порядка содержит предсознательную часть или, другими словами, она основана на врожденной бессознательной предрасположенности человеческой психики. Как следствие, эта врождённая предраспо-

ложенность лежит в основе знания и рационального формулирования порядка, который мы имеем в сознании.[13]

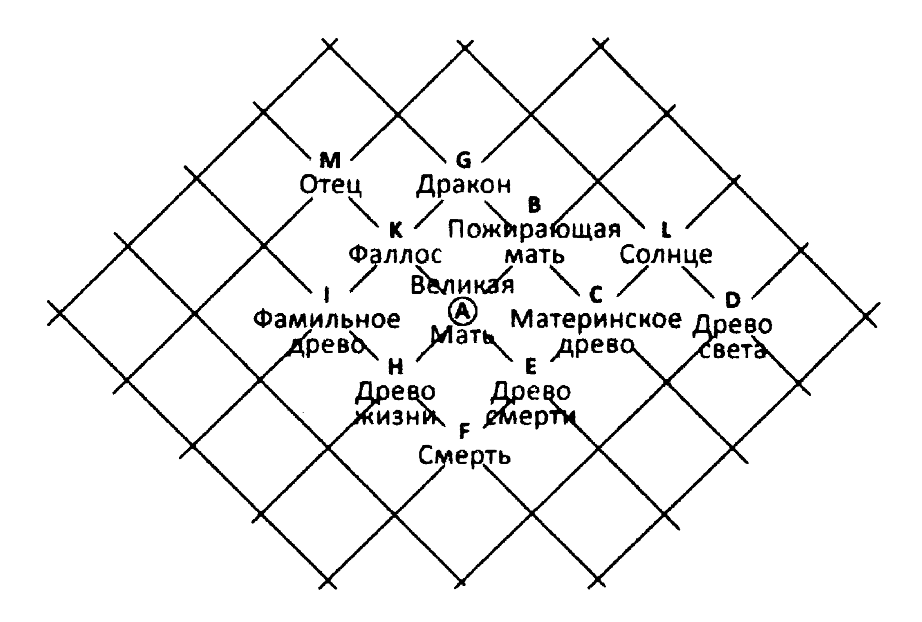
Как противоположность числовым и некоторым геометрическим символам, приносящим в сознание идею «строгого порядка», другие известные людям символы - это образы того «гештальта», который частично получен из опыта переживания окружающего мира. Вот лишь некоторые из них - «древо жизни», «тотемное животное», «живая вода», «подземный мир» и «огненный дух». «Строгой упорядоченности» гораздо больше в числовом символизме, чем в вышеупомянутых образах. Тем не менее, мифологические образы всегда связывались с числами. «В действительности», Юнг как-то отметил, что

> Лишь впоследствии возникает взаимоотношение числа к мифологическому постулированию, хотя, несомненно, сама суть числа связана с ним априори, это становится понятным только проявляясь в сознании.(Она не учитывается.) В этом смысле, число является подлинным символом не только в силу своей арифметической природы, но и по своей сути.[14]

Связь чисел и образов наглядно представлена в религии Майя. Там отдельные боги прямо идентичны числам. Хунаб Ку - трансцедентный верховный бог, главенствующий над всеми созданиями, зовётся «Единственный» (от *хун*, «один»). Великие герои зовутся «Первым охотником», «Седьмым охотником» и так далее. В то же время, эти числа считаются «временными», поскольку определённый день в календаре Майя отводится соответствующему богу. Только силы подземного мира, родоначальники хаоса и бессмысленности, лишены этой привилегии. Им принадлежат пять «безымянных» дней в конце года.[15]

Аналогично и в древнем Вавилоне все числа от одного до шестнадцати отведены определённым божествам - существовал бог «Восьми», бог «Трёх» и т.д.[16] Эти боги чисел, таким же образом, связывались со временем, когда им назначались определённые календарные даты.

Идея архетипического поля или коллективного бессознательного, на которую обратил внимание Уильям Джеймс[17], зиждется на том факте, что архетипы существуют в условиях взаимной контаминации - они пересекаются по смыслу.

Мы можем проиллюстрировать этот феномен на примере архетипа «Великой Матери». Этот образ играет существенную роль в мифологии и религии почти всех наций и культур. Он находит своё отражение в Средиземноморье, в таких фигурах как Хатхор, Нут, Исида, Кибела, Астарта и Анат. В христианстве мы видим Деву Марию, в Индии - Шакти, в Северной Америке - так называемую Женщину-паука, а в среде эскимосов - Седна, хозяйка морских животных, и это лишь некоторые примеры.

Ещё одно выражение данного образа принимает форму «пожирающей матери» (B). Она персонифицирована, помимо прочих, в образе полинезийской Хине-нуи-те-по, Бабы Яги из русских сказок, индийской Кали Дурги и немецкой Хель.

Очередная форма проявления Великой Матери предстаёт в форме материнского древа (C). Эта форма - сущность мифического древа, листья которого служат местом обитания душ нерождённых детей, а также суть всех мифов о рождении из дерева. Пример - дерево в могиле Сети I, от груди которого и был вскормлен фараон.

В свою очередь, дерево тесно связано с символом солнца (L). И в самом деле, согласно многим мифам, солнце было рождено из древа или предстаёт как фрукт с дерева света (D).

Как образ гроба, дерево также связано со смертью (E). В разных частях света люди хоронились в деревьях. А сама по себе смерть (F) подобным образом персонифицирована матерью, темной женской фигурой (*mors*, жен.!).

Образ дракона (G), наделенного связью со смертью - ещё одна форма проявления пожирающей матери. В подтверждение этому имеется ряд средневековых представлений о Лимбо, где царство мертвых располагается в утробе дракона.

Смерть явно контрастирует с древом жизни (H), которое играет существенную роль в большинстве религий. Этот же мотив в роли «фамильного древа» приобретает отцовское значение и соотносится с символом фаллоса (K). В свою очередь, отцовский мотив связан с символом солнца и другими, а фаллический элемент отсылает нас обратно к «Великой Матери», которая часто характеризуется гигантским носом, метлой или какими-либо ещё фаллическими атрибутами.

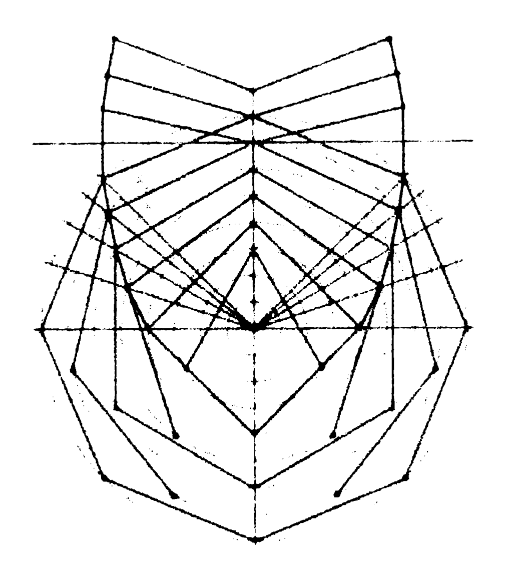
Проявления и смыслы архетипических образов могут взаимодействовать как угодно. Но вышеприведённых примеров достаточно, чтобы продемонстрировать сеть переплетающихся символических образов, куда, при ближайшем рассмотрении, встраиваются архетипы. Другими словами, они находятся в области внутренних качественных нюансов.[18] Эта область может быть обозначена как многообразие содержимого психики, где соотношения разделяются по значению.

Как и некоторые структуры материального мира, группы объектов архетипического измерения, становясь неполноценными, спонтанно принимают новые формы. Наличие данных структур способствует формированию сходных или взаимодополняющих представлений. Также легко демонстрируется тот факт, что комплексные структуры отображают тенденцию к избирательному взаимовлиянию.[19]

«Ядра» архетипического поля (в нашем случае, произвольно выбранный архетип Великой Матери) - самый неуловимый элемент. Тем не менее, их можно рассматривать как объекты, на которые опираются все остальные образы. Внимательно изучая нашу иллюстрацию, мы

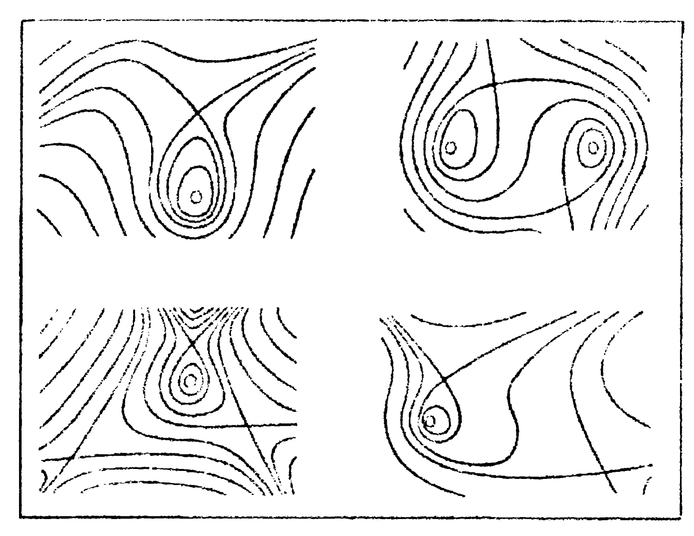
также можем поместить архетип «солнца» в центр наблюдаемой области и пересмотреть с этой точки зрения паутину амплификаций. Таким образом, каждый архетип образует *потенциальный центр поля репрезентативного содержания*, строго определяемый относительно условий, область пересечения с другими архетипами.[20] Данная структура характера аналогична и для натуральных чисел, взятых в своём качественном аспекте. В результате исследования данного феномена, китайцы объединили числа в матрицы, представленные как ритмически организованные «совокупности», темпорально-обусловленные образы свойств космического целого.[21] В этом смысле, модель Ло-шу может рассматриваться как качественная область единицы, пяти и десяти. Другими словами, она отображает эволюцию изначальной единицы в Дао (10+1=11).

Вероятно, знаменитая пифагорейская лямбдома (система музыкальных интервалов) также изначально являлась расположением областей в форме круга (мандалы). Гертруда Дегенринг недавно вновь переоткрыла это *через видение* (!), где она была показана круговом узоре, который является важнейшей упорядоченной структурой. Профессор Рудольф Хесс обнаружил и доказал, что это было круговое расположение пифагорейской лямбдомы, которая идентична необъяснимому рисунку Пифагора на мозаике, датируемой вторым веком нашей эры.

Пифагорейская лямбдома [Источник: Drawing by Gertrude Degenring for Rudolf Haase, "Eine unbekannte pythagoraische Tafel," Antaios, XII, no. 4 (1970), 358, reproduced by permission of Ernst Klett Verlag and Professor Rudolf Haase.]

В. Хартнер (который, помимо прочего, выдвинул теорию подсознательного математического инстинкта в человеке) обратил внимание на любопытную деталь. В культурах неолита и бронзового века присутствуют две разновидности математически стилизованного орнамента. В одном случае, орнамент характеризуется повторяющимся расположением одинаковых элементов и может подвергаться математическому анализу. В другом - орнамент подчиняется более «высокой» последовательности и состоит из элементов, чередование которых можно сравнить с искривленными полями дифференциальных уравнений (см. иллюстрацию ниже).

[Источник: W. Hartner, "Zahlen and Zahlensysteme bei Primitiv- und Hochkulturvölkern," Paideuma, nos. 6-7 (1940-44), 270.]

Здесь арифметический узор первой разновидности противопоставлен более плавному узору второй. Данный феномен указывает на математический образ мышления, а орнамент второго типа - на *математическое чувство*.[24] Эти поля, образованные колебательными движениями кривых и «возбужденных точек» (глазоподобные элементы на нашей диаграмме), иллюстрируют идею однородности и числовых полей так, как я пытаюсь её передать. Упоминание Хартнера о том, что этот математический феномен в большей степени связан с функцией чувства (кривые производят музыкальный эффект), поражает меня своей значительностью. Восприятие числового «поля» в боль-

шей степени происходит через функцию чувства. Позже я рассмотрю этот вопрос более подробно.

Перед нами встаёт вопрос - являются ли все ядра (см. иллюстрацию) одинаковыми по своему значению или подчиняются более высокому порядку, который стоит над ними всеми, то есть над архетипами? В течение своей жизни Юнг пытался продемонстрировать вероятность существования этого высшего принципа, который он называл Самостью.[25] Самость проявляется в форме мандалы - сферического или кругового образа[26]. Структура мандалы обычно разделяется на четыре части и всегда имеет прямое отношение ко времени[27]. По словам Юнга, «Своей центральной точкой, мандала символизирует предельное единство всех архетипов так же, как и всё многообразие мира феноменов. Следовательно, она эмпирически эквивалентна метафизической идее *unus mundus*.»[28]

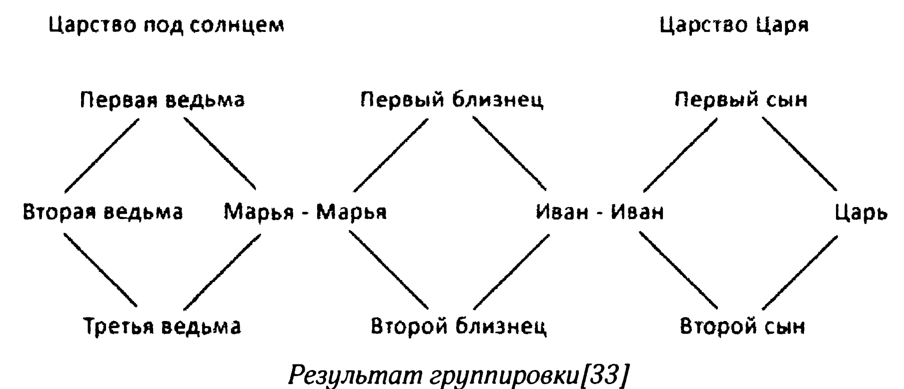
Возвращаясь к нашей иллюстрации, я также должна упомянуть, что отдельные части конфигурации архетипа не проявляются [произвольно] во времени, но подчинены *закономерной последовательности*. Сравнительная мифология имеет дело не только с типичными образами, но и с типичными элементами повествования. Соответственно, отдельные мотивы имеют тенденцию образовывать повторяющиеся временные фазы. Человеческий разум, возможно, предполагал это ещё на ранних стадиях: немецкое слово *erzahlen*, «рассказывать», содержит идею счёта (*zahlen*), так же как и французкое *raconter* относится к *compter* и английское «recount» к «count».[29] В Китае, слово «подсчитывать» состоит из элементов *suan*, «считать или подсчитывать», начала, *chi*, того, что произойдет, *lai*.[30]

Подобные психологические явления заставили исследователя А. Зайденберга предположить, что акт подсчёта возник из обрядов, основанных на мифах о творении. По его словам, «Индексирование - это обряд «подсчёта» мифа». И он допускает, что, возможно, подсчёт начался с внимания, уделяемого длительным процессиям.[31]. Я не совсем согласна с данным выводом, хотя он и кажется правдоподобным, всё же процессии состоят из раскрытия или «развёртывания»

архетипических символов во времени. Тем не менее, мне кажется, что темпоральные отношения между числом и архетипическим символом должны иметь более глубокие корни, а не только распределение фигур в процессии.

Интерпретируя мифологические сюжеты, уместно будет подсчитать количество действующих лиц. Давайте возьмём для примера русскую сказку «Царь-девица».[32] Царь для трёх своих сыновей устроил соревнование, где они должны были «срывать его цветы и искать его следы». Один за другим, они отправляются в приключение и выходят к перекрёстку, где стоит знак, гласящий: «Направо пойдешь - еды найдешь, но коня голодным оставишь. Налево пойдешь - коня накормишь, но сам изголодаешься. А прямо пойдешь - смерть свою встретишь.» Два старших брата поехали налево и направо и потерялись, а младший Иван-дурак поехал прямо к смерти. Там он встретил три Бабы-Яги, которые помогли ему получить «Марью-красу с золотыми волосами» в «царстве под солнцем». Она родила ему близнецов. Два его брата вернулись к царю, а Иван остался в «царстве под солнцем» и правил там до конца своей жизни.

Вначале ситуация представляет из себя *кватерион* из четырёх мужских фигур: царя и трёх сыновей. Затем, следующий *кватерион* из женских фигур: три ведьмы и Марья-краса. В конце истории образуется «обновлённый» *кватерион* из трёх мужчин и одной женщины. Следовательно, последовательность архетипических образов проявляет взаимодействие *чисел*, что можно проиллюстрировать следующим образом:

Результат группировки[33]

Аналогичным образом большинство мифологических сюжетов могут быть описаны через [временно-числовые последовательности]. (Насколько я знаю, триады и *кватерионы* играют основную роль в этих интерпретациях.) В основе данного феномена, на мой взгляд, заложен изоморфизм между архетипами и числами, как качественными конфигурациями. Лейбниц в своей ранней работе *О принципе индивидуации* (1663) описывал именно это наблюдение, говоря о том, что сущность вещей «поступает» как число.[34] Глагол «поступать» здесь указывает на динамический аспект «сущности» (так Лейбниц называл архетипы), проявляя её темпоральные свойства. В современной психологии глубин мы можем продемонстрировать вероятность проявления архетипов в бессознательном в форме *последовательностей* символических образов. Вероятно, как однажды заметил Паули, этим можно объяснить феномен предвидения: бессознательное внутри нас знает - каким образом могут развиваться события, при наличии определённых конфигураций.[35]

Есть вероятность, что изучение лингвистических структур может пролить свет на распределение архетипических конструкций во времени. Г.Б. Мильн уже положил этому начало, показав, что пословицы и традиционные выражения различных наций и рас имеют четырёчастную структуру.[36]

По утверждению Питера Хофстаттера, наука о человеке, его чувствах и особенностях не имеет ничего общего с универсальной химической классификацией.[37] Если бы и было возможно создать такую систему, она открыла бы доступ к конкретным преобразующим уравнениям. Я считаю, что та область чисел и архетипов, которую я пытаюсь описать в этой работе, относится к данной системе. Основная трудность заключается в том, что эта система лежит в основе той деятельности, которую человек предпринимает для более осознанного понимания. И, как результат, она представляет собой и объективную, и субъективную реальность. Всякий процесс постижения, вместе с его сознательными и подсознательными интенциями, движется через скрытые структуры данной области. В то же время, этот процесс содержит в себе эти структуры и отражает их.

Скорее всего, именно по этой причине число имеет отношение к *поведению архетипических проявлений*. Архетипы проявляют себя в «упорядоченной последовательности», где числа образуют что-то вроде примитивных выражений.[38] Вероятно, психическая энергия является тем элементом, что соединяет последовательность архетипических образов и ряд натуральных чисел. В следующей главе мы изучим данный феномен более подробно.

Глава 9
Числа как изоморфные состояния динамики психической и физической энергии

Юнг предположил, что идея энергии, применяемая в современной физике, имеет много общего с идеей психической энергии, которая лежит в основе глубинной психологии. Фактически, эти идеи рассматривают одно и то же явление со схожих ракурсов.[1] Архетипы в целом представляют собой динамические единицы психической энергии. Они ассимилируют в подсознании репрезентативный материал, поступающий из мира феноменов, и он становится интроспективно воспринимаемым как «психические» события.[2] Мы не можем с точностью утверждать - что представляют эти феномены сами по себе, но, как регулярные факторы, ввиду феномена синхронии, они наделены внепсихическим свойством. (Это свойство перестаёт проявляться как периферийный феномен синхронии как только его внутренняя структура становится сознательной.)[3] Таким образом, это психоидное свойство архетипов (структурирующий фактор) энергетически проявляет себя как психический, так и физический феномен. Поэтому, можно заключить что мы, в конечном итоге, имеем дело с одной и той же энергией. Мы определяем её как физическую, когда она физически измеряема или как психическую, когда она становится психически и интроспективно воспринимаема.[4] Во втором случае, мы воспринимаем эту энергию как «интенсивность» или как оттенки чувств и эмоциональное воздействие, которое оказывает на нас психологическое переживание. «Психолог», по словам Юнга,

> Также говорит об энергии, однако не может измерить ее количество, кроме того, концепция энергии строго определяется математически, что невозможно в случае психики. [...] Если, тем не менее, психология

настаивает на создании собственной концепции энергии для описания активности [ενέργεια] психического, она, конечно, будет использовать не математическую формулу, а некий ее аналог. Но следует отметить: эта аналогия существует с древнейших времен в форме интуитивной идеи, из которой, впоследствии, выросло понятие физической энергии. Последнее опирается на раннее применение ενέργεια, неопределяемой математически, ее можно проследить от примитивной или архаической идеи «экстраординарного могущества». [...] Термин «либидо», используемый в новейшей медицинской психологии, удивительно сходен с примитивным понятием маны. Эту архетипическую идею вовсе не следует считать достоянием лишь первобытных людей — она отличается от концепции энергии физиков лишь тем, что, *по сути, характеризует качество, а не количество.* В психологии точное измерение количества заменяется приблизительным определением степеней интенсивности, для чего [...] мы заручаемся поддержкой чувственной (оценочной) функции.[5]

Так или иначе, как отмечает Юнг, данная интенсивность в большей или меньшей степени указывает на «своего рода скрытую физическую энергию» в психическом феномене.[6]

Согласно этой точке зрения, психика также должна проявлять себя как движение массы.[7] И, поскольку имеет место психологическое взаимодействие, в материи должна быть скрытая психическая составляющая. Если применить данные соображения Юнга к числу, мы придём у тому, что число связано со скрытым материальным компонентом психики и со скрытым психическим компонентом материи. Однако, до настоящего времени не существовало средств измерения психической интенсивности в числовом виде. Но я верю, что такая возможность существует исходя из факта (на который Юнг уже обратил внимание в своей работе «Символы трансформации»), *что эмоциональные, а значит - энергетически насыщенные психические процессы обладают поразительной тенденцией к цикличности.* «Любое переживание [...] проявляет тенденцию к циклическому выражению, персеверации и повторению.»[8] Данный факт наглядно объясняет различные чередующиеся и ритуальные действия первобытных людей. Посредством них, психическая энергия, в соответствии со своим

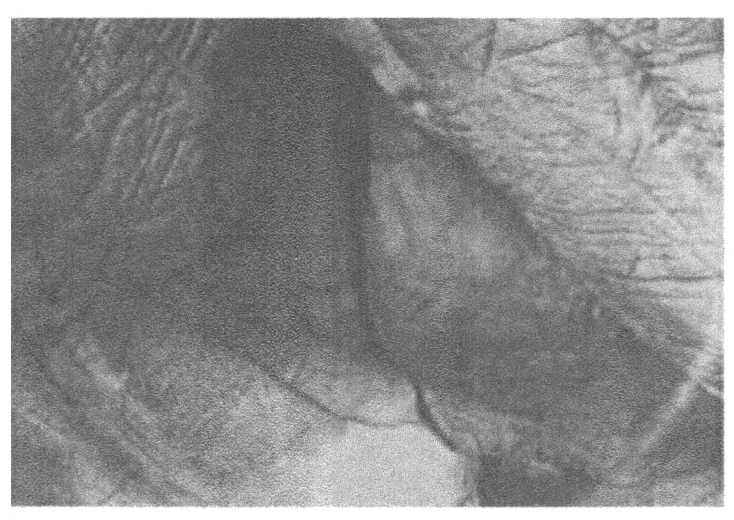
воздействием и заложенными идеями, структурируется и отпечатывается в сознании. Это также объясняет прогресс в занятиях музыкой, танцами, пением, игрой на барабанах и ритмикой в целом — через эти средства достигается сдержанность хаотичной инстинктивности.[9] Использование цикличности по отношению к психической энергии, вероятно, было первым шагом к её культурному формированию и, как следствие, одухотворению.

Данным циклическим образованиям психической энергии часто предшествуют простые движения, которые поведенческая психология называет «смещённой реакцией» у животных. Энергия пытается воплотиться в виде поведенческого паттерна, но блокируется царапаньем, потиранием, а также такими человеческими жестами, как постукивание пальцем, ногой и другими *цикличными* движениями. К примеру, Кох-Грюнберг описывал как индейцы сидят на скалах и делают царапины острыми камнями, ожидая пока их каноэ переправятся через речные пороги.[10] С течением времени, от такой повторяющейся деятельности стали проявляться прямые линии. Вероятно, подобным же образом возникли и переплетенья линий на стенах пещер во Франции, примерно середины каменного века.[11] Любопытно, что в этих рисунках заметно чередование геометрических и математических форм. Они (скорее всего) указывают на *упорядоченную* циклическую активность более высокого порядка, к которой мы ещё обратимся чуть позже.

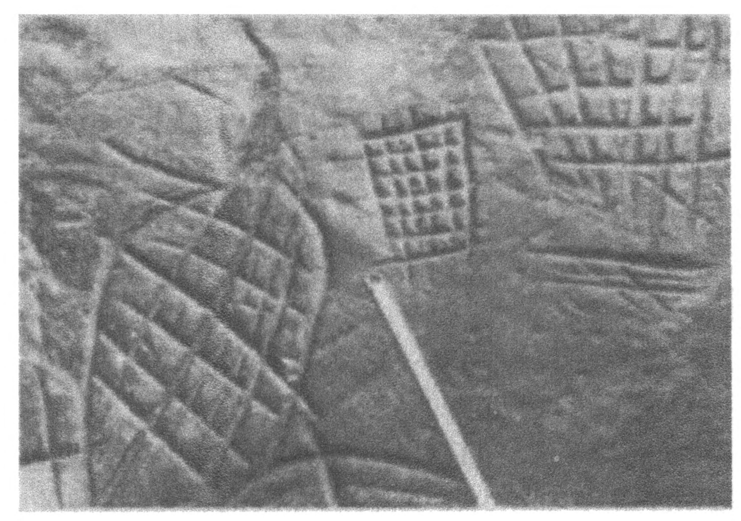
Китайская идея числа основывается на циклических взаимоотношениях подобного рода. Более того — китайцы с самого начала *также* использовали числа, чтобы определять интенсивность чувственного переживания всего, что оказывало на человека психическое воздействие (психическая энергия). В связи с этим, даже существовало предположение, что число регулирует этику или, другими словами, чувственную ценность par excellence. Для китайцев, этика базировалась на чувственно-определяемых «ограничениях» или критериях. Они использовали для этого слово *dsie* (или *chieh*), которое изначально относилось к суставам, разделяющим бамбуковые стебли. В одной из глав «И цзин», с одноименным заголовком, говорится: «посему, высший человек создал число и меру и

познаёт природу добродетели и правильного поведения.»[12] *Dsie* также означает «моральность», «благосклонность» и «измеритель» высшего правителя, с помощью которого он упорядочивает мир. Правитель поддерживает порядок и добродетельность своего царства, получая через озарение свыше «[правильные] числа небесного календаря». И здесь, в конечном итоге, числа отображают циклическое устройство вселенной во всей своей полноте.[13]

Матрица Ло-шу и прямой крест Хо-ту — аналогичные фундаментальные (космические) принципы, в основе которых лежит цикл. Точно такие же узоры можно найти на Западе, среди древних артефактов духовной и ментальной деятельности человека. К примеру, доисторические узоры на камнях в Grotte des Fées, что возле Milly-la-Fóret во Франции, пещере Villetard в Essonne и в небольших углублениях пещеры Jean Angelier, недалеко от Noisy-sur-Ecole.И это лишь некоторые примеры.В этих мотивах мы снова сталкиваемся с числом девять, вдобавок к уже известной модели Ло-шу с девятью полями.[14] Мари Э. П. Кёних, исследовательница этих пещер, предполагает что эти рисунки относятся к попытками упорядочить время и пространство: «Мир был изображён в виде геометрических фигур и чисел.» (Здесь мы также находим известные нам триплеты, возможно, как принцип упорядочивания времени.)[15] Позже, прямой крест Хо-ту, путём добавления круга, развился в «колесо,» что тоже сыграло существенную роль в связи этих наскальных рисунков с концепцией Хо-ту.

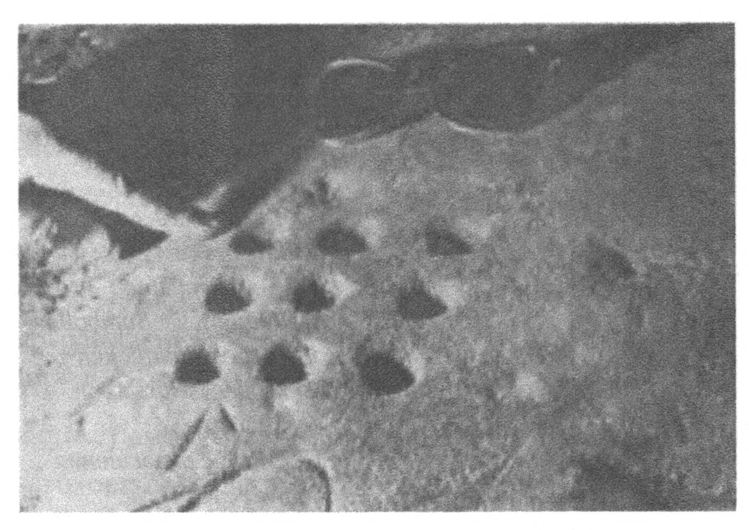
Grotte des Fées, возле Milly-la-Fóret (Сена и Уаза); [Источник: М. Кёних "Die Symbolik des urgeschichtlichen Menschen," Symbolon, V (1966), 135, 136, с разрешения Schwabe & Co.]

Фрагмент из пещеры Villetard в Essonne [Источник: M. Кёних "Die Symbolik des urgeschichtlichen Menschen," Symbolon, V (1966), 135, 136, с разрешения Schwabe & Co.]

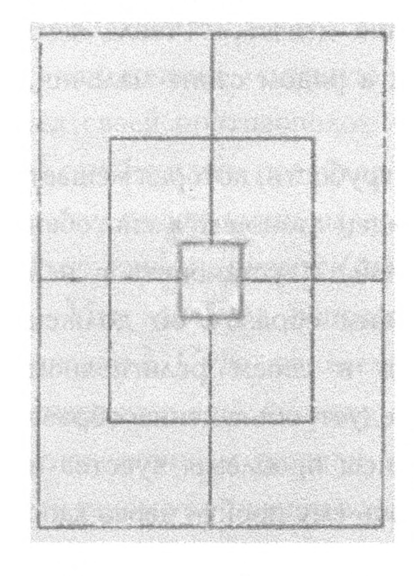

Наверху – фрагмент пещеры Dame Jeanne в Larchmont (Сена и Марна) [Источник: Кёних, "Die Symbolik," pp. 137, 132, с разрешения Schwabe & Co.]

Фрагмент пещеры Jean Angelier возле Noisy-sur-Ecole [Источник: Кёних, "Die Symbolik," pp. 137, 132, с разрешения Schwabe & Co.]

Среди представленных выше образцов древней культуры, присутствует мандала, частично напоминающая игру Мельница (Mühlebrett) в Milly-la-Fóret, а также в «Хёль» Мертвые горы, Варшенек).[16]

Mühlebrett из в Milly-la-Fóret, и "Хёль" Мертвые горы, Варшенек. [Источник: М. Римшнайдер, "Glasberg and Mühlebrett," Symbolon, VI (1968), 137, с разрешения Schwabe & Co.]

Маргарет Римшнейдер придерживается мнения, что данный рисунок имеет отношение к пророческой игре, служащей в культовых целях.[17] Он также может означать структуру Запредельного, земли мёртвых[18] — или, переводя на современный язык, бессознательного. Как и в случае с этой «доской», мы находим множество аналогичных изображений.

Очевидно, эти изображения имеют общую направленность — все они содержат *свойство упорядоченности*, которое мы сегодня можем проследить в таких продуктах бессознательного, как сны. Наглядным примером здесь может служить сон одного теолога, который боролся с проблемой дифференциации своей чувствующей функции: в парке он встретил грубияна, который начал ему угрожать, но у сновидца получилось от него избавиться. После этого он, полусидя, полулёжа, устремился вниз по медленному потоку. Взглянув вверх, он заметил прекрасную, утончённую женщину, сидящую на стуле. Он подошёл к ней и вступил в любовную игру с сексуальными оттенками. Затем, он внезапно обнаружил себя на психологической лекции, где его

приглашают выступить с молитвой перед всеми, после чего женщина-лектор просит упомянуть в молитве его «дочь». Сцена снова меняется, и он оказывается на психологическом семинаре. Здесь он рассказывает, как ему приснились пять черных полос, разделенных четырьмя белыми. Ведущая семинара произносит: «Полос ровно девять.» После чего он видит старика, съёжившегося на кровати, а рядом стоит мальчик, которым этот старик очень гордится.

Первая часть сна изображает преодоление грубости, которая мешает дифференциации Эроса. В результате, сновидец становится способен сблизиться со своей женской частью (анимой) и установить с ней контакт. Дальнейшая сцена показывает, каким образом он должен интегрировать чувство и женский принцип в своём религиозном аспекте (молитва за его «дочь»). Затем следует объяснение образа линий, которые отображают различные нюансы проблемы чувства и её духовную динамику[19]. Что должно помочь ему пройти через хаос недифференцированного эротизма.[20] С этой точки зрения, число также может означать градацию интенсивности чувства. Я верю, что подобно свету и иным энергетическим феноменам, психическая энергия тоже обладает спектром, который поддаётся «измерению», но он выражается в *ценностных* числах.

В Китае, по словам Гранэ, число обычно используют для определения ценности, а не количества.[21]

> Это обозначение, через которое выражаются — более или менее благородные — свойства целостности, такие как эффективная энергия и мощь. [...] Только число один, поскольку оно включает в себя единство целого, состоящего из двух, пары, представляет наиболее полное выражение Целого и Всеохватывающего и универсальной движущей силы, присущей принцу и высшему человеку.[22]

Субъективно, мы ощущаем это свойство числа, регрессивно отсылающего к изначальному единству как понятию - его объединяющая особенность сводит широкий спектр феноменов в единый *Гештальт*. В духовных и ментальных областях психики, количественные числа как бы

«перемножаются» и возвращаются обратно к своим целостным формам. В своих *Воспоминаниях*, Юнг описывал короткий, но значительный эпизод касательно проблемы смысла, на который мы должны обратить внимание. Там он поднимает вопрос о том, обладает ли мир, в котором мы должны жить, смыслом или же в нём преобладает бессмысленность. И испытывает «смутную надежду» - что смысл всё-таки превалирует над своей противоположностью. Его надежда основана на том, что: «Если бы в нём преобладала бессмысленность, то значимость жизни в любом случае уменьшалась бы на каждой стадии нашего развития. Но этого, как мне кажется, не происходит.»[23]

Мы задаёмся вопросом — почему с развитием смысл должен исчезать? Судя по всему, ответ заключается в том, что развитие генерирует ещё большие конгломераты чисел (к примеру, на смену одноклеточным пришли организмы с миллиардами клеток). Если бы при таком увеличении всеобъемлющие, «ретроградные», формирующие связи с единством континуума постоянно не восстанавливались, каждое возрастание дискретности вело бы к бесформенному и бессмысленному хаосу. Тем не менее, как отмечает Юнг, «порядок» и «смысл» не одно и то же. «Организм, несмотря на присущую ему осмысленную конструкцию, не обязательно будет обладать смыслом в общем контексте.» В контексте своего утверждения, Юнг использует слово «смысл» исключительно в смысле космического единства. Он продолжает:

> Без человеческого осознания мир обладает чудовищной бессмысленностью. Наш опыт говорит о том, что человек — единственное существо, способное всему придавать «смысл». [...] Поскольку творение без осознания не имеет *определимого* смысла, гипотеза о скрытом смысле наделяет человека космогоническим значением, настоящим *raison d'etre*. [24]

В нашем контексте данное замечание означает, что *Гештальт* чисел в техниках дивинации не имеет никакого значения, пока кто-либо, действуя как индивид, не вмешается в скрытый порядок бытия и не проявит усилие, чтобы прочитать «смысл» в полученном числе. В то же

время, именно благодаря тому, что качественное свойство числа восходит регрессивным путём к единице, становится возможным прочитать общий смысл. Именно по этой причине в «И цзин» китайцы предприняли смелую попытку найти смысл в хаотичных, на первый взгляд, ситуациях через ретроградную систему подсчёта.[25] Число, таким образом, выступало в качестве посредника между психическими ситуациями и «внешним». Подобно ступеням качественного исчисления, как я пыталась продемонстрировать (ретроградно), значения чувственно-окрашенных чисел, также, находятся в зеркальной симметрии по отношению к количественным числам. Это значит, что с позиции качества, единица и два-один воплощают собой наивысшую значимость и последующие числа постепенно теряют свою энергетическую ценность как символы. Соответственно, психическая энергия должна считываться в противоположном направлении по отношению к физической, где используются количественные значения.

Несмотря на эту противоположность, натуральные числа остаются структурирующим фактором физического и психического проявления энергии и, следовательно, являются элементом, объединяющим психику и материю. Другими словами, аморфной энергии, скорее всего, не существует — когда энергия проявляется в физическом или психическом измерении, она всегда «численно» структурирована, например, как «волны» или - как (в психике) - циклы.[26] Судя по всему, натуральные числа отображают типичный, повсеместно повторяющийся характер движения психической и физической энергии. [27] Поскольку этот характер (проявление в виде чисел) - одинаковый для обоих форм энергии, человеческий разум может, в целом, постигать феномены внешнего мира. Это значит, что характер движения порождает «мысленные и структурные концепты» в человеческой психике, которые могут применяться к физическим феноменам и прийти к относительной согласованности. С одной стороны, существование подобных природных констант во внешнем мире и, с другой, в подсознании (к примеру, в четверичных структурах «психического центра», троичных структурах

динамических процессов, дуалистичных структурах пороговых явлений и т.д.), вероятно и есть то, что делает, наконец, возможным сознательное познание природы.

ЧАСТЬ IV

Исторические и математические модели Unus Mundus

Глава 10
Исторические изображения мандал как психические аналоги unus mundus

Юнг использовал выражение *unus mundus*, чтобы обозначить единую трансцендентную реальность, лежащую в основе дуализма психики и материи. Сама по себе идея данного единства, которое находится за пределами существования, основывается на архетипическом базисе. Выражение *unus mundus* взято из средневековой натурфилософии, где оно обозначало постоянный, предвечный, космический план или изначальный образ мира. Потенцию в разуме Бога, в соответствии с которой он и совершил акт творения. К примеру, Иоанн Скот Эриугена (вторя Дионисию Ареопагиту) описывал процесс творения как преобразование совершенства божественной формирующей энергии[1] из «ничто, что покоится за пределами бытия и небытия, в неисчислимые формы.»[2] Здесь Бог воплощает согласно своей Мудрости (через Сына, «посредством которого он познаёт себя»).[3] В этой Мудрости Бог создаёт вселенную[4] или «первичные формы, которые не только содержатся в Боге, но и составляют Его Самого».[5] Эти «первопричины» осознают себя, поскольку созданы в Мудрости и вечно в ней пребывают.[6] Sapientia Dei или София — вид изначального единства, образ универсальной формы, который распространяет себя во множестве первичных форм, которые одновременно пребывают в единстве. Эти «первичные формы» обладают самосознанием.[8] Эриуген также называет их «rationes rerum», »ideae» или «prototypa» всех существующих вещей.[9] Гуго Сен-Викторский подобным образом называет Sapientia Dei «образцом» вселенной, или « archetypus mundus» в разуме Бога, по шаблону которого и был создан видимый мир.[10] Относительно идеи, что Бог создал мир «в соответствии с массой, числом и весом» (см. Мудрость Соломона 11:21), многие теологи приравнивали Sapientia Dei или *archetypus mundus* к математическому

порядку природы: число, в контексте Троицы, приравнивается к Сыну, масса — к Отцу и вес — к Духу Святому.[11] Даже Лейбниц намного позже сказал: Cum Deus calculat et cogitationem exercet fit mundus».[12]

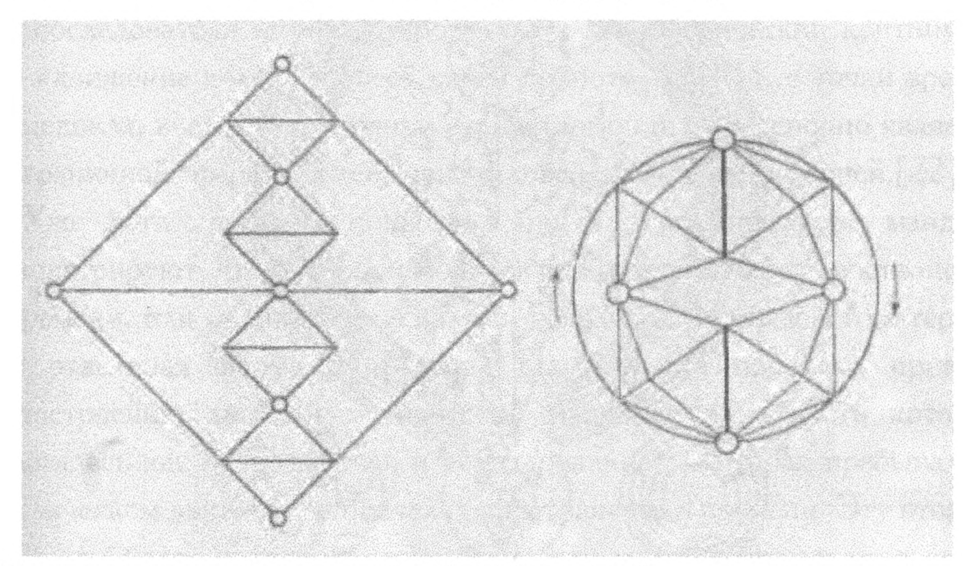
Подобную точку зрения можно найти и у некоторых алхимиков. Однако для них *unus mundus* являлся не только изначальным планом вселенной в сознании Бога, но также и конечной целью их поиска — *lapis*. Эта цель, как и *res simplex* философского камня, была *единым* миром. Согласно Герхарду Дорну, ученику Парацельса, высшая стадия алхимической *коньюнкции* состоит в том, чтобы достигнуть единства человека в целом с *unus mundus*.[13]

Средневековые философы обычно описывали этому «единому миру» потенциальную реальность (т.е., как «ничто» за пределами бытия и небытия). Юнг тоже подчеркивал, что он рассматривает единую реальность, лежащую в основе феноменов синхронии, как «потенциальную», «поскольку ей присущи все условия, определяющие форму эмпирических явлений».[14] Однако синхронии представляют собой случайные проявления этого единого мира.[15] В противовес средневековым теоретическим построениям, явления синхронии, как подчеркивал Юнг, являют собой *эмпирическое* доказательство существования *unus mundus*.[16]

Согласно Юнгу, символическая структура мандалы представляет собой психический эквивалент *unus mundus*. В то же время, это попытка описать архетип Самости как регулирующий центр числовых и архетипических областей. Очень важную роль в мандале имеет ритмическая конфигурация числа четыре. В своей работе *Эон* Юнг геометрически воспроизводит внутренний паттерн архетипа Самости в виде кольца из четырёх двойных пирамид. Сон, где упоминается данная конструкция, будет рассмотрен в конце шестой части. [17]

Любопытно, что внутренний паттерн модели Хо-ту имеет сходную структуру. Которая, представляя собой сущностный принцип упорядочивания архетипов, также может быть найдена в некоторых каббалистических представлениях о *сефирах*. Известно, что *сефиры*, как и простые числа, символизируют «потенции» «из которых фор-

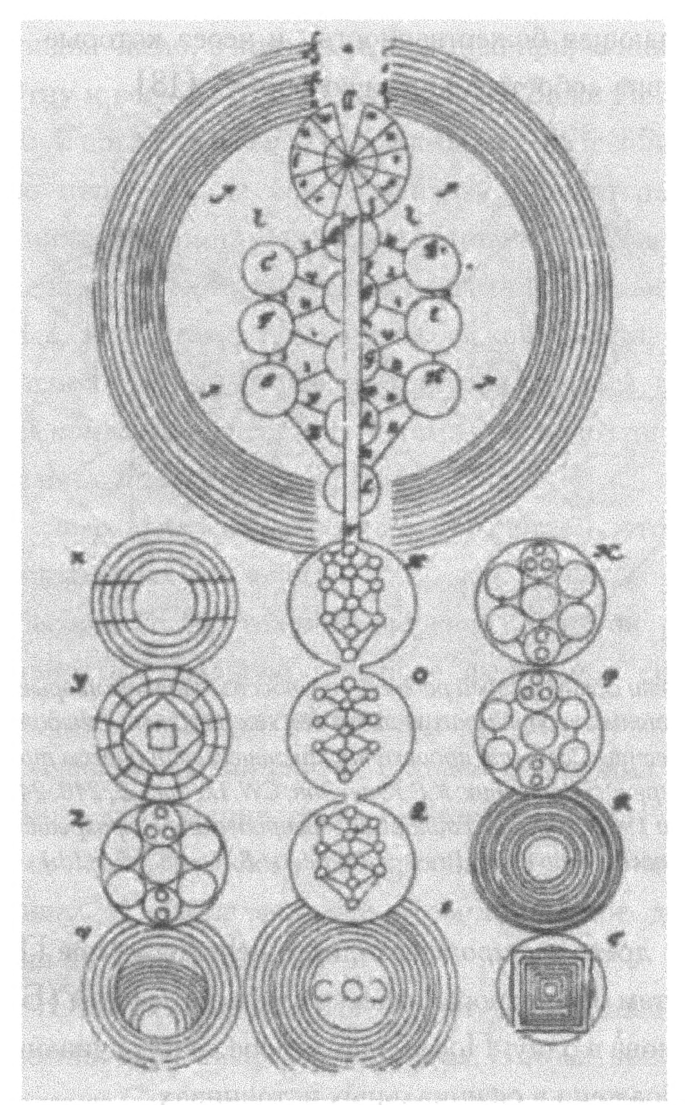
мируется созидающая божественность» и через которые — на языке каббалистов — она «обретает видимую форму».[18]

Юнг нарисовал эти схемы в своей работе Эон, воссоздавая некоторые тенденции развития Самости в гностических и алхимических текстах. Они должны показать, что в архетипе Самости происходят циклические процессы трансформации энергии. [Источник: К.Г. Юнг, Эон, CW, IX, стр. 2, 248, 249, © 1959 и 1968 Bollingen Foundation, воспроизведено с разрешения Princeton University Press и Routledge & Kegan Paul Ltd.]

На вершине древа *сефирот* находится непознаваемое Первоединое (Айн-Соф), затем оно разворачивается в четыре сефиры (Бина, Хокма и т.д.), затем снова в одну. После идёт второе разворачивание, которое, однако, не отображено в официальных источниках.

Вероятно, данная ситуация не устраивала некоторых каббалистов, поскольку многие из них стремились выстроить целые «цепочки» или числовые последовательности подобного рода, которые отображали бы эманации Первоединого через различные грани природы. Они напоминают гностический образ мышления, с помощью которого Юнг иллюстрировал свою схематичную структуру. В нём всегда преобладают числа четыре (или центрированная четверка ⁙) и шесть, двойной триплет. *Сигилла* Джордано Бруно и другие модели вселенной эпохи Ренессанса (к которым вернёмся позже), вероятно, тоже испытали на себе влияние каббалистических концепций. Все упоминаемые здесь

Числовые построения каббалистического древа сефирот [Источник: Кнорр фон Розенрот, Kabbala denudata (Зульцбах, 1677), I, 243.]

цикличные структуры относятся к мандале, поэтому имеют форму круга и разделены на число, кратное четырём.

Вообще, самые древние представления о цельности бытия обычно имели вид мандалы, а очень часто — бесконечной сферы. На Западе корни этих представлений уходят в орфический пантеизм. Древний гимн восхваляет Зевса как первого и последнего «в глубинах земли и звёздных небесах» и «великое тело короля, в котором вращается всё сущее».[19]

Ксенофан Колофонский недвусмысленно описывал своего космического бога как ἶσον ἁπάντῃ, подобного со всех сторон и,

вероятно, также сферического.[20] Его преемник, Парменид, описывал абсолютное бытие просто как бесплотное и безграничное, но его последователи интерпретировали это как сферический континуум, где «движение явлено во всей своей полноте».[21] И, с точки зрения Эмпедокла, космос в состоянии *φιλία*, гармонии — бесспорно является безграничной сферой, непрерывно пропитывающейся материей.[22]

Уже эти первые попытки описать космическую мандалу демонстрируют, что она или находится вне материального пространства и времени, или целиком телесна, или связана с космической материей как отдельная форма. В работах Платона эта проблема привела к построению двойной космической мандалы, одна часть которой полагалась как безвременная и нематериальная, а вторая пребывала в циклическом движении в пределах пространства и времени. Эту вторую часть мы более подробно рассмотрим в последующих главах, в связи с проблематикой времени. Что касается первой, здесь мы должны обратиться к выдающейся работе Дитриха Манке *Unendliche Sphäre und All Mittelpunkt*. Манке специально исследовал историю знаменитого предложения « Deus (vel mundus) est sphaera infinita, cuius centrum est ubique et circumferentia nusquam» («Бог (или мир) есть бесконечная сфера, центр которой везде, а окружность — нигде» — прим. перев.), предоставив нам наглядный и проницательный анализ мандалы как концепта всей полноты бытия.

Двойная мандала, представляющая для нас особый интерес, описана в диалоге Платона *Тимей*.[23] В нём Платон предполагает существование экстра-космической сферы, в которой чистые, идеальные формы, сокрытые сами в себе, сосуществуют в вечности. Поскольку Создатель не мог *одновременно* перенести все эти фигуры в своё творение, он решил создать непостоянный образ вечного единства, постоянная структура которого фактически изоморфна по отношению к последовательности натуральных чисел.[24] Таким образом, появилось время, сформировав мост между двумя моделями, одна из которых — это постоянный континуум, вторая — вращающаяся, а потому - ограниченная во времени, мандала. Следующий значительный шаг в развитии этой идеи

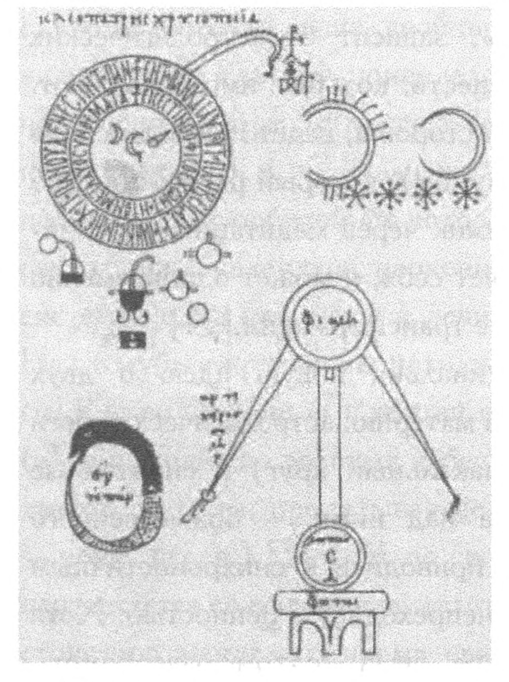
был отражён в работах Плотина, откуда она перекочевала в традицию средневековья.[25]

В трудах неоплатоников также предпринимались попытки исследовать эмпирические свойства синхронистичности и интеграция их в картину мира. Это было связано, скорее всего, с расцветом астрологии, когда привязанная ко времени мандала гороскопа всё чаще становилась объектом изучения. В то же время, проекция образа этой мандалы (гороскопа) начала переноситься с небосвода на новую неизведанную область: в тайну материи. Как следствие, в ранней химии мы находим крайне любопытные концепции *unus mundus*, представляющие собой попытки исследовать не только наивысшее единство существования, но и его косвенные, «темпоральные» проявления.[26]

В первых алхимических текстах мы находим мандаловидные модели материи и Опуса. На страницах манускрипта 2325, что находится в венецианской Библиотеке Марчиана, есть изображение так называемого Chrysopoiea of Cleopatra (Хризопея Клеопатры — прим. перев.) (см. рис.).[27] Во внутреннем круге расположены знаки Солнца, Луны и Меркурия. Второй круг содержит слова:«Змей Един - тот, кто содержит яд, между двумя символами.» На внешнем же круге написано: «Единое есть Всё, через него Всё [существует], и к нему Всё [стремится], и если бы Всё не заключало в себе Всё, оно было бы ничем». Здесь зодиакальный круг идентичен *уроборосу*, змею материи, символу всеобъемлющего единства космоса.

В одном из древних текстов, знаменитых инструкциях Комариоса Клеопатре (I-III в.н.э.), трансформация материи в золото описывается как мистерия смерти, путешествие в Гадес и возрождение. Таким же образом в Египте мертвые, в конце путешествия в подземный мир, достигали неизведанных, околополярных звёзд и кружились с ними в танце. Как и в конце алхимической работы возникает вращающаяся круговая структура, «единая природа», которая подобно яду пронзает все прочие субстанции.[28] В связи с этим, один из философов цитирует «древнее писание»: «Искусство есть тело Вихря — оно подобно колесу, висящему над ним. Как тайна, как орбита и как полюс в вышине со своими домами, градусами

и известными секторами.» Соответственно, *prima materia*, с точки зрения Комариоса, есть вращающийся небесный порядок, который спускается в материю «по воле Бога, а не человека.»[29]

Хризопея Клеопатры: структура материи (слева, наверху и внизу) и реторта (внизу справа), согласно Комариосу (символам наверху справа пока нет объяснений) [Источник: М.Бертло, Collection des anciens alchimistes grecs (Париж, 1887-88), I, 132.]

Поскольку материя представлялась как обладающая структурой мандалы, алхимики снова и снова утверждали, что Опус должен происходить циклично.[30] Он проходит через четыре элемента[31], пока они не сомкнутся в «жемчужину», слившись в «центре противоположностей.» Затем «природа покоряет природу и обращается в вихреобразную форму» (*illingiosa*).[32]

Этот «вихрь» в материи движется подобно ходу звёзд на небосклоне, но он, также, и отражает мистерию души (персонифицированную Клеопатрой). Кроме того, он — *субстанция*, а именно всепроникающий Меркурий, который одновременно и яд, и целительный *фармакон*. Таким образом, это *всепроникающий мировой дух*, где космос и всё, что в нём находится, сосуществует в единстве. Человек объединяется с ним в момент смерти, тем самым погружаясь в вечность, потому что тогда он вращается вместе с неугасающими звёздами.[33]

В частности, в трудах гностического алхимика Зосимы, можно найти любопытную попытку дифференцировать этот гороскоп,

перенеся его на материю. Он различает так называемую *kairikai baphai* (содержащую *reati* трансформацию материи) и свою индивидуальную, более глубокую и «подлинную» алхимическую трансформацию. Трансформация, «определяемая *reati*», зависит от астрологических созвездий и демонов или звёздных существ, которые ими управляют. «Подлинная» трансформация, с другой стороны, ведёт к объединению души алхимика с небесным духом (разумом), который распростёрт во вселенной и управляет ею. Когда алхимик через медитацию соединяется с разумом, он, тем самым искупляет себя, и может одновременно осуществлять «истинные» алхимические трансформации.[34]

В том числе, Зосима ввёл кардинально новую идею о двух управляющих силах, которые влияют на материю: астрологические боги мандалы циклического времени (зодиакальный круг) и спонтанные проявления, инициируемые из центра над ними — божественного разума. Который сам по себе может приводить к синхронистичным событиям, обладающим позитивной и непреходящей ценностью. Хотя эта дифференцированная концепция не была толком разработана, фундаментальная идея о сферической структуре материи и Опуса была сохранена арабами. Пройдя через их традиции, она вернулась на Запад, подобно другим интуитивным и научным представлениям античности. В средние века, круговая форма Опуса была, большей частью, охарактеризована Псевдо-Аристотелями. Они говорили: «Когда вы получите воду из земли, воздух из воды, огонь из воздуха и землю из огня, то овладеете нашим Искусством целиком и полностью.»[35]

Вращение четырёх элементов имеет параллель с подобным движением, присущим душе, логосу и космосу.[36] В результате его создаётся «одухотворенная земля», мистическое тело, которое отождествлялось с воскрешением человека и с мировым духом.[37] Опять же, предрасположенность к мандалообразной модели *unus mundus* можно найти в средневековых рассуждениях, касающихся Sapientia Dei и Святого Духа, где, в очередной раз, подчеркивается вневременный аспект. Проблема темпоральности почти не затрагивается. Тем не менее, мы всё же можем найти в данном временном периоде

редкие упоминания о двойных мандалах, где эта проблема не остаётся в стороне. Мандала небесных часов Гийома де Дипойвиля, аббата Шали, которая была заново открыта Юнгом, предлагает интересную аналогию с упоминаемыми выше двойными системами.[38] Гийом описывает видение рая, где ему привиделось, что он состоит из сорока девяти вращающихся сфер. Эти сферы представляют собой *saecula*, объединяющую вечность. Они охвачены *одним* золотым кольцом. Это кольцо пересекается с орбитой, по которой вращается трёхфутовый синий круг, означающий календарь церковного года. Здесь мы снова имеем две системы: одна относится к вечности, вторая — к временным циклам. Над голубым кругом мы находим таинственную надпись: »Il sortait du ciel d'or en un point et y rentrait d'autre part, et il en faisait tout le tour.» (»Он выходит из золотых небес в одной точке и возвращается к ней с другой стороны, проделывая целый круг по золотым небесам.» (фр.) — прим. перев.) Проходя по своей орбите, синий круг, так или иначе, пересекается со сферами на золотой орбите. По словам Юнга, троичная структура мандалы Гийома связана с тройственным средневековым мышлением, которое исключает материю и женский принцип из богообраза.

В *Психологии и Алхимии* Юнг находит этому средневековому образу современный аналог в виде «мировых часов». Этот образ взят из серии снов современного ученого. Он описывает его следующим образом:

> Вертикальный и горизонтальный круги, имеющие общий центр. Это часы мира. Их держит черная птица. Вертикальный круг — это синий диск с белой каймой, разделенный на 4x8=32 части. По диску вращается стрелка. Горизонтальный круг состоит из четырех цветов. На нем стоят четыре маленьких человечка с маятниками и окаймляют кольцо, некогда бывшее темным, а сейчас - золотое (прежде несомое детьми). «Часы» имеют три ритма пульсации:
>
> - Малый пульс: стрелка на синем вертикальном диске продвинулась на 1/32
> - Средний пульс: один полный оборот стрелки. За это время горизонтальный круг продвинулся на 1/32

- Большой пульс: 32 средних пульса равны одному обращению золотого кольца[39]

Юнг комментирует:

> Круг и четверица, с одной стороны, и троичный ритм — с другой, настолько проникают друг в друга, что одно содержится в другом. [...] Такие взаимопроникновения присущи не только символам в целом, но и также и их содержимому.[40]

Продолжая комментировать, Юнг отмечает тот факт, что Самость здесь *состоит из двух гетерогенных систем*, которые находятся в функциональном взаимоотношении друг с другом. Они регулируются тремя ритмами и упорядочены в соответствии с определенными законами — примерный аналог трёх *regimina* в алхимии. Он продолжает:

> Так как фигура имеет космический аспект — всемирные часы - мы должны считать их маломасштабной моделью, *возможно, даже источником пространства-времени*, или, по крайней мере, воплощением их и, следовательно, математически говоря, четырехмерными по природе, хотя лишь видимыми в трехмерной проекции.[41]

В этом образе мандалы примиряются все основные противоположности. Если мы применим сюда пифагорейскую идею тетрады души, то мандала будет выражать божественность через ритмическую троичность, а душу — через статичную кватерность (круг разделён на четыре цвета). Таким образом, основной смысл этого образа не что иное, как соединение души с Богом.

Недавно, в своей выдающейся книге *Джоржано Бруно и герметическая традиция*, Фрэнсис Йейтс продемонстрировала, как определённая структура мандалы, описанная Гийоном, получила новую жизнь в философии Ренессанса, что привело к крайне любопытным теоретическим наработкам. Оказавшись под сильным влиянием *Герметического корпуса*, Марсилио Фичино был первым, кто в своей работе *De vita coelitus comparanda* возродил древнюю практику магии. [42] Его теория основывалась на идее, что вся вселенная есть *одно*

единственное бытие (*unus mundus*), состоящее из субстанции космоса, мировой души и нуса, как божественного духа. Последнее содержит *ideae*; мировая душа содержит *rationes seminales*; и мировая сфера объединяет *species* всех вещей. Между ними (*ideae, rationes, species*) есть магические связи (*reationtions*), поэтому, собрав вместе «верные» земные сущности, *ideae* может быть проявлена и стабилизирована. [43] Таким же образом, части мировой души могут проявлять себя в нижнем мире и даже «дестабилизировать» негативные физические и психические состояния.[44] По этой причине, Фичино верил, что было бы крайне полезно сделать подобие всей вселенной (*mundi figura*).[45] Этот предмет должен был состоять из бронзы, смешанной с золотом и серебром (Юпитер, Солнце, Венера). Работа должна была начинаться тогда, когда солнце заходит в созвездие Овна и завершена, когда оно находится в знаке Венеры - Тельце. На нём должны быть три линии и три цвета: зелёный, золотой и синий.[46] В целом, как предполагается, он будет представлять из себя своего рода талисман в форме мандалы,[47] который можно носить как медальон или драгоценность или повесить на стену для созерцания. Необходимо, далее говорит Фичино, медитировать над этим предметом в собственной душе и, таким образом, он может оказать позитивное воздействие на мир. Когда кто-то, созерцая этот образ и отпечатывая у себя в памяти его линии и цвета, выйдет из дома и отдастся впечатлениям внешнего мира, он сможет трансформировать их хаотичное воздействие в единство, посредством образа более высокой реальности, который он носит с собой.

Любопытно, что это мировоззрение — троичная мандала (три металла, три цвета) Фичино остаётся в рамках христианства. В противовес ему, Пико делла Мирандола и Джордано Бруно обратились к египетскому язычеству, сохранив глубокое отношение к внутренней реальности, присущее Фичино. С точки зрения Бруно, каждый человек несёт в душе образ вселенной. Поэтому он выстраивал различные модели и, в соответствии с его язычеством, мандала была кватерной. [48] С его точки зрения, когда человек реструктурирует и воссоздаёт внутренний мир в позитивном смысле, возникает высшая внутренняя

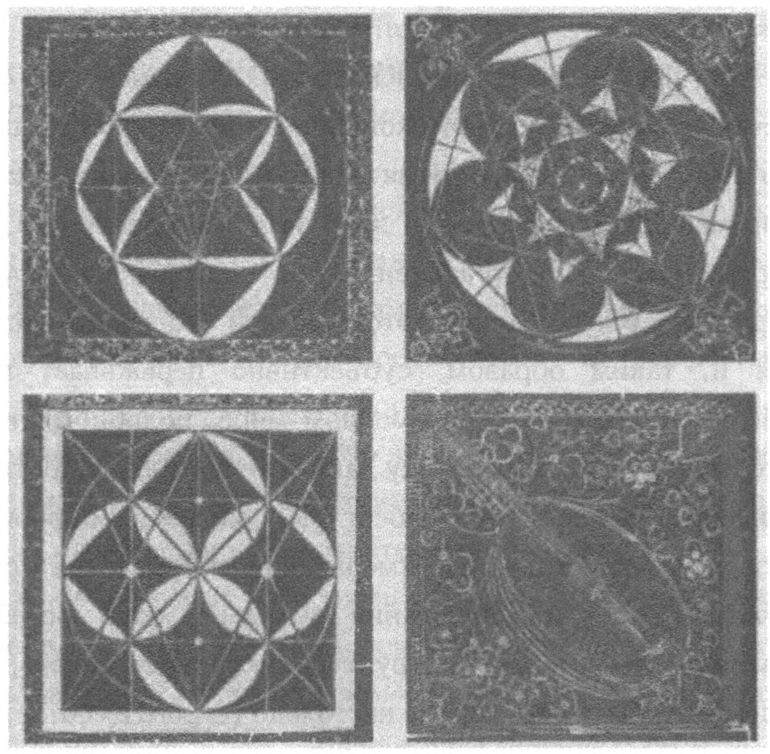
личность.[49] Внутренний индивидуальный образ воссоздаётся настолько, что к личности стягиваются духовные и демонические силы. В то же время, мандала Бруно формирует мнемотехническую систему[50], через которую внутренняя личность подвергается особым влияниям с помощью памяти. Но конечной целью этого магического импринтирования, является формирование внутренней религиозной личности.[51]

В своей работе *De umbris idearum* (что означает магические, теневые факсимиле небесных архетипов)[52], Бруно классифицирует тридцать шесть образов декад, сорок девять образов планет (по семь на каждую планету) и, наконец, тридцать шесть представлений, которые, как считается, относятся к двенадцати знакам зодиака, к круговой системе. Вся структура, однако, относится не к гороскопу, а к космической «системе памяти».[53] Она действует как средство отождествления с Богом. Через эту структуру воображение становится импринтировано особыми внутренними образами.[54] Бруно предполагал бесконечное число миров, которые являлись божественными центрами бесконечной вселенной. Для Бога «omnia infinitus ubique totus» (»всё вокруг бесконечно»(лат.) — прим. перев.). Он воплощает собой «душу мировой души», а не только душу саму по себе.[55]

В другой своей книге, *Articuli centum et sexaginta adversus mathematicos atque philosophos* (1588), Бруно представил наиболее интересные и оригинальные изображения мандал, которые он описывает как «figura mentis», »figura intellectus», «figura amoris» и »Zoemetra». Некоторые из них несколько ассиметричны.[56] Эти структуры, очевидно, должны были по-особому воздействовать на память, чтобы объединить её структуру и душа, таким образом, достигла бы прямого контакта с высшей реальностью. «Ибо душа», говорит Бруно, «есть свет Божий».[58]

Джордано Бруно был настолько впечатлен своей моделью вселенной в виде мандалы, что он таким же образом интерпретировал гелиоцентрическую систему Коперника и изобретение циркуля Фабрицио Морденте, утверждая, что эти первооткрыватели

недостаточно понимали смысл своих изобретений (или открытий), потому что подходили к ним с научной точки зрения. Для него они имели более глубокий, *магический* смысл.

Наверху слева, Figura mentis; наверху справа, Figura intellectus; внизу слева, Figura amoris; внизу справа, Zoemetra [Источник: Фрэнсис Йейтс, Джордано Бруно и герметическая традиция (Лондон, 1964), стр. 307, воспроизведено с разрешения Bibliotheque Nationale, Париж.]

Представленные выше мандалы, отражающие психофизический аспект *unus mundus*, были преимущественно транссубъективными. Фактически, их цель относилась к психике, а именно к тому, чтобы защитить душу от дезинтегрирующих влияний и воссоздать её в позитивном ключе. Они служили объектами для медитации, проводя индивида через внутреннее сосредоточение и воссоединение. Они обозначали высший порядок и их созерцание, также, приводило человека к упорядочиванию ума. В рассуждениях гностика Зосимы, а, позже, снова у Джордано Бруно, заметна ещё одна перспективная идея: о том, что «магическое» влияние может *исходить* из их центров или, говоря современным языком, с ними могут быть связаны синхронистичные

и парапсихологические феномены. *В то же время, подобные синхронистичные события могут быть связаны с внутренним развитием индивида и, в каком-то смысле, зависеть от него.*

Mutatis mutandis — идея этой космической мандалы находит отражение в предположениях некоторых современных физиков. Она вновь появляется в космической модели релятивистов, в их идее «мирового тела», описываемой тремя пространственными координатами и одной временной. Сам по себе, этот четырёхмерный мир задуман как безвременный. Он трансцендентен. Человеческое сознание просто передвигается по линиям этого тела и его непосредственного окружения и, таким образом, субъективно переживает мир как временный фактор.[59] В безвременном мире, подобном этому, всё строго детерминировано. Поскольку данная точка зрения противоречит принципу неопределённости Гейзенберга[60], мюнхенский физик Алоиз Венцль предположил, что четырёхмерный геометрический континуум эйнштейновской модели мироздания обладает лишь потенцией к существованию. Он считал, что «структура пространственно-временной реальности может быть определима настолько (строго в соответствии со спектром потенциальных возможностей), насколько в нём учитывается свободная актуализация».[61]

В данном ключе, модель мироздания релятивистов тесно соприкасается с юнгианской идеей *unus mundus*. Тогда всё, что появляется перед нами в пространстве и времени — это просто реализация ключевых характеристик математической структуры, в которой заключены в виде математических величин не только пространство и время, но также - сущность и динамизм.[62] Эта структура представляет собой четырёхмерный континуум постоянных, измеримых величин. «Мир» или «проекция мира», на котором материальные события визуализированы путём чистого математического формализма.[63] «Если взять за основу систему координат пространства и времени», говорит Герман Вейль, «физическая реальность также может определяться значениями чисел.»[64]

Недавно, вдохновлённый своими исследованиями в области теории информации и вопроса энтропии, французкий физик Оливье Коста де Борегард объяснил дополнительный психический аспект в релятивистской модели мироздания. Он подчеркивал, что «вселенная не полностью исследована физиками ... отсюда можно предположить наличие более первичной *психической* вселенной, по отношению к которой материальная вселенная представляет собой пассивную и ограниченную копию.»[65] Эта физическая вселенная предполагалась лишь как формальная, потенциальная и постоянная оболочка для событий. И, в то же время, неделимый, однородный и универсальный фон. Кроме того, де Борегард предполагал, что мы рассматриваем психическое бессознательное как постоянно соотнесённое с минковски-эйншейновским «миром».[66] Это значит, что постоянное расширение релятивистского, эйншейновского «мира» происходит в соответствии с постоянным расширением бессознательного психики.

Я никоим образом не собираюсь критиковать обоснованность этих современных теорий.[67] Для нас здесь примечателен тот факт, что эти теории показывают, каким образом современные физики нащупывают модель *unus mundus*, в чём-то напоминая подход Юнга. Более того, меня поразила гипотеза де Борегарда: вместо того, чтобы вводить произвольные симметрии и «скрытые» показатели в неудобных местах, у него хватило смелости заявить о реальности психического измерения, которое он считает «зеркальным отражением» материального мира.[68]

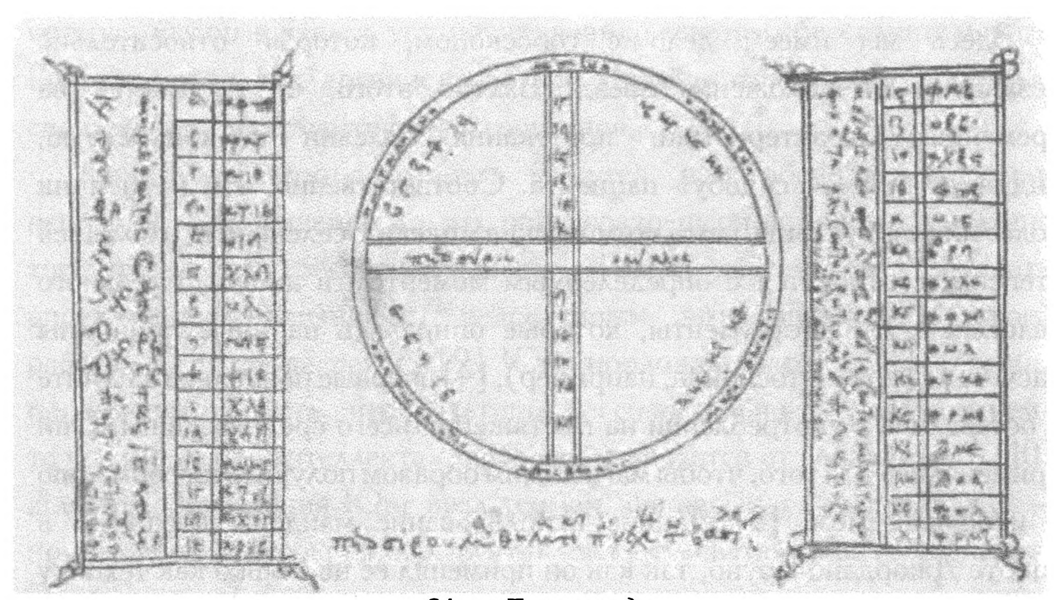
Тем не менее, с этой точки зрения, вопрос времени «как такового» остаётся неразрешённым и исключает проблему «вероятности». Как в обычном смысле слова, так и в смысле «значительной вероятности» — феномена синхронии. В этом отношении, минковски-эйнштейновский взгляд напоминает платонические и неоплатонические модели космоса, которые либо не учитывали проблему времени, либо рассматривали его исключительно как циклический процесс. Интеллектуально исключая идею *reation*, в смысле неопределённых «новых образований».

Глава 11
Предсказательные, мнемонические и кибернетические мандалы

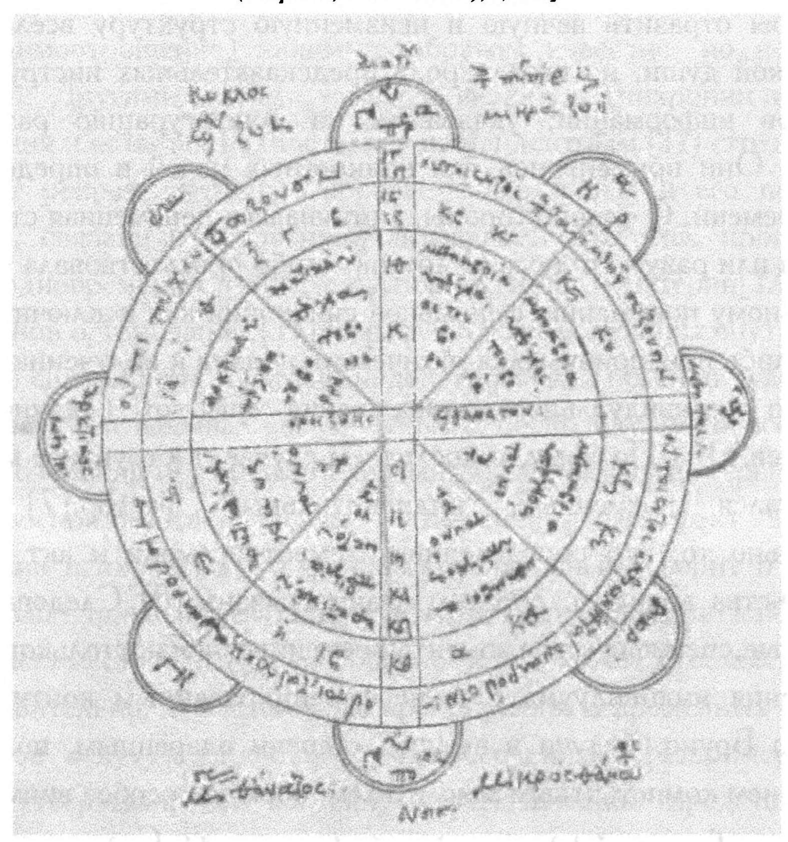
В своей работе Mysterium Coniunctionis Юнг сделал важные замечания по поводу того, что мандала представляет собой «оттиск» всей психики человека, а синхрония — это парапсихологический эквивалент *unus mundus*.[1] В связи с этим, не вызывает удивления тот факт, что в прошлом неоднократно предпринимались попытки объединить эти два элемента и построить мандалы, которые, благодаря феномену синхронии, могли наделить человека парапсихологическим «знанием». Как уже отмечалось, подобные идеи играли существенную роль как в работах гностика Зосимы, так и у Джордано Бруно.

К моделям Вселенной, где с незапамятных времён находили своё отражение проблемы времени и синхронистичности, относятся прежде всего гороскоп и, в большей степени, транзитный гороскоп. С их помощью пытались выявить особенности конкретного момента времени и присущих ему событий. В античности, мы также можем найти мандалы иного рода: они построены с помощью тех же астрологических инструментов для предсказания, но имели мало общего с реальными созвездиями. Например, в античной медицине, определённые магические круги использовались для прогнозирования жизни или смерти пациента. Они образовывали, своего рода, гороскоп, заключающий в себе пиковые дни болезни и использовались аналогично переходному гороскопу. Например, так называемые «сфера Демокрита» и «сфера Петосирида». [2] Текст на сфере Демокрита гласил:

> Прогноз касательно жизни и смерти. Отметьте для себя фазу луны, под которой заболел пациент и, взяв число его настоящего имени, добавьте его к числу луны. Посмотрите, сколько раз прошло с тех пор по 30 дней. Возьмите остаток и посмотрите на круг: если число находится в верхней части круга, значит пациент будет жить, если в нижней - он умрёт.[3]

Сфера Петосирида
[Источник: M. Berthelot, Collection des anciens alchimistes grecs (Париж, 1887-1988), I, 88.]

Ещё одна разновидность сферы Петосирида
[Источник: M. Berthelot, Collection des anciens alchimistes grecs, I, 98.]

Здесь мы имеем дело с гороскопом, который относительно независим от положения звёзд. Вместо этого, он полагается на временные характеристики протекания болезни и конкретную, индивидуальную «судьбу» пациента. Соответственно, эти концепции более индивидуальны, чем алхимические модели Вселенной и, в большей степени, соотносятся с определённым моментом в жизни отдельного человека. Эти инструменты, которые опирались на иные принципы расчёта (сфера Петосирида, например), [4] впервые появились в Египте и оставались в употреблении на протяжении всего средневековья. Они применялись для того, чтобы магическим образом получить информацию о непознаваемом. [5] Данное использование мандалы отражено в работе Джордано Бруно, так как он применял её не только как технику внутренней концентрации, но и в целях парапсихологии.

Приведённые выше примеры мандал не предназначались для того, чтобы отразить вечную и неизменную структуру вселенной и человеческой души, но играли роль предсказательных инструментов, источников информации, указывали на конфигурацию различных факторов. Они применялись для конкретных целей в определённый момент времени. С одной стороны, учитывалась неизменная структура вселенной или разума и духа. С другой - либо присутствовала отсылка к правильному пониманию феноменов синхронии как исключительных «чудес», либо предпринимался магический подход к получению знаний касательно индивидуального переживания «just-so» («данности» - прим. перев.).[6] Поэтому, в последнем случае, в структуре мандалы предполагался временный, индивидуальный фактор.[7] Здесь поразительно то, что определённый момент времени и акт личного вмешательства каким-то образом взаимосвязаны.[8] Следовательно, характерные,специфическиемоментывременивозникаюттольковмомент столкновения индивидуума с недифференцированным континуумом. Джордано Бруно, будучи в высшей степени одарённым, но, скорее наивным, чем компетентным мыслителем, обращал особое внимание на данный способ переживания единства мироздания. С помощью своей мандалы он пытался создать своего рода кибернетическую машину,

которая, как он надеялся, установит связь со «светом» бессознательного. Подобно тому, как древние пытались достичь этой связи с помощью своих «сфер» и геомантических геоскопов.

Данные попытки, которые кажутся нам абсурдными, были направлены на решение до сих пор неразрешённой задачи, а именно того факта, что бессознательное, в самом деле, может обладать определённым «знанием», недоступным эго-сознанию. В своей работе «О природе психе»,[9] Юнг приложил массу усилий, чтобы продемонстрировать, что архетипы бессознательного обладают чем-то вроде «квази-интеллекта», который отличается от сознания эго.[10] Для его обозначения Юнг ввёл термин «luminosity» («светимость» — прим. перев.), чтобы отличить этот свет от «света» нашего сознания. Этот же самый феномен можно рассматривать с другой точки зрения, когда имеет место синхрония. Здесь внутренние и внешние обстоятельства находятся в осмысленном взаимоотношении, как будто оно (взаимоотношение) каким-то образом известно, но не нашему сознанию. Другими словами, «смысл» феномена синхронии не зависит от сознания и остаётся полностью трансцендентным.[11] Этот феномен содержит репрезентативные образы (*симулякры*) и его появление, вероятно, связано с мгновенной активацией архетипа, проявляющего себя одновременно в пространствах психики и материи[12], в виде аказуальной организации.[13] Смысл этого объединения внутреннего и внешнего содержится в знании, недоступном для органов чувств. Этот тип знания Юнг называл «абсолютным», поскольку оно обособлено от нашего сознания.[14] Иными словами, хотя синхрония первоначально может восприниматься только субъективно, сам факт значимого совпадения психического и физического уровней говорит о том, что смысл может также объективно присутствовать в событии как таковом. Здесь имеет место нечто целесообразное или похожее на осмысленность.[15] Удивительно, что некоторые преставления современных физиков-теоретиков ведут к подобным умозаключениям. Например, Алоиз Венцль утверждал, что «в силу математической представимости» конкретное физическое событие в рамках эйнштейновского континуума выражает логос, упорядочивающий бытие.[16]

Как показал Вильгельм Рихард, в ранней китайской культуре преобладала идея о том, что смысл сокрыт в событиях как таковых. С подобным мы сталкиваемся и в западной культуре, например, в идее логоса Гераклита. Одну из версий этих воззрений можно найти в аристотелевской идее *nous poietiokos* — активного разумного начала в физической вселенной. Оно проявляет себя в человеческой душе как «свет естества» и воздействует на мышление.[17]

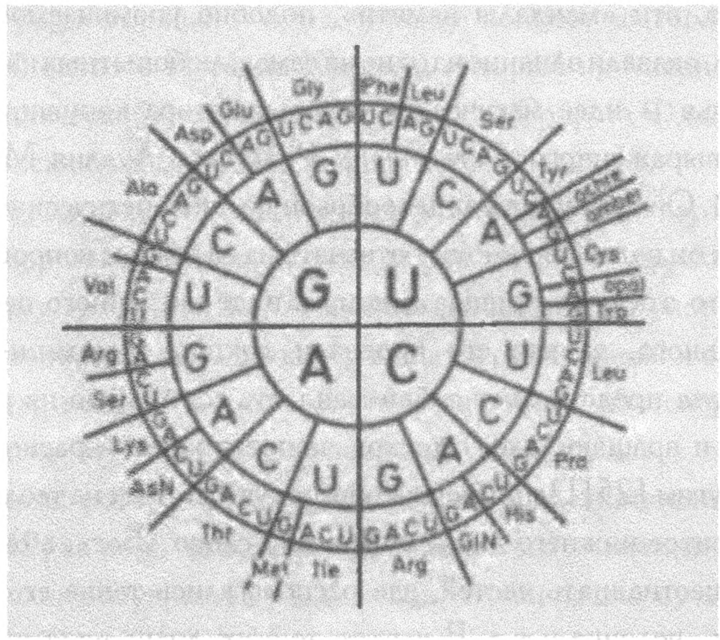
В своих работах по синхронии, Юнг цитирует ряд отдельных мыслителей, как античных, так и средневековых, которые верили в *oulomelia — correspondentia* или гармонию всех вещей. «Суть» этой гармонии сокрыта за объективными явлениями внешнего мира, но она может быть выявлена с помощью мантики. Это рудименты магического мышления, которые, в некоторой степени, устранены путём развития более точных современных наук. Как всегда бывает в таких случаях, с водой выплеснули и ребёнка, отбросив это «абсолютное знание» в коллективное бессознательное.

Ещё одна попытка установить связь с этим «знанием» заключалась в ряде античных мнемонических техник.[18] Некоторые ораторы (среди которых Цицерон) стремились улучшить свою память, ассоциируя темы выступления с определёнными местами в зале (*loci*). Во время выступления, они окидывали взором помещение и, тем самым, вспоминали темы в нужной последовательности. Позже, оратор Метродор Скепсийский заменил эти *loci* на двенадцать знаков зодиака, создав, своего рода, мнемоническую мандалу. [19] Вероятно, он был настолько вдохновлен идеей о том, что такая связь всем известной системы с чьим-либо дискурсом «сделает» его очень удачным.[20]

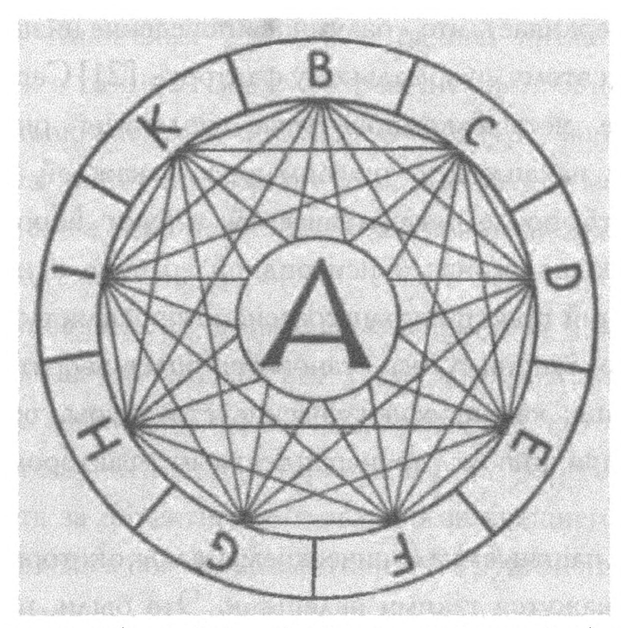
Суть данных техник заключается в том, что наш тип мышления основан, в конечном итоге, на *числовой структуре*. Эта структура, в свою очередь, гармонизирует вселенную. Юнг, описывая акаузальную упорядоченность в природе (которая, судя по всему, лежит в основе явлений синхронии), приходит к заключению, что подобные структурные взаимоотношения вполне имеют место. Тем не менее, не стоит искать эти взаимоотношения среди процессов человеческого

мозга. Он подчеркивает, что «разумное» поведение низших организмов гораздо ближе к этому «формальному фактору».[21] Сегодня мы знаем, что гигантские четырёхкомпонентные молекулы рибонуклеиновой кислоты могут накапливать информацию в каждой живой клетке, используя нечто вроде математической азбуки Морзе.[22] Такие исследования подводят нас к психоидной границе психики, где этот упорядочивающий принцип трансгрессивно проявляет себя в материи. Соответственно, теория Юнга становится более вероятной. А именно то, что архетипы, как психофизические структуры, обладают мирообразующим принципом, трансцендентным фактором организации бытия.

В этом свете, наивные мнемонические мандалы, о которых упоминалось выше, уже не кажутся такими нелепыми. Это были, пусть и грубые, попытки выразить численно-структурный принцип, заложенный в основе мыслительных процессов.[23] Они свидетельствовали о первых начинаниях в *ars combinatoria*, на что снова обращают внимание современные логики.

Круг генетического кода (кодоны читаются из центра к окружности)
[Источник: C. Bresch and R. Hausmann, Klassische und molekulare Genetik, 2е изд. (Берлин, 1970), стр. 193, воспроизводится с разрешения Springer Verlag.]

Одна из главных разработок Раймунда Луллия ars magna. А обозначает Бога, B-K обозначают его свойства, такие как божественность, правда и мудрость. Таким образом, свойства Бога связаны друг с другом через математические уравнения. [Источник: E.-W. Platzeck, Raimund Lull, 2 т. (Дюссельдорф, 1962), I, 195, воспроизведено с разрешения Dr. E.-W. Platzeck.]

Вероятно, эти «мандалы памяти», подобно упоминаемой «сфере» Петосирида, оказали влияние на одно из самых любопытных изобретений средневековья — идее магического «калькулятора концепций» (idea-computer), выраженного в *ars magna* Раймунда Луллия Майорского (1235-1315). Он придумал мандалообразную кибернетическую машину, которая, как он надеялся, сможет отвечать на заданные вопросы. Важно отметить, что эта идея пришла к нему в виде внезапного озарения из бессознательного, за что его прозвали *доктор иллюминатус*.[24] Его *ars magna* представляет собой мандалу, состоящую из различных (статичных и вращающихся) дисков, концентрически расположенных один над другим.[25] Например, чтобы получить ответ на теологический вопрос, в центре нижнего диска вписывали слово «Бог», а окружность делили на шестнадцать частей, где располагались такие его атрибуты как благость, величие и т.д. В центре другого диска вписывали *anima rationalis*, изобразив её в виде четырёх квадратов, а окружность, также разделённая на шестнадцать частей, содержала соответствующие харак-

теристики. Вращая диски, можно было механическим путём получить «логичный» ответ на все заданные по этой теме вопросы. Само собой, этот магический механизм потерпел крах. Уверена, современные мечты о том, чтобы заменить мозг компьютером, постигнет та же участь.

Что отличает модель Луллия от упоминаемых ранее (к слову, он оказал сильное влияние на Джордано Бруно), так это тот факт, что он не рассчитывал произвести магический эффект, поразить воображение или даже возвысить человека, но хотел найти *логичные* ответы на вопросы исключительно *механическим* способом.[27] Для него числовая структура мандалы ассоциировалась не с определёнными символами, а с нуждами рационального мышления. Он верил, что математический механизм будет давать правильные ответы на вопросы, заданные человеком. В этом смысле, Луллий использовал свою мандалу в более рациональном ключе, нежели представленные выше мыслители (такие как Фичино, Пико делла Мирандола и Джордано Бруно), которые использовали свои разработки в мнемоническом смысле. Mutatis mutandis («с рядом изменений» — прим. перев.), этот более рациональный подход, в конце концов, восторжествовал в планетарной системе Иоганна Кеплера, который противопоставлял её более символической и пифагорейской модели Роберта Фладда, с точки зрения её «исключительно математического» характера.

Наконец, мы должны здесь упомянуть знаменитую картезианскую систему координат, которая, как образ мыслей, приводит нас к аналогичному архетипу.[28] А именно декартовской системе, на которой основана вся классическая физика; ограниченный и относительный характер которой не находил применения до настоящего времени. Открытие этой системы изначально связывалось с посетившим его озарением, которое было прорывом из бессознательного.[29] 10 ноября, 1619, за ночь до того как приснился его знаменитый сон, Декарт был полон энтузиазма, убедив себя, что он постиг суть «чудесной науки» (*scietitia mirabilis*). Мнения ученых расходятся по поводу того, что же такое *scietitia mirabilis*. Некоторые предполагают, что она заключается в том, что математика, геометрия, арифметика, астрономия

и музыка сводятся к *mathematique universelle*, чей основной принцип зиждется на ряде чисел, находящихся в пропорциональных взаимоотношениях. Другие утверждают, что речь идёт о создании алгебраических и космических обозначений. Третьи говорят об открытии аналитической геометрии. В частности, Г. Миле выдвинул наиболее вероятное предположение, что это лишь последующие разработки.[30] Изначально, по его словам, Декарт испытал математическое прозрение, своего рода интуитивный инсайт касательно имманентной структуры мышления, вызванного и структурированного архетипами (в частности, числами). Следовательно, это было переживание «абсолютного знания».[31] Согласно более поздним взглядам Декарта, всё, что доступно истинному пониманию, также подчиняется математическому методу.[32] Возможно, данные взгляды связаны с тем, что он получил математическое «откровение» из бессознательного. Дальнейшая его разработка системы координат, по моему представлению, была попыткой облечь это откровение в непротиворечивую форму. Так или иначе, важно отметить, что эта система была трёхмерной. Весьма показательно с точки зрения психологии, что Декарт придерживался своей троичной системы, отвергая «образы» и «воображение» в своих дальнейших исследованиях, описывая всё лишь через математические абстракции[33], хотя изначально признавал ценность поэтической образности и философии. Как я уже отмечала, этот сдвиг во взглядах шёл одновременно с исследованиями Декарта и был вызван подавлением чувствующей функции и развитием рациональной точки зрения на мир.[34]

Проблема, касающаяся рационального подхода к познанию мира с помощью математических методов, находит своё отражение в современной физике. В частности, в некоторых вопросах, посвященных кибернетическим исследованиям.[35] Исключительно позитивистский подход, действительно, старается игнорировать психологические аспекты и последствия, которые неизбежно возникают в данной области. Но теоретики, наподобие Леона Бриллюэна, М. Райера и Оливье Коста де Борегарда приходят к заключению, что нельзя отвергать «психический

разонанс».[36] В связи с этим, Бриллюэн, Габор и Ротштейн учитывали вопросы и результаты из сферы кибернетики в своих физических исследованиях.[37] Бриллюэн и де Борегард выдвинули следующую теорию: физические расчёты основаны на теории вероятности, а в реальности допускается только предположение, а не ретроспективная оценка.[38] В пространстве физики, энтропия (и угасание волн) задает временную ось для естественных событий, делая их необратимыми.[39] В продолжение этой мысли, Джон фон Нейманн продемонстрировал, что любой процесс физического измерения также необратим.[40] Другими словами, каждый фрагмент полученной информации о физическом состоянии связан с необратимым увеличением энтропии во вселенной.[41] На данный момент, кибернетика предлагает ещё одну идею: увеличение информации эквивалентно сокращению энтропии через структурирующее вмешательство. [42] Во всяком случае, Бриллюэн подчеркивает, что физическое понимание слова «информация» не стоит путать с его общеизвестными коннотациями. В физике речь идёт о «скрытой информации» и экспериментально достигнутых результатах в определённом количестве системных микроструктур.[43] Но, даже учитывая эти ограничения, здесь имеются ввиду «результаты», которых человеческое сознание достигает по отношению к материальной реальности. *Информация есть представленная идея, выраженная в сознании*:[44], это, как говорит де Борегард, зафиксировано «psychisme incarné»[45] («психическим воплощением» — прим.перев.)

Очевидно, чтобы провести структурирующее вмешательство в систему, психика должна перейти из пассивного, созерцательного состояния в активное и волеизъявительное.[46] Возможность противопоставить закону энтропии существующий в психике закон негэнтропии, лежит в сфере не отдельного сознания, а в том, что де Борегард, рассматривая космическую актуальность, называл *infrapsychisme*.[47] В то время как регуляторная сила стремительно исчезает из вселенной, она потенциально существует «где-то ещё» (*ailleurs*) в виде фрагмента информации, т.е. в качестве представления.[48] То, что де Борегард называл *infrapsychisme*[49], соответствует

психоидному свойству коллективного бессознательного, если перевести этот термин на язык юнгианской терминологии. Согласно тому же де Борегарду, *infrapsychisme* содержит *supraconscience*, аналогично юнгианскому «абсолютному знанию».[50] В этом случае, наличие энергии негэнтропии вне пределов материальной вселенной — это психический фактор, который представляется как отдельный от человеческого эго-сознания.[51]

Знание, которое содержится в *infrapsychisme*, рассеяно среди отдельных душ в форме, превосходящей скорость света. И оно «синхронизирует» их, поскольку все они имеют источником ту же космическую «reseau de telecommunication» («телекоммуникационнная сеть» — прим. перев.).[52] Де Борегард называл эту сеть «источником и целью» всей информации[53] — в ней нет ничего неизвестного. С другой стороны, материальная вселенная — это что-то, похожее на гигантскую кибернетическую машину, которая ведёт индивида на пути к сознанию[54] и стремится вернуть его к сверхкосмическому источнику информации.

Во многом, воззрения де Борегарда соответствуют идеям Юнга[55]. Эти воззрения имеют очень важную параллель — независимо выведенную из физических исследований — с юнгианской концепцией *unus mundus* и «абсолютным знанием», содержащимся в нём.[56] Помимо того, они наглядно демонстрируют тот факт, что проблема взаимоотношения внешних материальных структур с психикой всё ещё остаётся нерешенной. Некоторые физики, как и де Борегард, пытались найти третий фактор, который мог бы объединить психику и материальный мир. Очевидно, что эти модели мышления базируются на одном архетипическом основании, которое всегда и везде проявляет себя в различных формах, как только встаёт вопрос о единстве бытия.

Глава 12
Архетип числа-игры, как основа теории вероятности и нумерологических оракулов

Юнг описывал феномен синхронии как парапсихологическое явление, и далеко не случайно некоторые физики обращались к этой маргинальной области науки, чтобы понять взаимоотношения между числом и материей.[1] Поэтому, мы должны здесь привести некоторые соображения касательно данного вопроса. Как уже упоминалось, Юнг называл число *простейшей формой духа*. Но, в данном контексте, необходимо более точно определить значение слова «дух». В своей работе «Феноменология духа в сказках», Юнг, прежде всего, перечисляет различные фразеологизмы, где «дух» подразумевается, как «нематериальная субстанция» или противоположность материи. [2] В этом смысле, «дух» выступает как фундаментальный космический принцип. Но мы также используем это слово для описания свойств психики человека, по аналогии с «мотивацией», «интеллектом» и «умственными способностями». Более того, в выражении «дух времени» это слово означает ряд суждений и идей, присущих человеческим сообществам. Поэтому, возникает определённая антитеза между «духом», как объективным, не присущим конкретному человеку явлением и «духом», как сознательной активностью эго. Юнг комментирует это следующим образом:

«Когда [...] происходит некоторое психическое событие, понимаемое индивидуумом как происходящее именно с ним, а, значит, присущее его духу. Но если оно кажется чужеродным, значит это чей-то дух, и он может вызвать одержимость.»[3] В последнем случае, мы имеем дело с пока ещё нечеловеческим, проекцией бессознательной психики, [4] что всегда воспринимается как парапсихологический феномен.»

То свойство души, которое мы называем «духом» содержит все активные, окрыляющие, стимулирующие и вдохновляющие компоненты бессознательного, то есть его *динамику*. Проявляясь как субъективное переживание индивида, дух, в то же время, инициирует внутренние образы и наделяет их смыслом.[5] «Отличительная особенность духа», по словам Юнга,

> Заключается, во-первых, в его спонтанной активности, во-вторых, в способности произвольно создавать образы, независимо от чувственного восприятия, и в-третьих, в автономной и независимой манипуляции этими образами. Эта духовность воздействовала на первобытного человека извне, но, в процессе эволюции, переместилась в сознание, став подчиненной функцией.[6]

Огромная часть духовного феномена осталась нетронутой, в естественном (независимом) состоянии, но, тем не менее, она всё ещё проявляет себя как «живое присутствие», т.е парапсихологический феномен.[7]

Особенно четко видна постепенная «субъективизация» духа в истории развития математики. В то время как пифагорейцы рассматривали числа как духовные/материальные космические принципы, и даже Леопольд Кронекер продолжал приписывать их создание Богу,[8] множество современных математиков продолжали считать их «конструктами» сознания. Они рассматривались как знаки, с которыми «играет» сознание, согласно определённым правилам, которые существуют сами по себе.[9] Отсюда возникает

> Строго интеллектуальная математика, полностью лишенная интуиции. Чистая теория форм, целью которой являются не комбинации квант или их образов — чисел, но интеллектуальные объекты, которым могут (но не обязательно) соответствовать фактические объекты или их соотношения.[10]

Таким образом, современная (в частности, формальная) математика вернулась к проблеме отдельных, натуральных чисел. Последние, по словам Германа Вейля, «не проявляют себя отдельно, как в реальности, но их символы спроецированы на область множества вероятностей,

образованных неизменными процессами, уходящими в бесконечность». [11] Ряд чисел обозначает эту внутреннюю противоположность между сходством, стиранием всех отличительных характеристик и уникальностью, присущей каждому числу.

Аналогичные исследования можно проследить в современной физике, потому как в ней всё больше используется концепция вероятности, которая игнорирует исключения, насколько это возможно. Паули более точно сформулировал этот антитезис: «Вследствие постулируемой квантовой физикой неопределённости законов, наблюдение также приобретает характер иррациональной исключительности с непредсказуемыми результатами.» Этому противостоит «рациональное свойство абстрактного ряда возможных доказательств с помощью математической концепции вероятности и ψ-функции.»[12]

Постоянное увеличение количества повторений экспериментов отражает стремление человека принудительно уместить событие в рамки теории вероятности, поскольку только при таком условии эта теория приобретает максимальную точность. Только так можно проследить значительные тенденции.[13] Современная экспериментальная наука базируется на данном убеждении, что только очень частое повторение экспериментов может привести к существенным результатам. Как бы то ни было, вера современной науки в «закон больших чисел» и обобщение математических аппроксимаций не является продуктом сознания, но основана на одержимости архетипической идеей. Концепция «структурированного множества (абстрактных) вероятностей [...] уходящих в бесконечность» проистекает из наблюдения за рядом натуральных чисел: среди первобытных народов, которые имеют слова лишь для первых нескольких чисел - далее идут различные вариации слова «много». В их мировоззрении, единственные силы, которые «могут считать дальше» — это боги и демоны, то есть архетипические персонификации бессознательного. Даже в Новом Завете, Бог говорит о том, что он посчитал все волосы на наших головах и всех упавших воробьёв. Негативная сторона этой «способности считать до бесконечности» (негативная, потому как она исключает индивида)

также находит своё воплощение в архетипических силах. К примеру, молящийся из западно-африканского народа Йоруба, произносит:

Смерть всё считает не переставая,
но ей не посчитать меня!
Огонь всё считает не переставая,
но ему не посчитать меня!
Пустота всё считает не переставая,
но ей не посчитать меня!
Обилие всё считает не переставая,
но ему не посчитать меня!
День всё считает не переставая,
но ему не посчитать меня!
Паучья сеть оплетает закрома.[14]

Смерть, огонь, пустота (=бессмысленность), обилие и день — это всё символы психической энергии (как источника сознания).[15] Эта энергия «считает не переставая», что, вероятно, означает то, что она вибрирует синхронно с последовательностью чисел и, в этой своей форме, вполне способна уничтожить человека и его уникальный творческий потенциал. Упоминание о «считающей» смерти прослеживается в выражении «his number was up» (дословно «выпал его номер» — *прим. перев.*), которое мы произносим, имея ввиду, что смерть была предначертана Богом. В данном контексте, индивид соотносится с отдельным числом, которое проявляет своё трансцендентное бытие. «Считающая не переставая» смерть рано или поздно выбирает этот отдельный номер и забирает человеческую жизнь.[16] Сленговое выражение « I don't have his number» (дословно «У меня нет его номера» — *прим. перев.*), означающее, что один человек не понимает другого, также подразумевает эквивалентность индивидуальных качеств и отдельных чисел. Сегодня нет нужды особо подчеркивать, что статистика, в своей прикладной и догматической форме, стала смертоносным оружием в руках социологов и политиков. Современный человек, желающий сохранить свою индивидуальность в среде нашей коллективистской цивилизации, должен молиться подобно Йорубе: смерть, огонь,

пустота, день (=рациональное сознание) и обилие, не считайте меня. В сумраке смыслов и духовной нищете, позвольте мне жить!

Современная переоценка статистики и вероятности берёт начало в инфляционнойидентификациисархетипическойсилой«подсчитывающей все вещи».[17] То, что с нами происходит, наглядно отражено в истории индейцев Навахо о истоках спекуляции. Навахо однажды построили дом для одного из своих великих вождей, где он жил довольно скрытно, поскольку обладал всем богатством племени. Бог Солнца проникся завистью к «великой бирюзе» этого вождя, несмотря на то, что сам обладал «совершенной бирюзой». Поэтому, он тайно родил сына от женщины по прозвищу «скальная» и занялся воспитанием сына, чтобы сделать из него совершенного игрока, который бы всегда побеждал во всех азартных играх. Затем, он заставил его выиграть у вождя все драгоценности, в том числе укрываемую им «великую бирюзу». Но когда сын Бога Солнца выиграл её, он отказался передавать её отцу. Разъяренный бог породил второго «игрока», который выглядел точно так же, как и первый и тоже обучил его играм. С помощью нескольких животных, второй сын научился так ловко мухлевать, что выиграл у первого всё его наигранное добро. Впоследствии, первый игрок отправился за небесный Предел. Но второй принес выигранную им великую бирюзу в жертву Богу Солнца, а тот, в благодарность, помог ему захватить новую страну.[18]

Бог Солнца — это персонификация сверхличностного принципа сознания в психике, «света природы» и, соответственно, обладает всем комплексом знаний о спекуляциях. Он соответствует силам, способным к подсчёту, подобно «смерти», «дню», «обилию» и т.д. в воззрениях Йоруба. Человеческое сознание, первый «игрок», приобретает некоторые божественные приёмы и, таким образом, поддаётся инфляции. Второй игрок, напротив, возвращает бирюзу, «величайшую ценность», Богу Солнца — он не намерен обладать большим, чем ему полагается. Соответственно, он воплощает собой настоящего героя, образ правильного сознательного отношения, при поддержке различных животных, символизирующих инстинкты.

Когда мы сегодня верим в то, что с помощью статистики и теории вероятности можем постигнуть тайны природы, мы, точно таким

же образом, становимся жертвами инфляции, как и первый игрок из мифа Навахо. Поскольку «вера в большие числа» вызывает раздутую самоидентификацию сознания с лишь одним аспектом архетипической структуры бесконечного ряда чисел, в оппозицию к отдельным событиям. Если быть более точным, данная антитеза вскрывает и более тонкий парадокс: как впервые отметил Георг Кантор, каждый бесконечный ряд может представляться как отдельное множество (что Кантор и делает), но, с другой стороны, каждое множество может рассматриваться как связанное с временным аспектом единого континуума, что я и пыталась продемонстрировать.

Противостояние между «научным экспериментом» и «предсказательным оракулом» в современной мысли приводит к расколу в парадоксальной, двойственной природе архетипа числа. Эксперимент направлен на повторение, чтобы свести на нет уникальное свойство числа в угоду «шансу».[19] В оракулах, с другой стороны, центральное положение занимает шанс, который используется для интерпретации обуславливающих факторов. Данный антитезис хорошо знаком тем, кто страстно предавался азартным играм: всегда возникает вопрос, можно ли выиграть, используя «систему» повторяющихся бросков или всё зависит только от удачи, поскольку последняя требует от нас найти психически удачный kairos или «верное» число. Сколько людей пыталось выиграть в лотерею, используя систему повторений и как часто читали в газетах о каком-нибудь старом шарлатане, который выдумал счастливое число и однажды-таки победил! Ему, как и второму игроку из истории Навахо, помогали животные, инстинкты.

В свете вышеизложенного, конечно, не случайно — а, даже если так, то «случайность» здесь стоит понимать в смысле «значительное совпадение» — что сама теория вероятности возникла в ходе переписки Паскаля и Ферма касательно перспектив развития азартных игр. Любопытно, что Дмитрий Менделеев открыл свою знаменитую систему химических элементов в результате игры в пасьянс. Он несколько раз пытался вывести систему, не достигая удовлетворительных результатов. После, он впал в депрессию и начал раскладывать пасьянс. Внезапно, он решил сделать маленькие

карточки из шестидесяти трёх элементов и поиграть с ними как с обычными картами, записывая каждый ход. После нескольких часов предельной концентрации, он наконец пришёл к устраивающему его варианту. Затем, он лёг спать и во сне увидел эту систему, представленную в обратно порядке — он её записал (поправив только в одном месте) и, таким образом, пришёл к той таблице, которую мы знаем.[20]

В последних обсуждениях по поводу применимости математической вероятности в физике, часто используется сравнение с азартными играми. Оливье Коста Де Борегард приходит к утверждению, что физик, по отношению ко вселенной, чувствует себя подобно игроку по отношению к игре.[21] Вся информация, полученная экспериментальным путём, в конечном итоге, исходит из тех данных, что обнаруживаются в последовательных бросках кубика относительно законов вселенной которые, по сути, случайны (т.е. контингенциальны).

Де Ривьер приходит к заключению, что в квантовой механике существуют два типа изменений: классические, подтверждаемые уравнением Шредингера, и те, что, как правило, произвольны и зависимы от времени, если не обладают обратимостью.[22] Эта особая форма изменений полностью выходит за рамки теории, здесь скорее «обстоятельства, побуждающие честного предсказателя вытаскивать именно эту карту из колоды, не относятся к теории вероятности, чьи правила касаются только всех вытаскиваний в целом.»[23]

Таким образом, некоторые физики, в конце концов, начинают осознавать, что теория вероятности больше не имеет дела с объективными обстоятельствами, но только лишь с нашими знаниями о них. «Вероятность» — это не атрибут события, которое может или не может произойти: «вероятность может применяться только к нашим знаниям о событии». То, что лежит за пределами наших наблюдений есть «жизнь», «сознание» или «дух».[24] Данная формулировка Эддингтона наиболее точно отражает субъективный и мнемонический характер теории вероятности.

В некотором смысле, человек тоже пытается вникнуть в субъективную и психологическую вероятность с помощью числовых предсказательных

техник. То, что отличает теорию вероятности в квантовой физике (с соответствующими экспериментами) от таких техник - это частота «бросков», в попытках свести к минимуму фактор случайности. С другой стороны, в предсказательных оракулах (к примеру, «И цзин»), единственное событие становится *центром* внимания и является точкой отсчета для дальнейших рассуждений. Эксперименты часто повторяются во времени и служат для фиксации на отдельной области вселенной, в то время как оракулы рассматривают один случай и служат для большего понимания единства всех компонентов. Согласно воззрениям современной физики, отдельные факты служат ограничивающими условиями, и Эддингтон справедливо полагает, что если бы мы обнаружили их соответствие, то обуславливающий здесь принцип мы бы назвали «естественным законом», но он до сих пор не сформулирован. [25] На мой взгляд, «И цзин» представляет собой попытку с помощью чисел обнаружить психологическую вероятность, вносимую в наблюдение человеком за этими обуславливающими факторами. Такая попытка, скорее всего, характеризует вероятные психические условия, лежащие в основе наблюдаемых обстоятельств.[26]

Благодаря экспериментальной повторяемости в физике мы, фактически, добились значительной осведомленности о действующих в природе системах. Мы получили информацию, вероятность которой в любой момент времени колеблется между нулём и единицей (т.е. доля, в математической формулировке). Разумеется, присутствует молчаливое согласие с тем, что фактические и возможные повторения эксперимента существенно не повлияют на конечные данные. (Однако, из-за самого факта наличия энтропии, это не совсем верно). Но данная гипотеза *не* относится к области психики, так как хорошо известно, что повторение очень быстро уменьшает «заряд» психической энергии — другими словами, редуцируется эмоциональная составляющая. *Поэтому, применение теории вероятности к психологическим феноменам (согласно данным предположениям), неприемлемо как логически, так и эмпирически.* В области психологических экспериментов нет никаких «долей» — только ноль или единица, существование или не существование, факты, как таковые.

Теперь возникает вопрос — как это возможно, что предсказательные техники основываются на повторяющихся во времени «бросках»? И как получилось, что китайцы пытались спрогнозировать феномен синхронии, когда он, по определению, является творческих актом? Очевидно, в психологии есть некоторая «вероятность» — она зиждется на коллективном основании индивидуальной психики - архетипических структурах, которые, в целом, остаются неизменными, глубоко под всеми личностными наслоениями. Как результат, в определённых ситуациях можно проследить типичные человеческие реакции. Но они проявляют себя синхронно с аффективным, заряженным состоянием. В то время как с позиции количества, точность теории вероятности возрастает с повторением, психологическая теория вероятности должна взять за основу наблюдений архетипическую ситуацию, как поступают предсказательные техники. Последняя не использует для этого в своих вычислениях дроби и пределы, но (как уже говорилось) полагается на качественные интенции основных натуральных чисел: один, два, три и четыре. Их изоморфизм по отношению к архетипам делает их подходящими инструментами для описания архетипических ситуаций. В эксперименте, сознательное эго наблюдателя вычленяет из целого отдельную систему. Но предсказание позволяет шансу сделать срез ситуации и только потом прочитать результат.

Методика предсказательных техник для определения психической вероятности предполагает неопределённость, объективную случайность, которая отвергается в нынешнее время. Эддингтон пришёл к заключению, что аномалии могут случаться в сфере объективных феноменов в момент намеренного, сознательного вмешательства. Происхождение данных проявлений он приписывает, своего рода, «мысле-материи», которую он называет «сознательной материей», в противовес «обычной материи». [27]. Обычная материя подчиняется законам вероятности, которые предполагают, что не существует никакой корреляции между отдельными элементарными частицами. С другой стороны, если данные корреляции имеют место, будет уместно говорить о физическом компоненте как о волевом акте, то есть этот компонент выходит за рамки физики. Однако

здесь упускается из виду тот фактор, что волевые акты мы приписываем исключительно сознательному эго, но глубинная психология уже продемонстрировала, что бессознательное содержимое обладает сходными тенденциями. Возможно, было бы лучше описывать эти бессознательные тенденции как целенаправленные, чтобы избежать путаницы терминов. [28] Именно такое «динамически возбужденное» *бессознательное* содержимое, скорее всего, связано с проявлением синхронистичных событий. *Логически, наличие данных событий упраздняет закон (бессмысленной) случайности.*[29] Именно поэтому Юнг описывает подлинные события синхронии как «парапсихологические», маргинальные феномены, которые происходят только тогда, когда сознание нашего эго «тускнеет». Это должно означать, что яркость архетипической констелляции, которая светит из самой «сути» синхронистичного события, повышает его энергетический заряд пропорционально степени ослабления света сознательного эго. Натуральное число, по всей видимости, качественно связано с данным взаимоотношением.

Любопытный факт, что похожая архетипическая идея стоит за теорией физических экспериментов и предсказательных оракулов, а именно концепт игры случая. Когда Эйнштейн вызывающе заявил Нильсу Бору, что «Бог не играет в кости», он, должно быть, имел ввиду Бога-судью из Ветхого Завета.[30] Метание костей — очень древний символ, который использовался, чтобы продемонстрировать творческую деятельность божества. Например, в Бхагавад-Гите бог Кришна говорит сам себе:» Я — игра в кости. Я пребываю в сердце каждого существа. Я — начало, и середина, и конец всего сущего. Я — Вишну, сияющее солнце средь светящихся тел.» В тексте Шатапатха-брахмана из Яджурведы (4 Брахмана 23), Агни, бог огня, говорит о себе:» Он, священник, бросает кости со словами «Освященный Свахой — сражайся с лучами Сурьи ради почетного места среди братьев!» Земля для этой игры есть то же, что «изобильный Агни» и эти кости — его угли ...» Юнг комментирует эти тексты следующим образом:

> Оба текста говорят о свете, солнце, огне, также о боге - как об игре в кости. Аналогично, в Атхарваведе VI, 38 говорится о «великолепии,

что содержится в колеснице, в игральном кубике, в силе быка, в ветре...». «Великолепие» — это отсылка к тому, что в первобытной психологии считалось «маной», а в психологии бессознательного «проявлением либидо», или «эмоциональной значимостью», или «чувственным тоном». С точки зрения эмоциональной интенсивности, которая была определяющим фактором в первобытном сознании, наиболее гетерогенные вещи — дождь, шторм, огонь, сила быка, и страстная игра в кости — могут становиться идентичными. Эмоциональная интенция объединяет игрока и игру.[31]

В этом же контексте уместно высказывание Гераклита: «Эон (бесконечная протяженность) — это играющий мальчик, передвигающий шашки. Космос управляется ребёнком.»[32] И, снова, здесь мы находим связь между психической энергией и игрой в кости. Более того, когда «Бог», дух бессознательного, играет, он создаёт фатум, уникальная судьба проявляется лишь однажды, а именно как *creatio* феномена синхронии. С другой стороны, когда человек играет, подражая Богу, *его* собственный разум реконструирует рациональные возможности, которые наполняют его ощущением, что он постигает тайну неизведанного, поскольку числовые законы его собственной игры очень похожи на числовые законы божественной игры.

Когда современный квантовый физик следует системе с количественно выраженными матрицами и ищет, с помощью экспериментальных повторений, «подходящие» числовые результаты, он бессознательно использует древний способ постижения, называемый «духом» (в изначальном смысле слова). Однако, постепенно частица этого «духа» овладевает его субъективным сознанием. Напротив, использование предсказательных оракулов представляет собой попытку спонтанной манифестации оставшегося автономного духа, предложив ему «его» собственную речь, опосредованную архаичными числовыми последовательностями. Бросок веток или монет образует в сознании «дыру», через которую может проникнуть автономная активность коллективного бессознательного. Данная операция может дать результат только если архетип со всеми его атрибутами сильно заряжен

психической энергией и уже образован в бессознательном. Именно по этой причине во всех предсказательных техниках есть предупреждение об использовании их только в «серьёзных ситуациях», и нельзя к ним легкомысленно относиться, повторяя один и тот же вопрос. Чем больше психическая напряженность, тем более возможным и точным будет результат. Такое положение дел в какой-то мере представляет собой обратную сторону физических процессов, например, при высокой интенсивности, понятие длины становится размытым.[34] Чтобы объяснить принцип действия оракула «И цзин», Рихард Вильгельм предлагает весьма показательный образ:

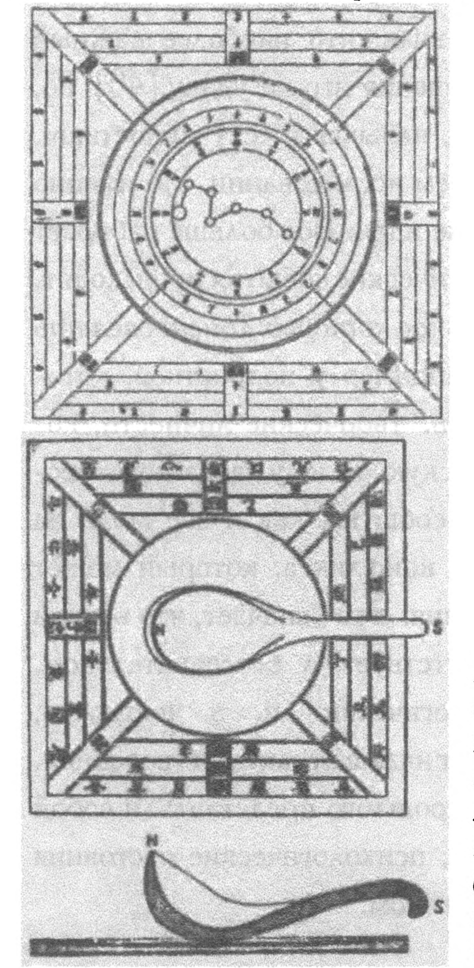
> То, как работает Книга Перемен, лучше всего объяснить на примере универсальной для всех ситуаций электрической схемы. Схема показывает принцип освещения, но сама не производит свет. Но когда она, через вопрос кверента, устанавливает контакт с определённой ситуацией, «ток» начинает идти, и данная ситуация освещается.[35]

В этом высказывании, Вильгельм использует тот же самый классический образ «поля», чтобы описать всепроникающий континуум, возникающий в результате его стимуляции из скрытого состояния для того, чтобы понять его динамизм с помощью чисел.

В Китае также была установлена изначальная связь между «игрой», «азартом», и арифметикой. Два лингвистических корня соединяются в китайской слове, обозначающим «вычисление». Первый основывается на слове *суан-шу*, «вычисление», 筭. Что также означает «лун», «играть с помощью бамбуковых палочек» (позже мы рассмотрим это подробнее) и второй, *ши*, слово, чей корень берёт своё начало из эпохи Шань, пишется 示 современное воссоздание 示. Он состоит из неба (верхний пересекающий штрих) и три штриха внизу обозначают солнце, луну и звёзды. Этот иероглиф *ши* обозначает небо, пророчество, и его влияние на мир. Позднее иероглиф стал обозначать проявление, раскрытие, провозглашение или информирование.[36] 示 или 示

Джозеф Нидэм особо подчеркивал, что значение иероглифа *ши* сводится к арифметике и основано на связи между двумя видами

деятельности — предсказанием и арифметикой. Эти два вида настолько сблизились в Китае, что в древних текстах использовались как синонимы. [37] В Японии тоже есть слово *саи*, «игра с кубиками», которое ещё и обозначает поиск божественности или Будды, чтобы оказать ему почести и отпраздновать выполнение обета.[38] Небесные созвездия представляли собой, так сказать, прототипы оракулов, которые человеческий разум имитировал арифметическими средствами. Поэтому гадательная доска китайского *ши*[39] содержит в центре изображение созвездия Вайна (Большой Медведицы), которое часто представлялось намагниченной ложкой, вращающейся по доске. Данный предсказательный инструмент привёл к изобретению компаса (см. рисунок). Понятие духовного порядка проецировалось архаичным человеком на небосвод и, впоследствии, имитировалось в азартных играх.

Наверху - предсказательная доска ши с изображением Большой Медведицы. В центре и внизу – более ранний вариант, где Медведица фигурировала в качестве магнитной ложки [Источник: Джозеф Нидэм, Наука и цивилизация в Китае (Кембридж, 1959), IV, ч.1, 263 и 266, воспроизводится с разрешения Cambridge University Press.]

Постепенно, человек осознавал некоторые рациональные законы этого спроецированного духовного порядка и развивал с помощью него свои сознательные математические способности. Однако, в отличии от западного человека, китайцы сохранили знание о первоначальном состоянии, а именно, что математика была получена из спроецированного на звёзды духовного порядка и тесно связана со «случайными совпадениями», как индикаторами всё ещё бессознательного содержимого. Здесь, вскользь, можно упомянуть тот факт, что все эти предсказательные инструменты содержат в своей основе мандалу и четверичную структуру (либо множество четвериц).

Математика, изначально являясь выражением порядка в коллективном бессознательном, частично стала достоянием субъективного сознания западного человека. И в наши дни это стало настолько очевидным, что Лаплас смог выразить удивление, узнав, что наиболее важный объект познания берёт своё начало из изучения игр на удачу.[40] То, что сегодня нельзя подвести под систему, называют «случайностью», подразумевая, что нет смысла в дальнейшем исследовании. Но именно в таких - «случайных» - рождаются новые идеи. Всё больше набирает актуальность убеждение, что парапсихологические события происходят, преимущественно с людьми, *бессознательное которых хочет сделать ещё один шаг в развитии сознания*, например у подростков, которые должны вступить во взрослую жизнь. Творческие личности, которые должны выполнить новую творческую задачу, заданную бессознательным, также притягивают такие события, как и все люди на грани психоза или в состоянии жесткого конфликта, который может быть преодолен только с развитием сознания. Это означает, что всякий раз, когда творческое намерение присутствует в бессознательном, можно ожидать появление парапсихологических и, в частности, синхронистичных феноменов, которые Юнг называл «актами творения». Фактически, предсказательные техники прошлого представляли собой попытки понять, посредством игр случая, психологические состояния содержимого, образованного в бессознательном.

ЧАСТЬ V

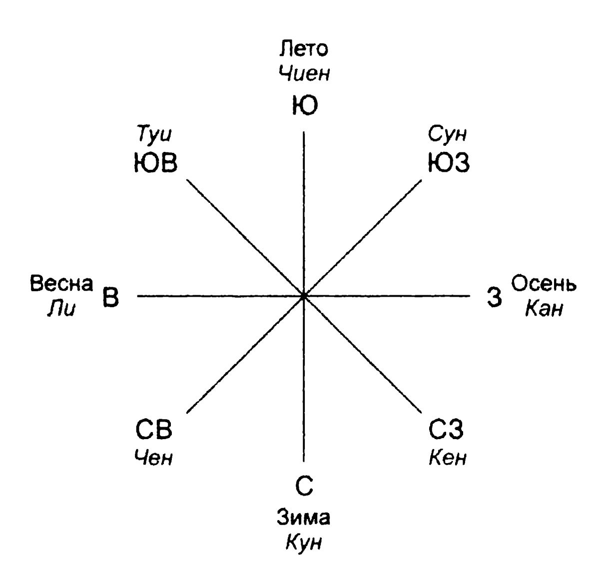
Числовые и парапсихологические аспекты принципа синхронистичности

Глава 13
Число, время и синхрония

Поначалу, я не намеревалась включать в эту книгу довольно сложный вопрос касательно феномена времени. Но подробное исследование показало, что *число, понимаемое в своём психофизическом аспекте, тесно связано с проблемой времени.* Эта связь подкрепляется тем фактом, что в предсказательных техниках всегда использовали числа как показатели синхронистичности. В частности, в Китае они, с древнейших времен, считались структурными единицами течения времени. Числовые системы Ло-шу и Хо-ту, описанные во второй главе, дают весьма чёткое представление об аспекте времени, содержащемся в их взаимоотношениях с триграммами «И-цзин». Данное взаимоотношение, как уже упоминалось, представляет собой комбинацию Хо-ту с «Преднебесной последовательностью» или «Изначальным расположением», показанную в сопутствующей иллюстрации.

Чиен и *кун*, небо и земля, обозначают собой ось север-юг и образуют пару противоположностей. Но «в изначальном взаимоотношении ... их воздействия не противоречат друг другу ...». В этом смысле, все силы (*па-куа*) действуют как парные противоположности. Более того, с этой точки зрения, целое обладает возможностью к внутреннему двойному движению. Древний текст приводит по этому поводу следующий комментарий:

> Небо и земля задают направление. Силы горы и озера приходят к единству. Буря и ветер воспаляют друг друга. Огонь и вода не враждуют. Так, восемь триграмм объединяются. То, что уходит в прошлое, зависит от того, что следует вперёд. Знание о том, что грядет, зависит от того, что уходит. Поэтому, Книга Перемен содержит уходящие числа.[1]

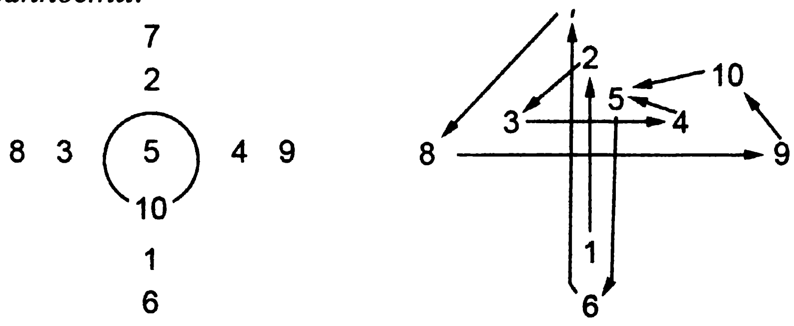
[Рисунок автора, согласно Марсель Гранэ, La Pensée chinoise, © Albin Michel 1936, 1968, Collection Evolution de l'humanité.]

Вильгельм приводит объяснение этого текста:

> Когда триграммы объединяются, то есть, когда они приходят в движение, наблюдается двойная динамика: первое, обычное движение по часовой стрелке, кумулятивное и расширяющее во времени, которое определяет происходящие события. Второе, противоположное движение в обратную сторону, сворачивающее и сжимающее с течением времени, которое позволяет сформировать семена будущего. Знать это движение, значит знать будущее. Образно говоря, если мы понимаем, каким образом дерево заключено в семени, мы поймем, каким образом будущее разворачивает это семя в дерево. [2]

Мы можем пояснить это следующим образом: числовая мандала Хо-ту не обладает циклической или линейной формой движения, но представляет собой некую структуру сил или направлений, которые находятся в постоянном равновесии. Она образует статичный образ высокоинтенсивной внутренней активности - это можно сравнить со стрекозой, зависшей в одной-единственной точке, но, всё же обладающей неотъемлемой динамикой, благодаря бесчисленным вибрациям её крылышек. Данный образ требует «вмешательства» (или «взаимопроникновения»), чтобы вызывать в себе циклическое

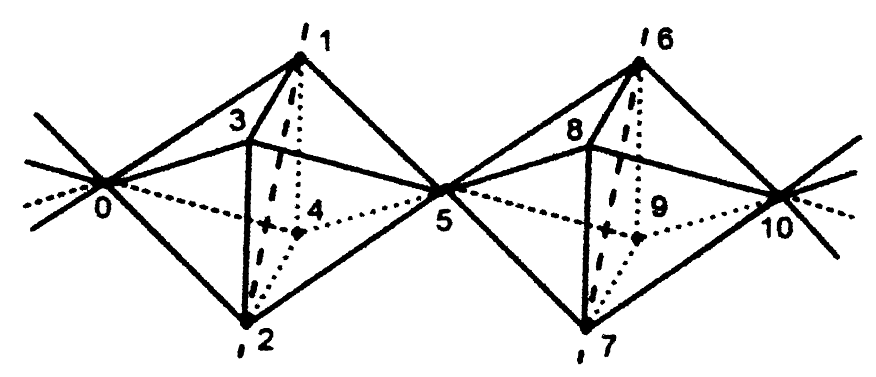
движение. Следовательно, модель мира Хо-ту образует *первичную картину относительно вневременного состояния универсальной согласованности.*

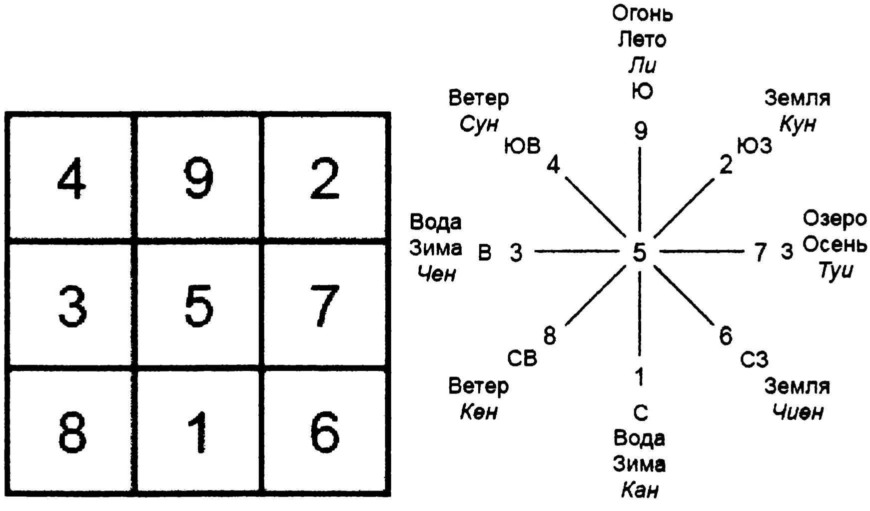
Динамика Хо-Ту [Рисунок автора, согласно Гранэ, Pensée chinoise, © Albin Michel 1936, 1968.]

Если мы последовательно начнём считать её числа, в результате возникнет такая же динамика, какая показана на диаграмме. Связь четырёх внешних точек всегда ведёт к центру, состоящему из чисел 0, 5, 10 и т.д. Если мы спроецируем эту динамику на наклонную плоскость, то получим структуру, показанную на схеме ниже (верхнее изображение). Здесь изображена такая же связка из двойных пирамид, которую Юнг использовал для описания архетипа Самости в своей работе *Эон*.

Если «Преднебесная последовательность» подвергается «взаимопроникновению», то в итоге получается так называемое «расположение Вэнь-вана». Оно формирует вторую последовательность триграмм, на которой основывается книга и известную как «Посленебесная последовательность». Она соответствует квадрату Ло-шу и проявляет себя как - показано ниже (нижнее изображение). Она также называется «Конфигурация имманентности вселенной».

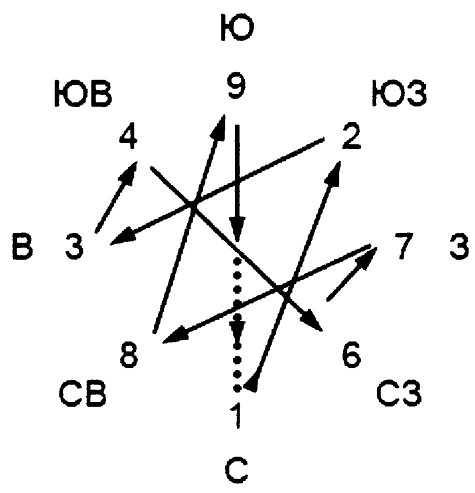

Проекция динамики Хо-ту на наклонную плоскость

[Источник: Гранэ, Pensée chinoise, © Albin Michel 1936, 1968, стр. 149]

«Триграммы» — говорит Вильгельм — «выведены из парных противоположностей и расположены во временной прогрессии - так они проявляют себя в мире феноменов как годовые циклы.»[3] Другими словами, запредельный, вечный порядок «Преднебесья» трансформируется во временной (в Китае время циклично) и, соответственно, претерпевает своеобразные изменения. Его внутренняя динамика разворачивается как показано ниже.

[Источник: Гранэ, Pensée chinoise, © Albin Michel 1936, 1968, стр. 149]

Справа, над осью 4-6, расположена группа женских знаков (*сун, ли, кун, туи*). По другую строну находятся мужские (*чиен, кан, кен,*

чен). Соответственно, эта числовая мандала поляризована парами противоположностей. Помимо этого, в данной модели нечётные числа образуют центральный крест, а четные расположены по углам. Поэтому, разделение на чёт и нечет здесь ещё более выразительно, чем в модели Хо-ту. Таким образом, возникают *неустойчивые ситуации*, которые стимулируют движение всей структуры. (Вспомните сон ученого о шахматах и танце из шестой главы.)

Магический квадрат Ло-шу также был найден и в Северной Африке, где он лежал в основе множества числовых спекуляций. Он считался величайшей тайной. Если в Китае он был отражением вселенского порядка, то исламские народы воспринимали его как божественную энергию Аллаха, которая циркулирует по всему миру и возвращается к нему. Поскольку Аллах представляет собой источник и единство всего сущего, он проявляется в мире посредством чисел магического квадрата.[4]

Китайцы рассматривали две модели мироздания не как противоположные, а как взаимодополняющие друг друга.[5] При объединении числовых эквивалентов двух структур, земля и небо обмениваются своими последовательностями чисел (чётных, нечётных) — эта операция представляла собой взаимообмен атрибутов и носила название *hieros gamos*.[6] Для её осуществления, мы должны взять, к примеру, числовой квадрат Ло-шу:

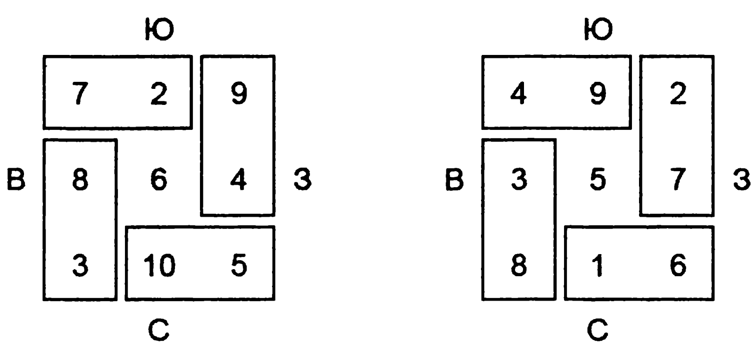
	9				2	
3	5	7	или	8	6	4
	1				10	

[Источник: Гранэ, Pensée chinoise, © Albin Michel 1936, 1968, стр. 166]

Если мы заменим каждое число из левого квадрата тем числом, которое необходимо ему чтобы получилось одиннадцать, число Дао, в результате получится второй квадрат. Более того, когда мы поместим

числа из второго квадрата в углы первого, получатся две свастики. Если мы их соединим, то девять пар чисел суммируются в одиннадцать - число Дао.[7]

Сама по себе форма свастики предполагает, помимо кругового вращения, наклон квадратов в правую сторону. Эти числовые квадраты, также соотносятся с «Пред-» или «Внутренними» небесными порядками.[8]

[Источник: Гранэ, Pensée chinoise, © Albin Michel 1936, 1968, стр. 167]

В свете вышеизложенного, особый интерес представляет одна из предсказательных техник древнего Китая. В ней жрецы использовали две небольшие дощечки — круглую (Ян, «небо) и квадратную (Инь, «земля»). Они вращались вокруг центра (столба), независимо друг от друга. На «земной» табличке изображалась числовая последовательность «имманентного мира Вэнь-Вана», а на другой — «Последовательность Преднебесья». Для ответа на какой-либо вопрос шаман начинал вращать эти таблички в противоположных направлениях. Остановившись, они образовывали числовое взаимоотношение, из которого могут быть символически выведены «случайные» проявления единого целого. Взаимодействие двух дощечек означает *hieros gamos* неба и земли, Ян и Инь, где эти два принципа меняются свойствами.[9] Как показывал Джозеф Нидэм, на основе этой предсказательной техники был изобретён китайский компас.[10]

Объединение двух структур знаменует собой смыкание вечного порядка (идей, небес и т.д.) с реальностью здесь-и-сейчас. Но, когда шаман заставляет дощечки вращаться друг против друга, он вмешивается в событие как участник определённого момента времени.[11] Таким

образом, с точки зрения китайцев, предсказания определяют «поля вероятности», в пределах которых могут проявиться синхронистичные события.[12]

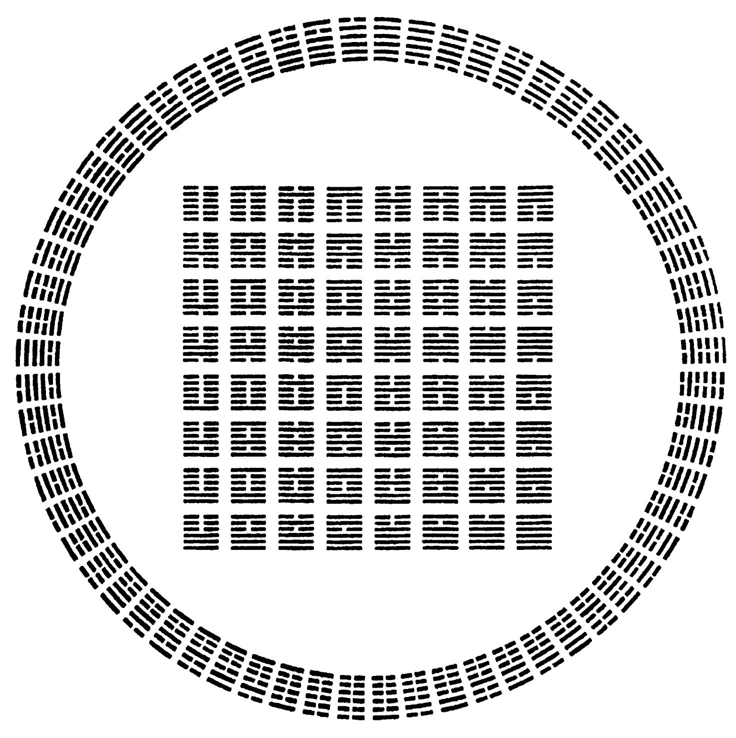

Маги с доской предсказаний (гробница Ву Лян) [Источник: Джозеф Нидэм, Китайская наука и цивилизация (Cambridge, 1959), III, 304, воспроизводится с разрешения Cambridge University Press.]

Китайская небесная дощечка, со своим «Изначальным порядком», прекрасно демонстрирует универсальную вневременную структуру, предположительно иллюстрируя то, что Юнг называл «акаузальной упорядоченностью»[13], где «Структура имманентности » в большей степени имеет дело с фактором времени. Две структуры стремятся дополнять друг друга — одна постоянная, а вторая, по-видимому, заключена во времени. Данный факт отсылает нас к описанию Юнгом пространства архетипов. С одной стороны, архетипы обладают постоянством, они находятся вне времени, с другой — феномены синхронии позволяют им прорываться в обычное время через взаимодействие внутренних и внешних факторов. Само собой, для получения информации о синхронистичных явлениях нельзя использовать один лишь временной фактор, поскольку эти явления представляют собой «творческий акт», который всегда остаётся непредсказуемым. Это лишь модель, которую использовали китайцы для определения характеристик временного состояния, которые, в свою очередь, *характеризовали бы свойства возможных синхронистичных событий*. Из двух структур, первая — это числовой квадрат или массив, где все числа представлены как отдельные объекты, «организованные» в группы по четыре, вторая же

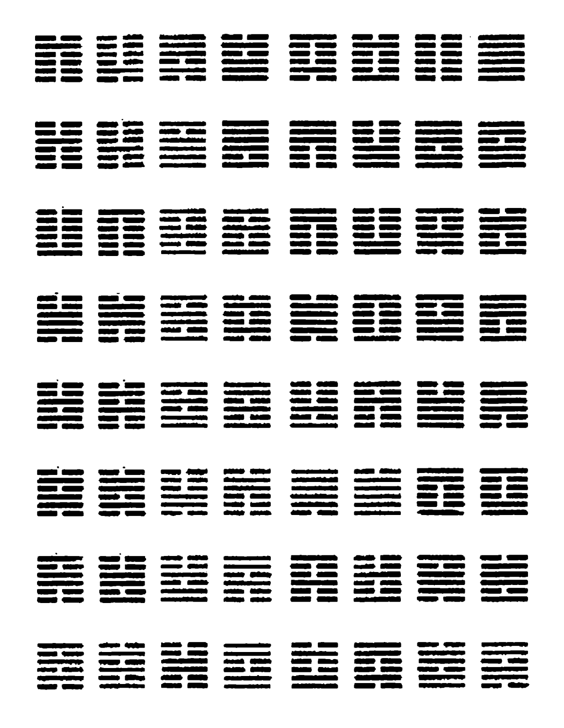
представляет собой числовой массив, где ещё более выражена временная цикличность чисел.

Есть ещё одно значительное отличие между «Изначальным» и «Имманентным» небесным исчислением. Последнее циклически связано со временем, в то время как первое содержит в себе скрытую динамику, описанную в следующем отрывке: « Буря обуславливает движение, ветер - рассеивание, дождь - сырость, солнце - тепло.»[14] (Здесь даётся описание образов четырёх сил природы — их воздействие носит название «восходящих линий» в соответствии с производимым эффектом.) Текст продолжает: «Покой обуславливает бездействие, радость — удовольствие, созидательность — правление, восприимчивость — защиту.» По словам Вильгельма, этот отрывок описывает *ретроградное* движение.[15] Во время этого движения вступают в действие силы предстоящего года. Прогнозирование в данном ключе, утверждает Вильгельм, полагается на знание будущего, которое заранее обусловлено причинами (т.е. зернами), формирующимися путём сжатия.[16] Данное «ретроградное» движение аналогично ретроградному счислению, которое, как я уже упоминала, обуславливают квалитативные структуры чисел.

Расположение Фу-Си [Источник: И. Ольсвангер, Fu Shi: The Sage of Ancient China (Иерусалим, 1948), стр. 5., воспроизводится с разрешения Massada Press Ltd. и семьи доктора Ольсвангера]

Двойная модель вселенной (состоящая из внутренне-временной (Вэнь-Вана) и вневременной (Фу-Си) структур) не ограничивается одним лишь Китаем — вневременная структура проявляется через двойное ритмичное взаимодействие *четырёх* физических и *четырёх* психических факторов. Очевидно, внутренне-временная структура больше относится к конкретной реальности, а вневременная представляет собой попытку представить всё психологические и физическое бытие в целом, *unus mundus*, через противоположные временные движения и внутренние ритмы. Последняя напоминает о различении Юнгом между вневременной акаузальностью, обнаруживаемой в принципе физической дискретности и априорных свойствах понятия числа в психике.

Расположение Вэнь-Вана [Источник: И. Ольсвангер, Fu Shi: The Sage of Ancient China (Иерусалим, 1948), стр. 6., воспроизводится с разрешения Massada Press Ltd. и семьи доктора Ольсвангера]

Иначе говоря, в Китае число, как и звёзды, являлось «произвольным указателем времени», с помощью него можно было узнать «волю небес». И арифметика представляла собой искусство работы с этим числом для предсказания будущего, т.е. вероятности или «спектра возможностей» касательно свойств синхронистических событий. Это стало возможным благодаря тому, что числа всегда знаменовали собой всю полноту универсума, оттенки которого качественно проявляют себя во времени.

Тот факт, что предсказания, основанные на принципе синхронии, производились, главным образом, с помощью двойных мандал, может быть причиной дуалистических мотивов во снах современных людей. А это, в свою очередь, вполне может привести нас к идее *unus mundus* — изначального единства всего сущего, которое проявляет себя в явлениях синхронии.

Последнее является парапсихологическим и, как следствие, пороговым феноменом. Общеизвестный факт, что подобные события имеют место в жизни индивида, когда энергия распределяется между сознанием и бессознательным или, говоря другими словами, когда архетипическое содержимое находится в состоянии напряжения. В пятой главе я описывала, как это содержимое проявляется на пороге сознания через мотивы двойственности. При этом, оно является одновременно и вечным, и временным. Соответственно, относительно времени, оно обладает двойственной природой. В своих работах по синхронии, Юнг приводит несколько снов, обладающих данным феноменом: в одном из них женщина находит скальные пласты с изображенными на них черными квадратами, настолько четкими, что возникает впечатление, что они были нарисованы человеком. В двух других - мужчина тоже подходит к скале и видит барельеф с высеченными человеческими головами, а рядом — каменные колонны с такими же головами на капителях. Кроме того, они были расположены в таких местах, что никак не могли быть делом рук человека. Юнг комментирует это следующим образом: «В этих снах описывается не просто *lusus naturae* (игра природы (лат.) — прим. перев.), но особое совпадение между исключительно природным содержанием и человеческой идеей ... при видимой независимости одного от другого». В ещё одном сне, упоминаемом Юнгом, сновидец долго ищет и наконец находит существо в сибирской тундре:

> То был петух, чуть больше обычного, сделанный из чего-то, что выглядело как тонкое бесцветное стекло. Но он был живой и случайно возник из микроскопического одноклеточного организма, который обладал способностью превращаться в любое животное (в том числе и в то, которое обычно в тундре не встречается) или даже в предметы человеческого по-

требления самых разных размеров. В следующее мгновение все эти случайные формы исчезли без следа.[17]

Сны подобного рода, вероятно, являются показателем того, что *в природе существует формирующий принцип, способный объединять структуры*, которые обычно не объединяются *в цельные архетипические образы*. Данный «формирующий принцип», по словам Юнга, проливает свет на принцип синхронии. Само слово «coincidence» («совпадение» (англ.) — прим. перев.) предполагает, что два разных элемента, которые обычно не встречаются друг с другом, внезапно «воплощаются» вместе. В данном случае, это психическое представление и одно или несколько физических событий. В этом смысле, синхронии — это спонтанные двойные проявления изначального единства, и данный аспект наделяет их нуминозным значением. Другими словами, для синхронии необходимо, чтобы две принципиально различные структуры универсума обладали эпизодической взаимосвязью, которая бы проявляла некоторые аспекты Единого. Именно по этой причине термин *unus mundus*, в большей степени, относится к единству всего сущего, в то время как воспринимаемые аспекты реальности заставляют нас принять двойственность психики и материи, наблюдателя и объекта. Совпадение двух сфер в рамках феномена синхронии — единственное *эмпирическое* доказательство единства существования, доступное нам на сегодняшний день. Поэтому, бессознательное использует символ двойственности, как образ *эмпирической* манифестации *unus mundus*.

Математик Альберт Лаутман недавно предположил подобное единство двойственности по отношению к понятию времени.[18] Он различает геометрическое время, используемое для демонстрации необратимости физических процессов и время, определяющее динамические характеристики объектов, которое он называет «космогоническим». Оно дискретно (в отличии от временного вектора) и обладает свойствами поля. Для Лаутмана, оба этих временных аспекта, также, находят свою реализацию в сфере математики. Помимо этого, он называет их «параметрическое» и «протяженное» время.

Последнее он понимает как поле, в котором происходят «des accidents topologiques» (»топологии случайностей»(фр.) — прим. перев.).[19] Я не согласна с его односторонней категоричностью, которая относит непрерывность к параметрическому времени, а дискретность — к протяженному. На мой взгляд, оба временных аспекта обладают и дискретностью, и непрерывностью. Тем не менее, я согласна с ним в том, что время необходимо описывать с помощью двойной модели (в которой есть необратимое линейное время и временное «поле», в пределах которого производятся какие-либо действия), чтобы охватить всю многозначность времени. И я считаю, что данная модель связана с натуральными числами.

Вплоть до недавних пор, на Западе, число интуитивно связывалось с принципом времени. К примеру, упоминаемый Людвиг фон Эккартсгаузен придавал особое значение тому факту, что универсальная сила, которая олицетворяет собой единство всего сущего и пребывает «в согласии с потоком времени», проявляется в «его» числовой прогрессии. [20] Соответственно, в его понимании, свойства натуральных чисел связаны со временем. Данная идея фон Эккартсгаузена отсылает нас к античности. Аристотель пришел к определению времени как фактору, «определяющему движение, поскольку это число» или, другими словами, «время, как число, знаменует собой движение»[21] Фома Аквинский просто называл время « numerus movens» («движением чисел»(лат.) — прим. перев.). Вслед за ними, Иммануил Кант, также, подчеркивал тесную взаимосвязь числа и времени.

Несмотря на то, что такие определения были слишком неточны для современных воззрений, дискуссии вокруг отношения числа ко времени всё ещё продолжались. Классическая физика обычно выражала время параметрами, сопоставимыми с пространственными координатами. Хотя Ньютон всё ещё воспринимал время как независимое, непрерывно протекающее измерение *sui genesis* («неповторимое» (лат.) — *прим. перев.*), сейчас эта гипотеза считается устаревшей. Вместо этого, моменты времени характеризуются через отношения, как «классы событий, определяемые понятием одновременности».[23] Данная

идея отсылает нас к Лейбницу. С его точки зрения, вещи и события не могут существовать ни в каком другом времени или месте, кроме того, в котором они существуют. Если бы они и могли существовать где-то ещё, то это нельзя было бы определить с актуальной позиции, поскольку «то, что нельзя различить — идентично». Одно не может различить две вещи *sole numero*. Таким образом, «пространство — это организованное сосуществование и время — порядок последовательности феноменов». [24] Очевидно, это относится ко всем феноменам во вселенной. Данный взгляд, само собой, полностью игнорирует проблему *измеримости времени*. (Д. Д. Уитроу провёл замечательное исследование различных воззрений на отношение числа ко времени в своей книге *Естественная философия времени*.)

До недавних пор, время почти всегда исследовали с помощью пространственных аналогий,[25] но сейчас предпринимаются попытки определить его через движение атомов[26], поскольку это даёт более точные результаты, в отличии от движения небесных тел. Согласно данному методу, энергетические колебания атомов остаются постоянными. Это утверждение привело к общепринятой гипотезе, что *вселенная обладает единым фундаментальным ритмом*, на котором, возможно, основывается всё наше понимание физического времени.[27] По словам Эддингтона, наше восприятие времени основано на цикличности квантовой структуры, и, спроецированная на четыре измерения, цикличность принимает форму кристаллической решётки во времени.[28] Однако цикличность есть не что иное - как ритм.

Этот современный взгляд имеет и биологическое обоснование — недавно было обнаружено, что все высшие организмы имеют одни или несколько внутренних «часов», которые относительно независимы от окружения и действуют подобно электромагнитному осциллятору. Эти часы, скорее всего, расположены в каждой клетке и представляют собой физиологическую основу нашего чувства времени.[29]

Интроспективное наблюдение за потоком мыслей приводит к аналогичным результатам. Например, Э.Р. Клей пришёл к заключению, что мы не можем разделить идею настоящего времени на произвольные

отделы — момент, переживаемый в настоящее время, обладает своими собственными характеристиками и собственной продолжительностью. Клей называет его «обманчивое» или «ментальное» настоящее.[30] По выражению Уитроу, «ментальное настоящее» возникает из своего рода «объединенного представления». В результате, субъективно переживаемое время может быть дифференцированно лишь до определённой степени. Поль Фресс заходит ещё дальше, утверждая, что мы не воспринимаем время вне зависимости от событий, *но чувствуем ритмы и последовательности. Согласно этой точке зрения, не время является основой ритмов, но ритмы лежат в основе времени.*[31]

Как объясняет Уитроу, в настоящий момент существуют две противоположные точки зрения на идею времени. Одна из них кантианская — время как априорная категория разума, другая — основанная на идеях Пьера Жане, где время есть интеллектуальный конструкт.[32] Согласно Уитроу, в таком интеллектуальном конструкте заложена идея последовательности и её отношение к одновременному осознанию различных «фаз восприятия» — соответственно, здесь присутствуют и одновременность, и последовательность.[33]

«Связанные» проявления настоящего момента совпадают друг с другом и, таким образом, формируют своеобразную однородность. Уитроу называет это «неким объединенным представлением», хотя и не может объяснить суть этого процесса.[34] Именно здесь наши психологические исследования могут внести свой вклад, указав на то, что эти «объединенные представления» вызваны архетипами. Поскольку архетипы также объединяются в коллективном бессознательном, или, оставаясь разделенными, влияют друг на друга (как показал Юнг). Эти двойственные представления или «связанные» мгновения здесь-и-сейчас формируются на границе сознания, отпечатываясь в глубинной, интуитивной идее континуума.[35]

Хоть мы обычно и связываем понятие времени с нашим дискурсивным мышлением, рассматривая его как линейную последовательность чётко разделённых актов внимания, время, с точки зрения Уитроу, сопоставляется не столько с постоянством геометрической линии,

сколько с простейшим фундаментальным ритмом числового ряда.[36] Неслучайно греческое слово *arithmos*, «число», этимологически соответствует слову *rhythmos*, «ритм».[37]

Исходя из этих соображений, Уитроу пытался дать времени математическое определение, которое связывало бы его (в количественном смысле, конечно же) с натуральными числами.[38] Но, тем самым, он разработал концепцию, которую сам же называл «не способной привести к ... континууму, принятому в физике.»[39] Несмотря на то, что он вводит понятие временного ряда, оно лишено закономерности. В результате, как замечает Уитроу, «взаимосвязь отдельных моментов с отдельными числами остаётся обобщённой».[40] Я добавлю к этой критике то, что, в данном случае, между моментами времени и числами не возникает никакой связи. На мой взгляд, в данном случае мы имеем обобщённый изоморфизм числа и времени. То же верно и для современной идеи каузальности, применяемой по отношению ко времени.[41] Поскольку теория вероятности, со своим причинно-следственным подходом, тоже основана на алгебраической (а значит сугубо обобщённой) точке зрения на число. Ещё одним недостатком современного математического подхода к понятию числа является невозможность прослеживать временные соответствия на больших расстояниях.[42] Данный факт делает современную теорию ещё более неопределённой.

Более того, квантовая механика доказала, что прошлое какой-либо системы не всегда определяет её будущее, а лишь спектр возможных состояний. Как подчеркивает Уитроу,

> ...имеется глубокая связь между реальностью времени и существованием невычислимого элемента во вселенной. ... Факт перехода и «становления» вынуждает нас признать существование элемента индетерминизма и неустранимой случайности во вселенной. Будущее скрыто от нас — не в настоящем, а в будущем. *Время — это посредник между возможным и действительным*.[43]

Но как оно может быть этим посредником, не будучи при этом связано с качественным и динамическим аспектом? Здесь было бы лучше

предположить, что время в большей степени изоморфно по отношению ко всеобщему континууму с его качественно-определёнными числами, чем к числам в их количественном смысле. В данном ключе, ритм заложен в основе качественного и количественного аспектов проявления числа. В количественном смысле, оно проявляется как присущий колебаниям элемент повторения, в качественном же — как форма и содержание числовых ритмов, встречающихся в природе. «Для мудреца», как говорится в древнем трактате «И цзин», «время означает лишь то, что ступени становления в нём образуют четкую последовательность.» Под ступенями здесь имеются ввиду триграммы (т.е. числа).[44]

Такая точка зрения проливает свет на то, почему, согласно Юнгу, архетипы проявляются в синхронии и как «акты творения во времени», и как «вечное осуществление одного-единственного акта». Поток времени, выраженный в числах, создаёт ощущение временности, а «связная» структура создаёт постоянство смысла.[45] Подобно тому, как количественный аспект чисел изоморфен по отношению к линейному времени, так и качественный аспект числа (в силу своей обратной взаимосвязи с единым континуумом) образует изоморфизм с вечным, изначальным единством и его синхронными проявлениями.[46]

Как уже упоминалось, в основе отношений числа и времени лежит энергия. Эта фундаментальная связь число-энергия-время была также проиллюстрирована Жаном Пиаже в демонстрации чувства «vitesse-mouvement» («быстроты движения»(фр.) — прим. перев.) циклической «vitesse-frequence» («быстроты повторения»(фр.) — прим.перев.) у детей ещё до того, как они разовьют в себе более абстрактное чувство времени.[47]

Первичность энергии (относительно времени) станет ещё более очевидна, когда мы взглянем на идею времени с исторической точки зрения. Хорошо известен тот факт, что архетипические персонификации времени в различных религиях представлялись богами, действующими, главным образом, как символы психической энергии. Например, в Бхагавадгите бог Кришна явился Арджуне в образе извозчика (Васудевы) и раскрыл ему свою божественную роль создателя и

разрушителя вселенной со словами: «Знай, что Я есть Время, что разрушит мир, когда наступит час.» Древние арии почитали Варуну как своё верховное божество, часто отождествляя его с Ямой, богом смерти, хранителем *риты* — универсального закона вселенной.[48] Постепенно вытесненный Рудрой и Брахманом, Варуна сохранил свою связь со временем, потому как «время «готовит» все вещи, воистину, это великое Я.» «Тот, кто знает время приготовления, он мастер Вед.»[49] Бог Шива также был наделён титулом Махакала («великое время») или Кала Рудра («всепожирающее время»). По словам Генриха Циммера, он символизировал энергию вселенной в формах созидания, сохранения и разрушения.[50] Позже, образ Шивы был включен в другой образ — богини Кали (женский род от слова *kāla*, «время»),[51] представляющей активную энергию (*шакти*). Герман Гюнтер не без причины этимологически приравнивал *kāla* к греческому *kairoo*, означающему «соединять нити вместе».[52] В этом смысле, *kairos* означает «правильный порядок» во времени. Стоит ещё вскользь упомянуть, что связь *kairos* с богинями, ткущими время, приводит нас к идее «поля», в котором «значимые связи» переплетаются, как нити полотна.

Одно из древнейших божеств древнего Ирана — Зерван, который позже разделился на Ормузда и Аримана или на «Зервана вечного» (*akarana*) и «Зервана, который долго следовал своим законам» (*duregho-ehrodhāta*).[53] Позже, в митраизме, его вторая форма всё чаще приравнивалась к принципу зла, Аримана.[54] Она означала время как управителя судьбы, несущего старость, болезни и смерть. С другой стороны, «Зерван вечный» символизирует вечную суть вещей, заложенную в основе всего сущего. Это приводит нас к митраистскому богу Эону, который, предположительно, уходит корнями к древнеперсидскому Зервану.[55] Его часто изображали с головой льва, обвитым змеем и в окружении знаков зодиака (иногда, вместо этого, они были выгравированы прямо на его теле). Как и бог Фанет в орфическом мистицизме, он символизировал вечность созидающего принципа.[56] Основное свойство Эона — это тождественность, космос как порядок и время как трансформация. О подобной триаде упоминает и философ

Ферекид: «Зевс был всегда, и Хронос, и Хтония; из его семени Хронос создал огонь, ветер и воду. *Он есть время.*»

Митраистский бог Эон [Фото William Bandieri, воспроизводится с разрешения Museum of Modena]

Ещё одним божеством, персонифицирующим время в поздней античности, был гностический демон Иалдабаоф, с телом змея и головой льва. Он являлся Демиургом, который создал несовершенный, тленный (в силу наличия времени) мир.[57] Культ Кроноса (который позже рассматривался как идентичный Хроносу, богу времени) был тесно связан с Сераписом и получил широкое распространение в египетском синкретизме. У Кроноса было три головы: средняя, львиная, голова символизировала настоящее; левая, волчья — всепожирающее прошлое; и правая, голова «ласкового пса», означала собой будущее. [58] Согласно Плутарху, этот позднеегипетский образ Кроноса также

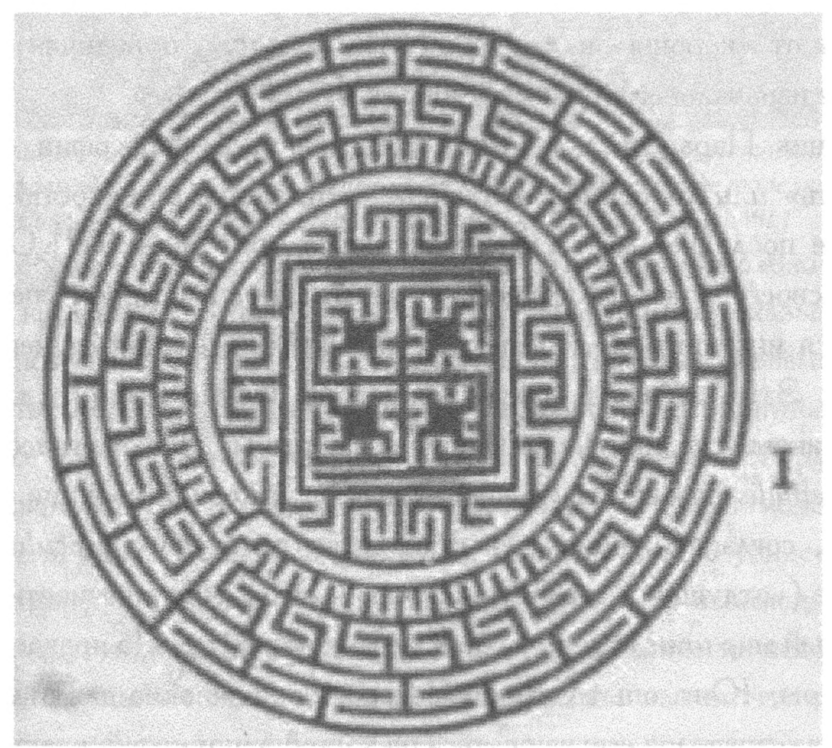
идентифицировался с богом-шакалом подземного мира Анубисом.[59] С другой стороны, в Риме Эон приравнивался к двуликому Янусу,[60] а в *Герметическом корпусе* этот бог был окончательно признан Демиургом, создавшим вселенную, время (*Хронос*) и становление (*Бытие*).[61] У древних Майя время часто считалось «принесённым» богом: например, в одном тексте описывается бог Девять, несущий на спине ястреба, *cuch* («ноша» (майя) — прим. перев.). В результате игры слов, *cuch* означает круг в четыре сотни лет и, в итоге, получается ноша длительностью в три тысячи шестьсот лет.[62]

Майянское пространство-время в три тысячи шестьсот лет [Источник: W. Cordan, Das Buch des Rates (Йена, 1962), стр. 227, воспроизводитсяс разрешения Eugen Diederichs Verlag.]

Уже этих примеров вполне достаточно, чтобы продемонстрировать архетипический образ бога как созидательной энергии, лежащей в основе множества представлений о времени. Говоря психологическим языком, этот бог есть персонификация *психической энергии со всеми её разнообразными, инстинктивными, образо-порождающими, духовно-созидательными силами, которые охватывают все психические процессы*.[63] Поскольку, с точки зрения числовой периодичности, психическая энергия предположительно изоморфна по отношению к физической, эта тесная связь свидетельствует о сходстве

между областью чисел и коллективным бессознательным. Хорошей иллюстрацией динамических и циклических временных структур служат древнекитайские огненные часы. В этих часах горючий порошок рассыпали по лабиринту и поджигали с одного конца. Временные промежутки отмечались по ходу горения этого своеобразного фитиля, а сам лабиринт образовывал мандалу (см. рис.). Такие часы представляли собой относительно замкнутую систему, где временной интервал заканчивался одновременно с энергетическим процессом.[64] То есть, здесь «время» представлено как активность в рамках определённой структуры. Контакт человека с этой системой проходил через небольшую прореху в окружности (I).

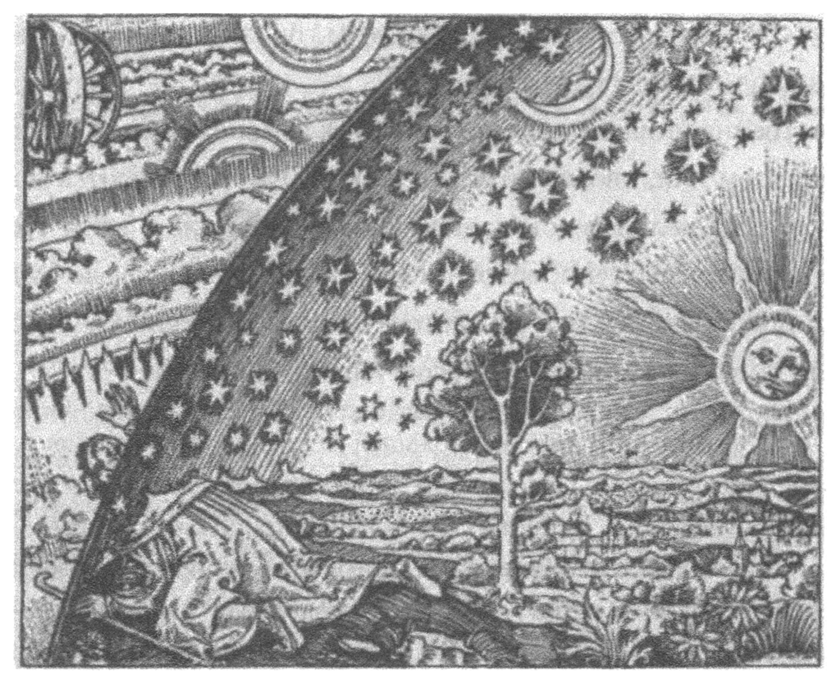
Китайские благовонные часы [Источник: J. T. Fraser, ed., The Voices of Time: A Cooperative Survey of Man's Views of Time as Expressed by the Sciences and by the Humanities (Нью-Йорк: Braziller, 1966), стр. 383, воспроизводится с разрешения J. T. Fraser.]

Эта «брешь» в мандале огненных часов знаменует собой ту точку, где человек устанавливает связь со временем,[65] и где он (со всей совокупностью возможных, но неизвестных состояний, в которых он

оказался) может оказывать на него воздействие. Бессознательные влияния очень легко могут заставить неправильно завести часы, или вообще забыть о них. Здесь время имеет «дыру», где оно начинается и заканчивается. Эта самая дыра в пространственно-временном континууме фигурирует как архетипический мотив в различных контекстах. *Fenestra aeternitatis* (»окно в бесконечность») играло важнейшую роль в западной алхимии. В Средние века Деву Марию почитали как «окно просвещения» или «окно спасения» (от мира),[66] а в алхимии такие же свойства придавались философскому камню.[67] *Mysterium fenestrae* («тайное окно»(лат.) —прим. перев.) также находит своё место в каббале, где оно символизирует свет, соединяющий *сефиры* от «короны» к «мудрости» и «разуму», объединяя эти три *сефиры* изначальным, божественным светом.[68]

Ученик Парацельса, Герхард Дорн, в чьей философии «окно в вечность» *или spiraculum aeternitatis* («отдушина в вечность») занимало не последнее место, очень проникся этой идеей.[69] Он советовал, своего рода, алхимическую медитацию, в которой сперва подавлялся инстинктивный аспект тела, путём отделения от него души и духа. Затем, душа и дух объединялись в *unio mentalis* для того, чтобы вновь соединиться с очищенным телом. Психологически, это *unio mentalis* соответствует выстраиванию духовной позиции. В этом смысле, согласно Дорну, дух становится для души *spiraculum vitae aeternae* («отдушиной в вечную жизнь»). Это «окно в вечность», т.е. в сокрытый мир *unus mundus* в божественном разуме. По правде говоря, как открыл Юнг, опыт Самости открывает такое окно для отдельного индивида, позволяя ему вырваться из когтей одномерной жизни. Через него человек соприкасается с вечностью в самом себе и, в то же время, позволяет вечности проникнуть в бренный мир в форме синхроний.

На картине ниже духовный странник оставляет привычное пространство-время позади и смотрит сквозь «окно» в вечный мир, в коллективное бессознательное. Обратите внимание на двойное колесо — отсылка к видению Иезекиля.

Брешь в вечность: духовный странник открывает иной мир [Источник: Ксилогравюра XIX в. (?), воспроизведено К. Г. Юнг, «Летающие тарелки: Современный миф,» Civilization in Transition, CW, Vol. X, plate VII.]

Этот образ двойного колеса ставит перед нами одну из сложнейших проблем, касательно двойных (вечных и временных) мандал: оказываются ли две системы, в любом случае, «связаны»? Другими словами, есть ли вероятность того, что синхронии будут возникать *постоянно*? Само собой, все мандалы (как временные, так и безвременные) содержат в себе упорядоченную структуру, но способ, которым они взаимодействуют друг с другом, остаётся непонятным. (Это же можно увидеть и на иллюстрации). Например, если это колеса, то они не взаимодействуют друг с другом, но *смыкаются центрами*, что технически невозможно. *Две системы несопоставимы*. Можно сделать вывод, что контакт между ними возникает лишь в результате спонтанного воздействия из общего центра. Это согласуется с эмпирическим фактом, что синхронии, насколько мы можем судить, происходят нерегулярно.

Играя с божественной мандалой, человек, *своими* бессознательными действиями, провоцирует контакт. В конечном итоге, эти воздействия остаются неизвестными и не могут никак регулироваться. Разумеется, существует некий постоянный порядок, но проявится ли он в синхронии

или нет — это остается непредсказуемым. Можно предсказать только *свойства возможных* событий.

Таинственная точка, где соприкасаются две системы является, скорее всего, центром или, своего рода, стержнем, где встречаются психика и материя. Когда человек вступает во взаимодействие с этим стержнем, он обнаруживает себя в пространстве «чудес», которые, по-видимому, не могли бы произойти без соответствующего движения в его сторону. По этому поводу китайский философ Мо- цзы сказал:

> Он не просто обладает наибольшей искренностью ... позволяя своей природе проявиться во всей полноте ... но точно так же может поступить и с другим человеком ... а также с внутренней природой животных и вещей. ... Он может поддерживать силы, питающие и преображающие Небо и Землю. ... Не случайно подобная предельная искренность обладает свойством предвиденья. ... Обе добродетели (достоинство и целомудрие) принадлежат природе, и именно *таким* образом происходит объединение внутреннего и внешнего. .. Пути Неба и Земли можно ... выразить в одном предложении. ... *Они лишены всякой двойственности и, потому, создают вещи непостижимым образом.*[70]

Когда образуется такая констелляция и вечность мгновенно проникает в нашу ограниченную временем систему, изначальное единство активно себя проявляет и, временно, если можно так выразиться, объединяет двойные структуры в одно. Таким образом, *unus mundus* проявляется в феномене синхронии. Но поток событий сразу же возвращает обычное течение времени и вечный порядок, снова, становится скрытым. Вот почему можно описать «характеризующие поля» в основе синхроний[71], а не сами эти события «как есть». Они возникают как спонтанные проявления бессознательного, объективного психического, которое Юнг называл *духовный* аспект бессознательного.

Глава 14
Unus Mundus как мир духа и «духов»

Поскольку, следуя гипотезе Юнга (которую мы обсуждали в 12 главе), мы не ощущаем дух как часть нас самих, он пребывает в своём изначальном состоянии «'эфемерного присутствия». По этой причине, примитивные народы часто персонифицировали его и приравнивали к духам мертвых. До сих пор остаётся неясным вопрос — действительно ли появление «духов мертвых» относится к персонификациям бессознательного или же это и есть сами мертвые. Здесь я воздержусь от комментариев. Ниже мы будем говорить только об отношении числа к этим явлениям, которые проявляются как «духи» во снах и виденях.

Поскольку число представляет собой примитивное выражение «духа» в человеке, будет закономерно рассмотреть взаимосвязь данных феноменов в исторической перспективе. Например, среди философских и религиозных воззрений западноафриканских племён можно найти любопытные соответствия между миром мертвых и числовым оракулом. Европейская и исламская геомантия использовала свои техники исключительно в магических целях, не стремясь создать более глубокую философию, подобно оракулу «И цзин». Африканская же (вероятно, под северо-мусульманским влиянием), напротив, заключала в себе глубокие мистические и интеллектуальные толкования, распространенные среди племён Фон, Мина Того и Йоруба. Более того, западноафриканские лекари разработали толкование геомантии с указанием на *unus mundus*. Приведённые ниже факты взяты из книги Бернара Мопуаля, *La Géomancie a l'ancienne Côte des Esclaves*, где излагаются предсказательные практики, которые живы по сей день, но находятся на грани исчезновения. В основном, они исследовались в городах Абомей и Порто-Ново.

Согласно племени Фон, в основе геомантии лежит предсказательный принцип Фа (Ифа у Йоруба и Афа у Мина Того), который не является

вуду, божеством или демоном. Поскольку он не вводит в одержимое или трансовое состояние, а только творит благую магию, избегая тёмных аспектов. Он не обладает коллективным культом, предпочитая раскрывать правду «каждому индивидуально». Согласно легенде, Фа пришёл из таинственной страны под названием Ифе — она находится там, где восходит солнце и *куда уходят мёртвые*. Там они находят правду и Фа, как бог правды, «раскрывает секрет жизни только тем, кто уже умер».[2] В Ифе это божество также обучило геомантии первых предсказателей, вырастив масличную пальму с шестнадцатью ветвями. Вокруг её ствола было расположено шестнадцать отверстий, в каждое из которых упало по финику, что соотносится с шестнадцатью знаками геомантии.[3] Финики этого удивительного дерева имеют по шесть глаз (здесь на ум приходят шесть линий гексаграммы И Цзин). Финики (вместо точек) используются в геомантическом оракуле по сей день. Бог Фа в Ифе исцеляет все болезни: «когда Бог создавал мир, он сотворил добро и зло и скрыл зло за добром. Это произошло не по воле человека, но по воле Бога.»[4]

Каждый живущий обладает невидимой душой (ye), но не понимает её значения. «Потому всякий ищущий тайну своей жизни обращается к Фа. Он взывает к этому единственному принципу (*ye*), который способен раскрыть правду о большей жизни.»[5] Имя «Фа» уходит корнями в свежесть воды, воздуха, а также к *refrigerium* («облегчение» (лат.) — прим. перев.) в смысле обнаружения внутреннего покоя.[6] Фа — «король земной жизни», король масличной пальмы и посланник Бога. Его изречения всегда беспристрастны и он никогда не обманывает. Он видит всё, в том числе самые сокровенные мысли. Любая трудность, неважно насколько она серьёзная («горячая»), разрешается при контакте с Фа — она становится «легкой» и «охлажденной». Фа озаряет всех людей и, ничего не скрывая, «протягивает открытые руки». Старый мудрый лекарь говорил о нём: «Все колдуны напыщенно вещают о Фа, но я, хоть я и *bokono* (маг), не могу себе этого позволить. Только чудотворная природа, создавшая Фа, имеет право говорить о нём.»[7] Фа сообщает каждому человеку его сугубо

индивидуальную информацию, независимо от человеческих суждений и законов. Правильно понять его послание через оракул может только сам вопрошающий. Это *не* сила природы, а, скорее, олицетворение божественной заботы. Не будучи человеком, он не обладает слепой страстью вуду. Иногда он проявляется во сне как мягкая, бескостная человеческая фигура красного или черного цвета. У него четыре глаза — по два спереди и сзади, две руки, две ноги, но он с трудом открывает рот. Его описывают следующими эпитетами: «Твердый как камень», «Ищущий и видящий», «Тот, кто может заглянуть в любое сердце», «Повелитель жизни», «Тот, кто передаёт послания мёртвых», «Солнце восходит, и стена становится красной» (это означает, что Фа разливает свет потобно восходящему солнцу) или «Брешь, зовущая в Запредельное» (*fenestra aeternitatis!*). В молитвах к Фа призываются птицы и дикие животные, «что блуждают по ту сторону ночи и говорят на человеческом языке». «Это те, кто изымает *число* у тех, кому суждено умереть и отдаёт его тем, кто должен (скоро) родиться.»[8] Именно с помощью числа эти «целительные животные» Фа обладают властью над живыми.

Данные примеры призваны показать, что Фа, с психологической точки зрения, есть символ Самости и «абсолютного знания». Он стоит над всеми духами вуду и, по сути, более дружелюбен к человеку чем сам Бог, создавший зло. Этим он напоминает европейскую идею Sapientia Dei (Мудрости), описанную в Ветхозаветных апокрифах как *φιλανθρωπος*. Здесь Sapientia иногда смягчает божий гнев, направленный против людей.[9] Таким образом, Фа представляет тот аспект богообраза в бессознательном, который призывает человека к большему осознанию и, соответственно, представляет ту сторону Самости, которая активизирует и поддерживает развитие осознанности в индивидууме. Именно этот созидательный аспект бессознательного связан с числовым предсказанием. Потому как число является средством обобщения, благодаря чему духовный аспект бессознательного может создавать порядок и осмысленные воплощения в нашем сознании.

Этот аспект Самости, тем не менее, не включает в себя коллективное бессознательное *во всей своей полноте*. Которое, безусловно, является также источником хаоса и разрушительных страстей. Именно поэтому, с точки зрения западно-африканских племён, существует более могущественное и тёмное божество, Гбааду, которое иногда описывают как «′жену Фа» или «вуду Фа».[10] Гбааду означал «сосуд существования» и изображался в виде лежащих друг на друге сосудов, что символизировало изначальное состояние мира, когда первые бог и богиня всё ещё находились вплотную друг над другом. Гбааду алчет крови, он дарует и забирает жизнь. Он олицетворяет наиболее могущественную магию и «наивысшую степень самопознания, которую способен достичь человек». [11] По словам Маупоил: «Гбааду - самый страшный дух вуду, потому как обладает самыми сокровенным тайнами Фа.»[12] В некоторой степени, он является отражением более всеобъемлющего символа *unus mundus*, чем Фа, потому что он охватывет всё бытие, включая наиболее темные, смертоносные и хаотичные его проявления. Фа, как дух правды - более «филантропичный» символ Самости. Гбааду же, представляет собой непостижимую тайну, лежащую за пределами Фа. В то время как Фа можно описать как грань Самости, связанную с жизнью человека, Гбааду представляет собой тайну за пределами земной реальности, которую нельзя постичь при жизни, но только в смерти.

Гбааду соответствует алхимическому Меркурию, который считался персонификацией *unus mundus*, «изначальное, недифференцированное единство существования ... первозданное бессознательное.»[13] Более того, у Йоруба слово «единица», *okan*, также означает и «дух». [14] Этот «дух» объединяет в себе противоположности посредством *иерогамии*, точно так же, как и символ двух сосудов в случае с Гбааду. В античных мистериях подобным образом осмысливалось единство брака и смерти, рождения и вечного возрождения жизни вне смерти. [15] Согласно некоторым алхимическим воззрениям, жизнь человека, которая пришла к своему единству, должна, в конечном счёте, соединиться с меркурианским духом[16], «не с многообразием явлений, а со

скрытым основанием эмпирического мира, подобно тому, как Самость есть основа и источник индивидуальности, прошлого, настоящего и будущего.»[17] Это соотносится с восточной идеей о сходстве между личным и безличным *атманом*.[18]

Подобным образом алхимики надеялись найти в опыте смерти последний шаг в достижении единства, священного брака противоположностей. В некотором смысле, данный опыт прекрасно воспет в древнем алхимическом тексте, который, вероятно, связан с египетской литургией по мертвым. В нём *unus mundus* изображается как трансцедентный опыт целостности, который может быть достигнут только в таинстве воскрешения после смерти. В нём говорится: «Затем, душа взывает к телу: 'Вознесись из Гадеса, восстань из могилы, пробудись из тьмы. Облачись в духовность и благочестие.'» Здесь пневма, душа и тело становятся «Единым, в ком сокрыто таинство.» Единый — это изваяние из огня, он объединяет дух, душу и тело и содержит в себе все четыре элемента.

> Посему, возникает *единая* природа, которая побеждает все природы, и это Единое, что покоряет каждую природу, будь то огонь или влага и трансмутирует всё их естество. И вот, я говорю вам, что тогда произойдёт: оно станет смертельным *фармаконом*, обвивающим тело. И, поскольку оно вошло в отдельное тело, оно, тем самым, смертельно пронзило и другие тела. Этот *фармакон*, беспрепятственно пронзивший каждое тело, даёт о себе знать в гниении и тепле.[19]

Этот смертоносный аспект Самости, если я правильно понимаю, возникает, когда Единое (Самость) приобретает новое, подходящее, идеальное тело, а именно - таинственно возрожденное тело. Затем оно разрушает прежнее тело и пронзает все остальные. Переводя на современный язык психологии это, скорее всего, значит следующее: когда Самость, находясь внутри земного человека в состоянии «становления», достигает своего «тела», т.е. своей основной цели — мандалы *unus mundus* — она производит аннигилирующий эффект на земное существование человека, по причине того, что она достигла состояния всеобъемлющего единого континуума, в противоположность

всем отдельным явлениям. Здесь, в контексте достижения цели, смерть становится «правильной». В этом алхимическом тексте *unus mundus* аналогичен царству мёртвых, миру духов.

Как уже отмечалось, мистерия смерти, описываемая в алхимическом трактате Комариоса, возникла в результате египетских заупокойных ритуалов. В древнем Египте, небесная божественность (Нут) представлена женским началом, женщиной или коровой, а земная божественность (Геб) — мужским. Именно из-за этого, обратного привычному, представления, египтяне изображали большую часть символического и духовного пространства вполне конкретными, материальными объектами. К примеру, они бальзамировали мёртвых, представляя тем самым достижение человеком бессмертия. Действительно, этот процесс мумификации означал алхимическое превращение умершего в бога или духа *unus mundus*. В древнем каирском папирусе мы можем найти описание процесса подготовки трупа, который наглядно описывает этапы химической обработки (такие как промывка в ванне с оксидом натрия, помазывание, отдушивание и оборачивание в бинты), обозначающей, таким образом, процесс обожествления. В тексте касательно трупа прямо и говорится «этот бог». Например, помызывая головоу, жрец произносит следующие слова: «О, Осирис NN, тебе это масло с земли Пунт, чтобы ты благоухал, как благоухают боги. Тебе эта эманация Ра ... Твоя душа соединится с телом в божественном мире. Да пребудет с тобой Хор, что изливается как мирра из Осириса.» Или, при обработке тела, он произносит эти слова: «Впитай этот аромат, дабы соединиться с Богом Солнца.» Погружая позвоночник в масло: «Впитай эманацию, исходящую от Ра, секрецию, проистекающую от Геб ... ты облекаешься в покровы, что исходят от Ока Гора ... он направляет тебя к Нун и украшает твои конечности, чтобы ты стал похожим на него, когда он восходит и опускается, не прекращаясь в вечности.» При погружении тела в натроновую ванну произносятся следующие слова:

> О, Осирис NN, Нил, Величайший из богов, нисходит на тебя. Он преподносит тебе воды ... Нун, что изливаются из Пещеры; течение, что

проистекает из хладной заводи. Ты пьёшь от него и удовлетворён им. Твоё тело наполнено свежей влагой, твой саркофаг наполнен водами, горло твоё омыто — *ты есть Древний Нун, отец богов.*[20]

Слово «натрон» («natron») происходит от египетского слова *neter*, «бог», соответственно, нет никаких сомнений, что натроновая ванна служит для обожествления усопшего через погружение в »божественную субстанцию».[21] Как результат «становления Богом»,[22] покойный фактически возносится над всеми остальными «богами» и способен *пронзить весь космос.*[23] Поэтому, в одном из текстов усопший говорит о себе: «Я есть Осирис, Владыка Глав, с мощным фаллосом. Я Орион, что объезжает свои земли, вращаясь по небесным орбитам, на теле матери своей — Нут.»[24] Поэтому, в папирусах содержится множество инструкций для «вступления в день», которые предназначены, чтобы сопровождать усопшего в достижении состояния все-проникающего духа. В Книге Мертвых покойник описывает себя следующим образом: «Я раскрыл все существующие пути на Небесах, на Земле и Дуат (загробный мир). Это я, тот, кого возлюбил он (Осирис). Я пришёл как мумия, как преображённый.»[25] Или:

Я вошёл как сокол и вышел как феникс. ... Его душа будет пребывать рядом с людьми и богами и он не будет ими отвергнут. Он вступит в день, приняв любые формы, какие только пожелает. Он будет входить и выходить через тайные врата. ... В свете он познает свои формы. ... Его сила будет превыше силы богов.[26]

И действительно, в теле умершего содержатся все боги, потому как он говорит о себе: «Волосы мои Нун, лицо моё — Ра, глаза мои — натрон, уши мои — Упуаут ... зубы мои — Хепри, шея — Исида ... горло — Нейт ... спина — Сет, фаллос — Осирис.» В заключении бальзамирования папирус говорит:

Тебе, Осирис NN, сей фимиам, что исходит от Хоруса, мирра от Ра, натрон от Нехбет ... смола от могущественных божеств, опиум от благословенного Осириса ... Ты ступаешь на землю из серебра и злата, ты очищаешь себя на земле из серебра и злата, ты будешь упокоен в

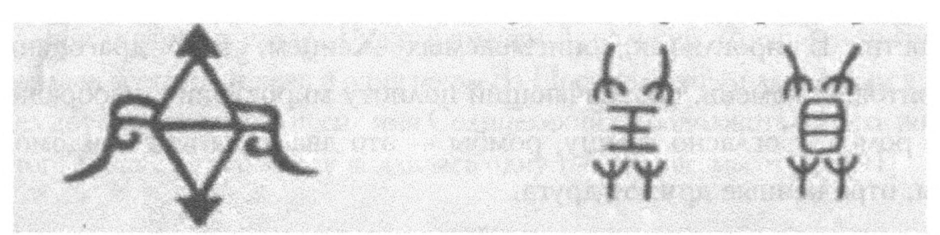
малахитовом склепе ... ты постигнешь своё имя во всех именах, твоя душа в Небесах, а тело — в Дуат, ты пребудешь в вечности и никогда не постареешь. ...[27]

Умерший, таким образом, становится един со *всеми* богами и со всей полнотой потустороннего мира, *который, одновременно, представлен в различных видах материи* (натроне, масле, воде, золоте). В этом состоянии он достигает орбиты бога солнца и пребывает в циклическом вращении подобно вращению материи, описываемом в трактате Комариоса.

В процессе этой мистической трансформации, успоший сперва переходит в царство бога Акера, мы уже знакомы с ним в обличии двуголового льва. Страж порога в Запредельное и хранитель двух горизонтов.[28] В образе Акера он »охраняет свой собственный образ».[29] Иногда, становясь богом солнца в яйце или двуголовым львом, сидящим у предвечных вод, между восточных и западных гор.[30] Как уже упоминалось, психологически лев персонифицирует психическую энергию, которая ушла в коллективное бессознательное и обрела там «форму» - неясную архетипическую структуру, заключенную внутри него.

Но после того, как ушедший уносится звездой в небесный океан, он оказывается под воздействием духов Нун (предвечных вод) и «содержащегося в нём просвещения». С точки зрения Курта Сета, просто умерший, не просвещённый, лишь пребывает, подобно нерождённому, в предвечных водах Нун, которые скрывают в себе весь творческий потенциал и потенциал к будущему «становлению». Только просвещённый мертвец, ставший незаходящей циркумполярной звездой, сохранив тем самым свою личность, обладает способность «принимать любые формы».[31] Другими словами, только просвещённые мертвые обладают свободой передвижения в бескрайней вселенной.

В древнекитайской культуре также найдены свидетельства о связи идеи *unus mundus* с загробным миром. В своей книге *Tod, Auferstehung, Weltordnung*, Карл Хенц приложил множество усилий, чтобы доказать, что на китайских бронзовых статуях часто изображался иероглиф в виде двух пар рук, держащих ромбовидную фигурку.[32]

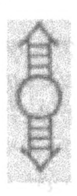
Слева, иероглиф лунг (lung), «играть, азартная игра»; справа, основной иероглиф суань шу (suan shu), «вычислять» [Источник: слева, Карл Хенц, Tod, Auferstehung, Weltordnung (Цюрих, 1953). стр.17, воспроизводится с разрешения Origo-Verlag (два иероглифа на следующих странице из этого же источника); справа, Джозеф Нидэм, Наука и цивилизация в Китае (Кембридж, 1959), II, 4, воспроизводится с разрешения Cambridge University Press.]

Этот иероглиф обозначает *хиань*, «жертвоприношение» (духам рода), а также *лунг (lung)*, »играть, азартная игра». Подобным образом с ним связан иероглиф *суань шу (suang shu)*. Ромбовидный объект переводится как *уи́*, «предшествующий камень», [33] что в этом контексте обозначает «полноту» и весь мир, высший смысл. В древнем китайском тексте (Гуань-цзы , ч.9, 500г. д. н. э.) объясняется, почему нефрит обладает этими качествами:

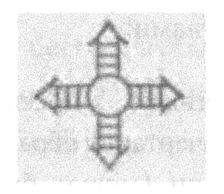
> Нефрит тёплый и приятный ... посему, он (может быть назван) «благожелательность». Его очертания обрамляют друг друга, складываясь в единую систему, посему он (может быть назван) «мудрость». Он твёрдый, но не слишком (*tsu*), посему он (может быть назван) «справедливость». Он острый, но его грани не причиняют вреда, посему, он (может быть назван) «организованность». Он чистый и блестящий, но не может испачкаться, посему, он (может быть назван) «непорочность». Он может быть сломан, но не согнут, посему, он (может быть назван) «смелость». Его трещины и пятна сразу появляются снаружи, посему, он (может быть назван) «благородность» (в смысле, что не пытается скрыть свои слабые стороны). Его цветные блики сияют и отражаются друг от друга, но не перекрывают сами себя, посему, он (может быть назван) »снисходительность». При ударе, он издаёт чистый и насыщенный звук, без резкого крика, посему, он (может быть назван) «мягким». По этим причинам, владыки ценят его как гаранта успеха.[34]

Если подходить с психологической точки зрения, нефрит, очевидно, символизирует высшую психологическую ценность и выступает образом

Самости. В иероглифах, описываемых Хенцем, этот драгоценный нефритовый камень, обозначающий полноту мироздания, изображён в виде ромба. Согласно Хенцу, ромбы — это два дома или придомовые урны, отражённые друг от друга.

[35] Полагали, что в этих урнах живут мёртвые.[36] По словам Хенца, они представляют собой «весь мир, всю его полноту», «прямой и обратный мир вместе составляют целый мир, а именно, мир мёртвых и мир живых».[37] Этот «цельный мир» также напоминает утробу, своего рода место, откуда происходит всё творение (подобно водам Нун в Египте!).[38] В некоторых изображениях этот двойной дом снова дублируется, образуя в результате мандалу.[39] Как символ целостности, этот двойной дом

напоминает египетских двуглавых львов и, более того, он напоминает уже обсуждавшиеся нами мандалы, которые символизируют безвременные и ограниченные в пространстве и времени свойства вселенной. В Китайских воззрениях, их объединение символизирует всю полноту сущего, когда мир живых и мир «духов» проникают друг в друга. Это одновременное влияние двух разных миров, в то время как жизнь протекает в пространстве и времени наиболее впечатляюще представлена дзен мастером Ма. Когда он серьёзно заболел и до смерти оставалось меньше суток, настоятель монастыря спросил у него: «Как достопочтенный чувствовал себя на днях?». Мастер ответил: «Будда солнцеликий, Будда луноликий.» Как объясняет Вильгельм Гундерт, это высказывание отсылает к третьей сутре Имени Будды, где во время празднования двенадцатого месяца[40] произносятся следующие слова:

> После этого, я увидел Будду с именем Луноликий. Жизнь этого Будды длилась всего один день и одну ночь. За Прославленным луноликим я увидел другого Будду: он носил имя Солнцеликий. Продолжительность жизни этого Будды с ликом солнца длилась одну тысячу восемьсот лет![41]

Вероятно, здесь содержится намёк на мандалу, состоящую из двух систем — одна ограничена во времени и пространстве, вторая же имеет гораздо большую продолжительность. Но обе называются «Будда», обе являются гранями Великого[42], из-за чего умирающий Ма достиг просветления.

Если мы посмотрим на эти мифологические высказывания с современной точки зрения, то столкнёмся с такой проблемой, что они не могут быть проверены с научной точки зрения. Тем не менее, я чувствую, что всё же можно сформулировать определённые предварительные выводы, которые будут лежать скорее в плоскости гипотетических идей, чем научно-обоснованных утверждений.

Возвращаясь к главной идее этой книги, можно предположить, что материя и психика образуют собой внешние и внутренние свойства одной и той же трансцендентной реальности. Мы рискнули сделать такой вывод, потому как конечные проявления материи предстают в нашем наблюдающем сознании в формах, похожих на те, что представляет (в своих конечных проявлениях) внутренний фактор — коллективное бессознательное. Эта единая, трансцендентная реальность (*unus mundus*) приводит нас к гипотезе о живой материи.[43] Мы знаем о том, что после смерти материальная составляющая человека растворяется в неорганических материальных элементах. В чем-то, что современная физика определила как электромагнитное поле, чьи точки, находясь в возбуждённом состоянии, проявляют себя как частицы. В уже упоминавшихся религиозных текстах, где глубоко анализировался этот же самый процесс, смерть описывается как восхождение в царство богов, то есть в архетипическое поле коллективного бессознательного. Это похоже на то, как если бы наш психический опыт идентичности, всю жизнь привязанный к телесным переживаниям, был смещён с помощью частиц и «полей» в глубины коллективного бессознательного. Но тогда возникает

главный вопрос: означает ли это полную дисперсию и растворение индивидуального опыта идентичности и, как следствие, возвращение в абсолютное бессознательное? Или сознание сжимается в «макромировую» мандалу, что позволяет ему выжить? Что, в конечном счёте, означает бессмертие, если я не могу его осознать? В вышеприведённых цитатах значилось, что выживание индивида зависит от его «самосознания» или «просветлённости». Согласно верованию древних египтян, только те, кто установил взаимоотношения со своей Ба-душой или «незаходящей звездой», способны к посмертному сознаванию. Аналогично, западные африканцы утверждали, что только те, кто с помощью бога Фа сделал свой *ye* (жизненный принцип) сознательным, могут войти в вечность, *сохранив* своё эго-сознание и, тем самым, сохранить свою эго-идентичность, «двигаясь дальше в различных формах».

Китайская идея жизни после смерти, как её описывал Рихард Вильгельм, на мой взгляд, рассматривает эту проблему в любопытном ключе.[44] Китайцы разделяют телесный и психический аспект в человеке. В момент смерти, оба эти аспекта распадаются в живую вселенскую субстанцию. Но психический элемент выживает как третий фактор, способный к осознанию. В нём содержится, так сказать, тенденция к осознанию, которая должна быть сконцентрирована в течение жизни, чтобы пережить смерть. Пока живо физическое тело, эта тенденция к осознанию должна облечь себя в тонкое тело,

> Духовного свойства, которое будет теперь поддерживать его в момент смерти, когда приходится покидать физическое тело, которое помогало ему какое-то время, но теперь в нём нельзя находиться. Стоит начать с того, что это психическое нечто очень деликатно и только у величайших мудрецов оно обладает стабильностью после смерти.

Для остальных, возможность сохранения сознательной идентичности зиждется на согласованных усилиях, которые необходимо произвести, чтобы их запомнить.[45]

Создавая духовное тело путём медитаций, китайцы старались в этой жизни отключить энергии, связывающие с обычным телом и, таким

образом, накопить семенную энергию, энтелехию (или, переводя на современный язык, самость) в новом теле. Данный процесс включает в себя ретроградное движение жизненной энергии (как мы уже показывали в случае с «небесными последовательностями»). В данном случае, силовое поле концентрируется вокруг одного психического ядра, силы, которую Рихард Вильгельм, наделял определённым ритмом или называл её «малой мировой системой». Здесь эго, вместе со своим тонким телом больше не связано с физическим телом. Оно образует, своего рода, универсальное эго, в которое трансформируется предыдущее доминирующее эго. После того, как духовное тело было создано, человек одновременно живет и в этой жизни, и в Ином. «Это Иное, однако, не имеет пространственных или временных границ в нашем понимании, это скорее Дао, Смысл, пронизывающий всё существующее и грядущее.»[46] Психическое ядро души, будучи осознанным и окруженным энергетическим полем, каким-то образом способствует сохранению индивидуальной идентичности после смерти, в психофизическом *unus mundus*.[47]

Говоря языком психологии, это значит, что Самость, как психофизическая монада или высшее ядро личности, не просто порождает эго-сознание, исходящее от него при рождении, и поддерживает его развитие. Во время смерти оно, обратным образом, вбирает эго в себя, подобно тому как древесный сок питает листья весной, а осенью возвращается обратно в ствол, в то время как листья опадают и умирают.

Если пронаблюдать за пузырьками, плавающими на поверхности жидкости, часто можно заметить, что большие и маленькие пузырьки притягиваются друг к другу. Маленький пузырёк вращается вокруг большого, как будто одновременно притягивается и отталкивается. Затем он внезапно втягивается в более крупный и они становятся одним целым. Таким же образом и эго комплекс в центре нашего сознания вращается вокруг большего центра Самости, то притягиваясь, то боязливо отталкиваясь от него. Момент смерти производит решающий толчок и наступает долгожданная *коньюнкция* двух миров, когда эго погружается во внутреннюю монаду и объединяется с ней. Когда

индивид сознательно принимает участие в процессе индивидуации и, таким образом, готовит себя к этому моменту, пытаясь быть настолько сознательным, насколько можно, он может преуспеть в осознанном переносе эго в Самость. Но когда он остаётся связан автономным и не интегрированным психическим содержимым, сознание отклоняется и впадает в состояние бессознательности, что в древних текстах описывается как заточение демонами нижнего мира. В этом случае, покойный после смерти должен отправиться в долгое путешествие к Самости, прежде чем обретёт мир и вечную жизнь. Если принять идею о том, что психическое и физическое — это две идентичные грани изначального единства, то не только эго, будучи персонификацией Самости (как Юнг его называл), обладает материальным фоном (телом), но также и Самость. Мифологические тексты пытались описать это тело как философский камень или как мандалу. Этот принцип применим не только для эго и Самости, но и для всех остальных не интегрированных комплексов. Анализируя женщину, чей брат был «дезинтегрирован» в результате неизлечимой шизофрении, я лично наблюдала как составные части его души превращались в парапсихологические явления, преследующие его соседей. Когда я рассказала об этом Юнгу, он сказал мне, что часто встречался с подобными явлениями и считал, что такие комплексы вполне могут «преследовать» живых людей.

Если дальнейшие исследования докажут, что эта теория эмпирически верна, это прольёт свет на одну из величайших парапсихологических проблем, а именно, на вопрос почему «спириты» и »призраки» так часто появляются в таких глупых, полу-интеллегентных, полу-бесчувственных ипостасях. Если они лишь проявленные элементы души, их поведение становится понятным. Потому как мы знаем, что психические комплексы обладают определённым, присущим им интеллектом, но, в то же время, обладают тенденцией совершать бессмысленные и раздражающие поступки в нашей психике.

Кроме того, снимается весьма актуальный вопрос о том, представляют ли «явления» на спиритических сеансах бессознательные комплексы самих участников или это являются «реальные духи». С этой точки

зрения, данные автономные комплексы могут принадлежать как живым, так и мёртвым. Но здесь даже слово «принадлежат» является неточным, поскольку «автономность» означает, что эти комплексы не прикреплены и находятся в свободном плаваньи. Этого же мнения придерживается и Паскуаль Йордан.

Всякий раз, когда в результате больших усилий, сильная личность преуспевает в том, чтобы сделать такой свободно плавающий комплекс сознательным, он как бы освобождает не только себя, но и всеобщую психику от этого «призрака». Это наглядно продемонстрировано в одной китайской истории. Она связана с древним поверьем о том, что души самоубийц обречены скитаться с верёвкой, принуждая остальных совершить то же самое. Сказка продолжает: однажды солдат, который был квартирован в странном городе увидел в окно грустную девушку, сидящую в своём доме. Над её головой навис злой дух с верёвкой, побуждая убить себя. Солдат яростно сражался с этим духом и, в конце концов, победил его. Но, как символ ночной битвы, ему пришлось носить кольцо из красной плоти на его руке. Это верёвка, которая стала частью его тела, и больше никому не могла навредить. Здесь, зловещая структура, вызванная автономным суицидальным комплексом, была буквально «интегрирована« солдатом. Она стала его частью, «отметив», но не повредив его.

Такая интеграция автономного комплекса никогда не может произойти исключительно усилиями эго. Оно должно быть достигнуто *deo concedente* (в согласии с Богом — прим. перев.), так, что силы Самости помогают эго и действуют с ним сообща.[50] Это значит, что только когда эго играет свою роль сообразно с ритмом Дао, Самостью, может произойти такая интеграция.

Как уже отмечалось, «числовая игра» коллективного бессознательного — это символ *бессознательного творческого устремления к большему осознанию*. Она проистекает из символа Самости как центрального образа процесса индивидуации. Такому развитому состоянию сознания присуща свобода (принимать любые формы), которая проходит через всё бессознательное, в отличии от идентификации с отдельными

комплексами, что означает заключение подземными демонами. Маги племени Фон из Западной Африки прекрасно понимают суть этой свободы, когда говорят, что она состоит из «максимальной степени самопознания, которую способен постичь человек».

Не только неинтегрированные комплексы способны «преследовать» живых. Согласно мифологическим текстам человечесвта, «просветлённые» мертвые также способны проявлять себя как «эфемерное присутствие» в царстве живых. Но, в отличии от обычных, часто бессмысленных призраков, которых мы обсуждали ранее, они, похоже, стремятся нести порядок и осмысленность. По этой причине молодые шаманы народов Заполярья спят на могилах великих шаманов, чтобы получить их учение. Этот феномен также объясняет - почему практиковалось размышление на могилах великих воинов античности, а позже — великих мучеников и святых, чтобы заручиться их помощью. Даже сегодня одним из условий канонизации покойного в Католической церкви является свершение посмертных чудес. Но поскольку проявление этих душ идёт сообразно тенденции развития коллективного бессознательного к осознанию, они являются и должны соответствовать целям Самости в его роли сверхличностного атмана (или Дао) — они могут проявляться в числовых оракулах так же, как и в самом Дао. Соответственно, оракул «И цзин», как и многие упоминавшиеся предсказательные техники, представляет собой усилия человечества по установлению контакта с этими духами и духовными тенденциями неизвестного. Потому что язык числа предлагает нам форму общения с ними, которая, как мы уже продемонстрировали, соотносится с ритмами коллективного бессознательного и *unus mundus*.

С незапамятных времён, числа использовались, чтобы навести мосты между двумя царствами, потому что они представляют собой основную структуру психической и физической энергии в природе и, следовательно, таинственный язык единого бытия, в частности, его смысловую составляющую (Дао).

Глава 15
Синхрония и коньюнкция

Когда Будда захотел жениться, его будущий свёкр, Гопа, заставил его принять участие в различных состязаниях, наравне с другими претендентами, для демонстрации его умственных способностей. Одно из них заключалось в том, чтобы рассчитать сумму чисел, состоящих из более чем пятидесяти знаков. Будда справился с ним в кратчайшие сроки, тем самым заполучив невесту.[1] Возможно, это было лишь совпадением, но данная история заставляет нас обратить внимание на тот факт, что Бхасакра, один из самых известных индийских математиков, назвал одну из своих работ женским именем *Лилавати*, в честь своей единственной дочери. Рассказывают, что она много времени проводила за математикой и другими предметами (вместо того, чтобы гулять со сверстниками) и отец стал беспокоиться, что она никогда не выйдет замуж. Говоря языком психологии, здесь явное наличие огромного отцовского комплекса. Бхасакра обратился к известным астрологам и с их помощью узнал, что есть один-единственный час, когда его дочь сможет выйти замуж. Поэтому, он стал готовить свадьбу, с сыном их знакомых, в точно назначенное время. В праздничном настроении, компания собралась вокруг водных часов, ожидая назначенного времени — но всё было напрасно. Сосуд не опустел и присутствующие в отчаянии воскликнули, слишком поздно осознав, что что-то пошло не так. Когда невеста склонилась над чашей, жемчужина с её ожерелья оторвалась и остановила часы.[2] Лилавати, таким образом, осталась с отцом. Чтобы её утешить, он посвятил ей свою работу, которая стала одним из самых известных ранних трактатов по теории чисел. Говорит ли это о том, что игра лежит в основе всякой человеческой деятельности? Или же о том, что число тесно связано с проблематикой Эроса? Нам давно известно, что числа не всегда обладают теми сухими, абстрактными свойствами, которыми их наделяют сегодня. В прошлом, они не только считались

«богоподобными», но и, как ни странно, наделялись всеобъемлющим значением. Они не предсказывали, но объединяли два мира.

Как уже упоминалось, древние Майя разработали предсказательную технику, аналогичную «И цзин». Вместо стеблей тысячелистника, они использовали два вида зёрен: индийской кукурузы и, так называемые, *циmе*, собранные с бобового куста. Также, *циmе* называли и сам оракул. Зёрна кукурузы представляли собой женский элемент (по аналогии с китайским Инь), а бобы *циmе* — маскулинный (Ян) и он же означал грубый сексуальный термин.[3] *Коньюнкция*, символизируемая данным оракулом, уходит своими корнями в майянский миф о сотворении человека, который изложен в Книге Совета Народа Киче. Миф начинается с создания мира:

> Весть такова. Вселенная была сокрыта. Ни вдоха, ни звука. Мир, безжизненный и тихий. И Небеса пустовали. ... Ещё нигде не проступила поверхность Земли. Лишь спокойное Море и безбрежное пространство Небес. *Ничто ещё не было соединено.* Ничто не издавало ни звука, ничто не шевелилось, не дрожало, ничто не нарушало тишину Небес. Застывшая и безмолвная Ночь, тьма. Но в воде, окруженные сиянием, возлежали: Цаколь, Создатель; Битол, подательница форм; Тепеу, Завоеватель и змей с зелёным оперением Кукумац. А также прародители Алом и Каталом. ... Во тьме ночи Тепеу и Кукумац встретились и говорили друг с другом. ... И они поняли, что со светом должен появиться человек. Так они договорились о Сотворении.

С помощью своей магии, Тепеу и Кукумац завершили творение, создав миры, растения и животных. Они приказали животным почитать их, но животные безмолвствовали. Затем оба божества создали из глины людей, но они были слишком слабы и расплывались. Тогда, Цаколь и Битол обратились к двум предсказателям: Шпийакоку, «праотцу дневного света» и Шмукане «праматери сумерек», а также к великому множеству духов. Они призывали:» Бросьте жребий из зёрен кукурузы и *циmе*: сделайте так, чтобы мы знали — нужно ли нам вырезать из дерева рот и глаза.» Так они говорили с предсказателями.

> Предсказание свершилось и жребий из кукурузы и *циmе* был брошен. »Судьба», «Творение» и Древние были призваны на свои места. ... Начав

предсказывать, они молвили (Тепеу, Завоевателю и Кукумац, пернатому змею): »Сойдитесь друг с другом! Говорите, чтобы мы могли слышать. Должно ли собрать дерево, дабы Создатель и Подательница форм могли его обработать. Будет ли это тем, что должно поддерживать и питать нас, когда придёт свет, когда наступит рассвет.

Ты, кукуруза! Ты, *ците*! Ты, жребий! Ты, Творение! Ты, вожделеющее чрево! Ты, возвышающийся фаллос!» Так, они обращались к кукурузе, *ците*, жребию и Творению. «Сердце Небес, оглянись почтительно назад, чтобы не обидеть Тепеу и Кукумац.» — Так они говорили и пророчествовали: «Ваши фигуры из дерева получатся ...»

Тем не менее, нужна была ещё одна попытка, чтобы создать такого человека, каким мы знаем его сейчас. Сексуальный союз двух божеств — Тепеу и Кукумац, явно происходит в то же время как исполняется пророчество оракула *ците*, как если бы они представляли два аспекта одного и того же первобытного события. К двум видам зёрен, добавляются ещё «жребий» и «Творение», как бы обозначая ещё одну параллель. В данном контексте, «жребий» больше относится к феминной структуре бытия, а Творение здесь — энергия, материализующаяся внутри неё. Можно провести архетипическую параллель с женским принципом Sapienta Dei, как универсальным математическим планом и её партнером, Яхве, который динамически воплощает данную структуру. В оракуле Майя, через жребий воплощаются два аспекта архетипа числа, а именно: его упорядоченность как феминный элемент и архетипическая динамика как маскулинный.

В подтверждение того факта, что здесь мы имеем дело с архетипической идеей, мы обратимся к западно-нигерийской геомантии. Та же первобытная фигура стоит за Фа, богом правды, который создал оракул, чтобы люди могли слышать его сообщения. Это изначальное божество зовётся Гбааду и представляет собой страшную, непостижимую тайну. Гбааду также называют «сосудом бытия», и его фетиш состоит из двух калабашей, лежащих один на другом, как аллюзия на Нигерийскую историю о происхождении мира. В начале, отец и мать вселенной возлежали подобно двум калабашам, тесно связанные друг с другом вечным симбиозом. Как подчеркивает Маупойл, культ Гбааду

передаёт «эзотерическое чувство космического симбиоза, т.е. единство со всей полнотой вселенной, которая представлена символом союза неба и земли.»[4] Тем не менее, нигерийцы боятся этого бога и его символов, поскольку он является носителем «смертельной» тайны, если можно так сказать, первобытного мотива бракосочетания со смертью.

В древнем Египте, подобный мотив, наряду со всем процессом психического развития, который сегодня называется «процессом индивидуации», проецировался на погребальные мистерии. Путешествие покойного по вселенной также изображалось как божественное бракосочетание. Например, в Мольбах к Осирису нанятая плакальщица, персонификация Исиды, взывает: «Взываю к тебе, я приветствую тебя, мой Повелитель тем, что могу славить тебя как моего Господина и созерцать тебя. Я возлюбленная, которую ты почитаешь.». И в двенадцатом часу она плачет: «Взываю к тебе, Осирис, Первый из Западных, восстань, Господин. Насколько хороши эти женщины для твоего *ка* ... ты, Живущий, твои спутницы (Исида и Нефтида) заключают тебя в свои объятья.»[5]

Мотив свадьбы также появляется в алхимическом трактате Комариоса, где описывается таинство воскрешения: «Лицезрей. В сердце гор, средь Мужественности, возлегает его спутник, с которым он объединится в радости. И природа возрадуется в природе, объединяясь с ничто, лежащим за её пределами.»[6] Данная идея *коньюнкции*, что объединяет всю полноту существования, была привнесена арабскими алхимиками и пришла обратно на Запад, где она вновь появилась в описаниях воскрешения.[7] Например, средневековый алхимик Петрус Бонус изображал воскрешение мертвых как *коньюнкцию* таким образом:

> Потому как наша душа была создана *на горизонте вечности*, перед тем как соединится с телом ... в воскрешении *коньюнкция* тела станет целиком духовной, как и сама душа. И они станут одним, также как и вода смешивается с водой и отныне никогда не разделится.[8]

Знаки и рисунки, отображающие сходный мотив посмертного путешествия, кульминацией которого является брачный союз и

обожествление, также можно найти в китайских гробницах периода Хань. [9] После смерти, душа индивида сперва распадается на две части: одна часть называется *p'o* - она принадлежит темному женскому принципу Инь и погружается в землю; другая же, светлая, *hun* - принадлежит принципу Ян и возносится на небеса. Затем, обе души отправляются в путешествие. Одна отправляется к женской божественности Запада, а вторая — в «тёмный город» на востоке, к «тёмным горам смерти» или «жёлтым источникам». Они пересекают двенадцать знаков зодиака (подобно декадам в египетском посмертном путешествии), которые изображены в гробницах.[10] *P'o* сливается с вечной божественностью Запада, а *hun* — с повелителем Востока. После этого, они празднуют мистическое воскрешение в браке (*hsüan-t'ung*, »мистический союз»). В результате этого союза создаётся новая жизнь, «невесомая и невидимая, пространство и время более не способны сковать её движение и она, подобно солнцу, может парить и плыть вместе с облаками».[11]

Эта освобождённая в результате перерождения духовная сущность, которая обладает силами всего космоса, почитается в культе предков. В то время как нечистые души мёртвых, не прошедшие этот процесс, приходят к одному лишь страху. Подобно тому как в Египте эти освобожденные духи устремляются к Великому Медведю на Севере, к области незаходящих околополярных звёзд.

Все эти китайские, египетские и алхимические тексты сходятся на том, что бытие усопшего принимает форму, которая, с одной стороны, идентична неорганической материи (оксид натрия, золото и т.д.), а с другой — коллективному бессознательному (мир богов и звёзд). Это значит, что оно простирается до самых основ космоса, оставаясь при этом одушевлённым. В то же время, области психики и материи, которые в течении жизни переживались как отделённые друг от друга, объединяются в *коньюнкции*. Это говорит о том, что данное расщепление обусловлено течением жизни до наступления смерти. Однако, с прекращением жизни, они выходят из-под власти времени и пространства и могут объединиться ради достижения вечной жизни в безвременных глубинах *unus mundus*.

В Китае, этот доисторический образ божественного бракосочетания проецировался не только на посмертие (как на Западе), но также проявлялся в ежегодных брачных ритуалах, в которых принимала участие вся община. Эти ритуалы знаменовали собой гармоничное соединение универсальных космических принципов — Инь и Ян. Мужчины и женщины становились в две шеренги, лицом друг к другу и соревновались в антифонии, подобно тому, как «свет и тьма взаимодополняют друг друга». Заключение праздника происходило в виде общинного брака, иерогамии, символом которой была радуга. Весь праздник воспринимался как отражение данного символа, потому что он есть сочетания контрастов — темных и светлых цветов, соотносящихся с Инь и Ян, которые образают гармоническую последовательность (характерный мотив полос!).[12]

Как уже упоминалось, в древнекитайском оракуле в виде планшетки, колебания Инь и Ян представлены в виде двух числовых полей. Где обмен атрибутами происходил как-раз в результате иерогамии. Другими словами, трансформирующий элемент, относящийся к Ян — это число двадцать один (оно нечётное и, следовательно, считается «мужским»). В то же время число четырнадцать (чётное, «женское») относится к женскому принципу Инь. Таким образом, земля и небо обмениваются своими свойствами через божественное бракосочетание.[13]

В этом оракуле, как и в майянском оракуле *циme*, имеет место *коньюнкция* двух космических принципов. И, поскольку число здесь играет решающую роль, значит именно оно наиболее тесно связано с идеей *коньюнкции*. В одном из ранних комментариев к «И цзин» также отмечается, что «вместе мысли человека и духи смешиваются друг с другом» в этом оракуле, объединяющем миры живых и мёртвых.[14]

Если мы попробуем перенести данный мифологический мотив или мифологему на язык современной психологии, то это будет означать, что *в синхронии происходит коньюнкция двух космических принципов*. А именно - *психики и материи*, и здесь же фактически происходит «обмен атрибутов». В подобных ситуациях психика начинает вести себя так, как будто она материальна и материя, в свою очередь, начина-

ет обладать свойствами психики. Число, в данном случае, играет роль *vinculum amoris*, связующей любви, которая объединяет два принципа, выстраивая их друг относительно друга.

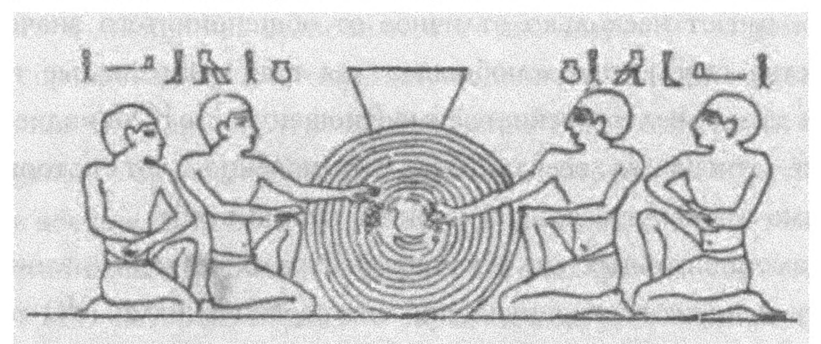
Таким образом, число, в своём глубочайшем смысле, является выразителем все-объединяющего Эроса. Правда здесь слова «любовь» и «Эрос» имеют несколько отличное от общепринятого значение. В большинстве своём, под «любовью» мы понимаем теплые и очень значимые для нас человеческие взаимоотношения. Но Юнг подчеркивал, что такие отношения всегда содержат проекции, от которых нам необходимо освободиться, чтобы прийти к самим себе.

> В эмоциональных отношениях центральное место занимает страсть, испорченная принуждениями и ограничениями. Мы что-то ожидаем от другого человека, и это делает его и нас несвободными. Объективное восприятие находится вне привлекательности таких отношений и в этом, наверное, *главный секрет. Только при таком восприятии возможна настоящая коньюнкция*.[15]

Здесь имеется ввиду то, что в основе всех любовных взаимоотношений заложен подсознательный духовный принцип. Этот «объективный» принцип, скорее всего, есть суть Эроса и находит своё выражение в такой, казалось бы, бесчувственной и безличной форме, как числа. Как ясный и неизменный фактор, лишенный каких бы то ни было иллюзий. С этой точки зрения, становится понятно, почему нигерийцы определяли Гбааду, символ *коньюнкции*, как «высшую степень самопознания, какую только способен достичь человек.» Эта космическая структуризация Самости составляет предельную тайну, за гранью всех человеческих желаний и поступков. Непостижимую и страшную тайну.

Согласно верованиям многих народов, мёртвые являются частью этого неумолимого, объективного принципа, пролегающего за пределами всего сущего. Одна архетипическая мифологема показывает их как буквально «убивающих время» в потустороннем, с помощью числовых игр.[16] Во многих египетских гробницах покойный изображался как играющий со своей женой (или другим партнёром) в настольную игру на подобии *халмы*.[17] Эта игра не только развлекала усопшего, но ещё

и магически защищала его в путешествии по потустороннему. Квадратики на доске представляли собой «дома» отдельных божеств и священные символы, такие как колонна Джед[18] («архетипическое поле» коллективного бессознательного). Победа в игре означала победу на злым Мехеном, змеем загробного мира.

Египетская змеиная игра [Иточник: M. Pieper, «Das Brettspiel der alten Agypter,» Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht des Konigsst'ddtischen Realgymnasiums zu Berlin (1909).]

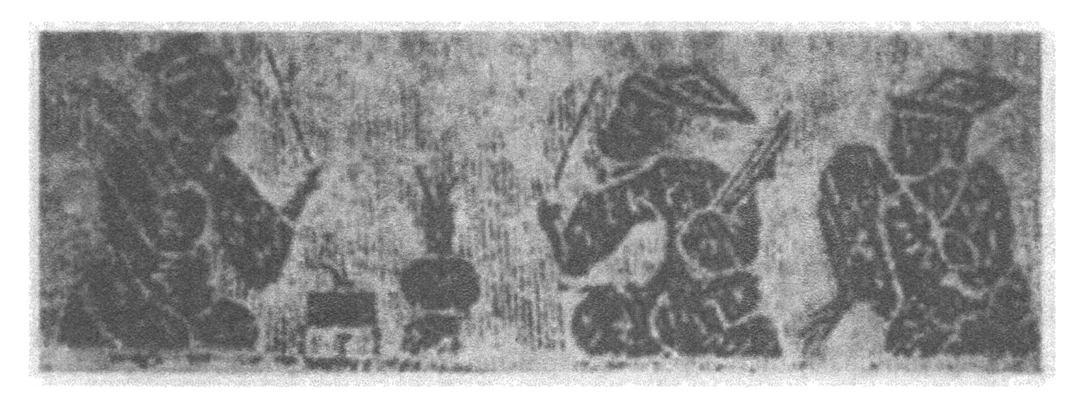

Доска для змеиной игры из известняка, из древней гробницы, недалеко от Балласа [Воспроизводится с разрешения Ashmolean Museum, Oxford.]

Поэтому, правила размещались в гробнице умершего, чтобы гарантировать удачный исход в этой роковой игре. [19] Кроме этого, была ещё так называемая «змеиная игра», которая состояла из круглой доски, на которой был высечен змей Мехен, свернувшийся в спираль

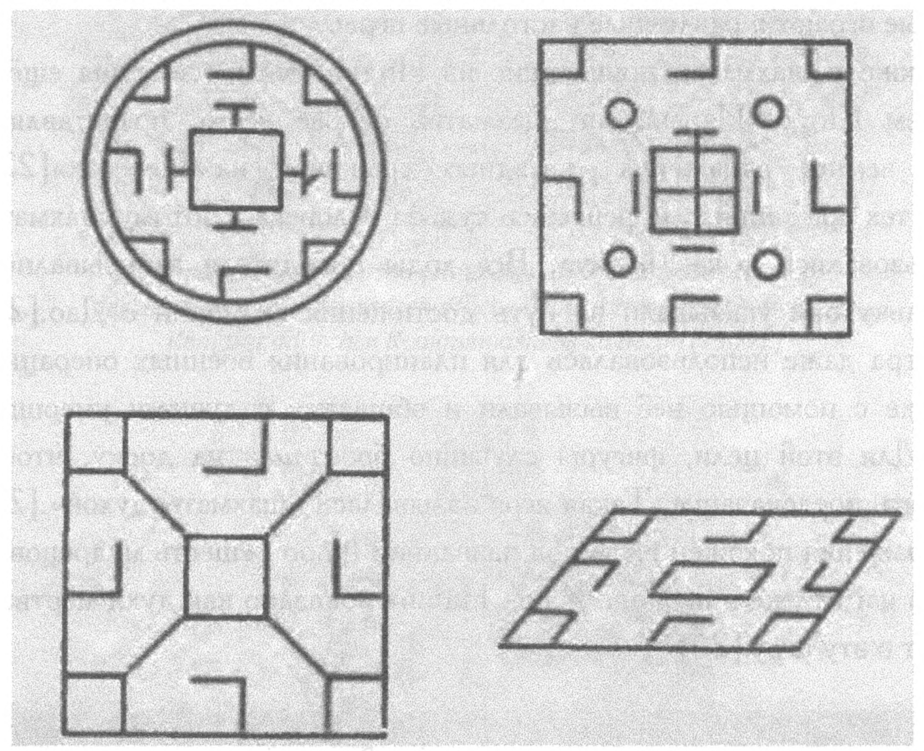
против часовой стрелки. Игровые фигурки в виде собак и львов были сделаны в форме сфер. Считалось, что даже Хор и Сет играли в эту игру друг против друга. Правила игры пока не расшифрованы.[20] Шумерские цари, похоже, тоже были знакомы с подобной игрой, поскольку похожие доски были найдены в гробницах города Ур (2500 до н.э.).[21] Подобные идеи, судя по всему, существовали и в Китае. Уже в гробницах эпохи Хань были найдены изображения усопших, которые играют в различные настольные игры.

Также и шахматы, пришедшие из Индии, были известны ещё в древнем Китае. Изначально шахматы, скорее всего, представляли собой земное отражение «звёздных сражений на Небесах»[22], образ тех сражений, где решалась судьба человека. Потому шахматы использовались и как оракул. Все ходы победителя записывались, поскольку они указывали на путь достижения гармонии с Дао.[23] Эта игра даже использовалась для планирования военных операций, а также с помощью неё вызывали и общались с душами умерших.[24] Для этой цели, фигуры случайно *бросались* на доску, чтобы получить предсказание. Такая игра называлась «шахматы духов».[25] Изображения похожей игры под названием *liu po* («шесть мудрецов») можно найти уже в периоде Хань. На них показано как духи мёртвых играют в эту игру.[26]

Китайские духи мёртвых играют в настольную игру [Источник: Джозеф Нидхэм, Наука и цивилизация в Китае (Cambridge, 1959), т. 5, ч. 1, ил. CXXIII, воспроизводится с разрешения Cambridge University Press.]

Доска для *liu po* описана в поэме III века до н.э. под названием «Вызов души Сун Ю».[27] В ней использовались шахматные фигуры (*ch'hi*). На одном из изображений один бессмертный держит в руках коробку игральных костей, а второй — несколько фигур, и за ними наблюдают ещё двое. Доска для предсказаний TLV (см. ниже) напоминает уже описанные доски. Солнечные часы династии Хань обладают похожим паттерном, как и более поздние буддийские мандалы.

Паттерны «TLV» на зеркалах и досках для предсказаний [Источник: Нидхэм, Наука и цивилизация в Китае, III, 304, воспроизводится с разрешения Cambridge University Press.]

Достоверность связи между этими досками подвергается сомнению, однако для нас важно то, что жрецы, боги и, особенно, мёртвые в своих гробницах — все играли в игры на досках данного типа. Как и в большинстве иных культур, в китайской невозможно дифференцировать ритуал, игру и предсказание.[28]

Ещё одна китайская игра, использующаяся для прорицаний, имела название шахматы *tan-ch'hi*, в которую играли с помощью двенадца-

ти (позже двадцати четырёх) красных и белых фигурок. Нижняя доска была квадратной, подобно земле, а верхняя — круглой, подобно небесам. Бросая фигурки или встряхивая доску, можно было прочитать чью-либо судьбу.[29] Есть мнение, что мертвые тоже в неё играли.[30]

Согласно этим мифам, мёртвые занимались тем, что окружали себя изначальной упорядоченностью всего сущего, в которой все вещи занимают своё естественное положение, за пределом желаний и страстей, преследующих наше эго в его временном, земном существовании. Китайцы надеются получить истинное знание о реальности только через освобождение от личных страстей. Гранэ это комментирует следующим образом:

> Самообладание и знание о собственной природе и, следовательно, мире (что для космоса есть единое целое) достигается через жертвоприношение всех желаний и увлечений. В результате появляется чувство возрастающей силы. «Мудрец» ощущает, что он овладел мастерством, которое простирается на весь космос. Это господство и свобода основаны на ритуалах, которые исполняются самозабвенно и на играх, которые полностью охватывают игрока. ... Ожидается, что такая предельно серьёзная и непосредственная игра принесёт ясность и мудрость, а также свободу от всех вещей. ... Ритуалы требуют честности, игры требуют чётких правил или хотя бы их прототип.[31]

Китайцы особо подчеркивают тот факт, что все концепции, даже концепции числа и судьбы, содержат некоторую степень неопределённости, сохраняя тем самым *пространство для игры*.[32] Китайцы воспринимают правило лишь как модель, для них концепция или порядок не включают в себя идею закона. Таким образом можно обнаружить объективную структуру реальности. Философ Hsu Heng (1209-1281 н.э.) цитирует некоего человека, который говорит по этому поводу:

> Если мы полностью поймём паттерны [*li*] всех вещей в мире, то не придём ли к выводу, что всё должно иметь причину, почему оно именно так, как есть? А также правило (со-существования с другими вещами), которому оно не может соответствовать. Не это ли подразумевается под Паттерном [*li*]?[33]

Данный порядок, по утверждению Джозефа Нидэма, заключается в том, что все проявления природы упорядочены осмысленно и спонтанно, подобно ткани из бесчисленных взаимосвязанных нитей (*kuan thung*) в гигантской матрице вселенной. Эзотерическое ответвление китайской математики посвятило себя данной проблеме, исследуя преобразования гексаграмм «И цзин». Эта работа вызвана воздействием космического Эроса, которое заключается в стремлении личности к индивидуации и которое, как это ни парадоксально, приводит людей к состоянию всеохватывающей связи со всем сущим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Может показаться, что изложенные выше рассуждения относительно «мира духов» и идеи «космического брака» могут увести нас далеко от заданной темы. И, к тому же, мы должны признать, что эти мифологические сюжеты указывают на некие далеко идущие (и пока неизвестные нам) взаимоотношения. Тем не менее, есть некоторые моменты, которые откровенно поразили меня. Идея натуральных чисел основана на архетипическом фундаменте. Этот фундамент представляет собой подсознательную структуру, общую для психики всех людей. Поэтому, он в больше степени служит основой для передачи знания, чем мифологические образы, которые содержат множество этнологических коннотаций.

Те аспекты архетипа числа, которые привнесла в сознание западная математика ни в коем случае не являются исчерпывающими. В частности, отношение числа ко времени до сих пор остаётся, по большому счёту, необъяснимым. Древнекитайская идея чисел проливает свет на некоторые аспекты данного вопроса, которые требуют дальнейшего изучения.

Подсознательный элемент натуральных чисел приводит нас к идее числового *поля*, где отдельные числа предстают как энергетические феномены. Данное «поле» (это понятие мы используем, чтобы описать структуру коллективного бессознательного) структурировано относительно центрального архетипа — Самости. Поэтому мандалы, в этом смысле, заслуживают особого внимания. Что касается «космических парадигм» и математических представлений о Боге, то здесь первые четыре числа имеют исключительное значение, так же как и в предсказательных техниках прошлого.

В основе данных представлений лежит идея, что время — это не просто «пустая» оболочка для событий, а последовательность определяющих и неотъемлемых условий, необходимых для этих событий в каждый определённый момент. Эта последовательность изоморфна по отношению

к числовому ряду. Остаётся открытым вопрос — является ли этот ряд объективно соответствующим характеристикам физического мира. Скорее всего, он применим по отношению к феноменам коллективного бессознательного — фундаменту всего человеческого познания. В целом, учитывая, что содержание коллективного бессознательного имеет тенденцию проявлять на границе сознания парапсихологические феномены, особенно когда они образуют структуры (находятся в «возбуждённом состоянии», как сказали бы физики), эти структуры всегда проявляются с подсознательными аспектами архетипа числа. На этом основаны предсказательные техники с помощью комбинации чисел.

Понять эти синхронистичные и парапсихологические свойства числа можно лишь учитывая эмоциональное состояние наблюдателя, а также его подсознательные фантазии, наряду с сознательным восприятием. На основе этих наблюдений, конечно, невозможно будет построить универсальную теорию, однако они способны существенно расширить кругозор научного сообщества. Произвести такой же эффект, который производили научные достижения в прошлом. Таким образом, человеческое познание сможет освободиться от доктрины интеллектуализма и выйти на другой уровень. На котором за исходную точку будет взята априорная психическая структура, свойственная всем людям. В зависимости от конкретной эпохи и способностей отдельного человека, эта структура облекается в различные сознательные формулировки, постепенно превращая «древние, незыблемые истины» в более дифференцированные для понимания структуры.

Подтверждением данных процессов служит объективная психика и её синхронии, в которых таинственным образом соединяются психические и физические явления, раскрывая общий «смысл». Вероятно, данный феномен косвенно указывает на существование *unus mundus*, трансцендентного единства существования. В прошлом, люди пытались определить общее значение этих двух классов событий с помощью натуральных чисел. Они исходили из предположения, что числа отражают базовые формы духа. Принимая в расчёт отдельные характеристики чисел, мы

можем наглядно продемонстрировать, что они производят упорядочивающий эффект как на физическую, так и на психическую сферы. По-видимому, это говорит о том, что они представляют собой базовые константы природы, выражающие единую, психофизическую реальность. По этой причине, я смею предположить, что задача будущих математиков будет заключаться в собирании характеристик натуральных чисел и, если возможно, в анализе их логического соотношения друг с другом.[1] Данное исследование следует проводить в сотрудничестве с физиками, музыкантами и психологами, которые имеют дело с эмпирическими фактами касательно структурных характеристик чисел в различных сферах.

Поскольку понятие *unus mundus* лежит вне пределов сознания, оно представлено в историческом *Weltanschauung* (мировоззрении (нем.) — прим. перев.) человечества в виде *символов*. Которые, чаще всего, представлены в виде двойных мандал, изображая как временную, так и вневременную структуры реальности. Вневременная структура, вероятно, связана с акаузальной упорядоченностью в областях физики и психики. А временная относится скорее к периферийным явлениям, таким как синхронии, которые есть акты творения во времени. Вневременная акаузальная упорядоченность лежит в основе всей передаваемой информации и когнитивных процессов в человеке, а ограниченные во времени синхронии являются основой субъективно переживаемых сообщений бессознательного, которые могут быть адекватно интерпретированы индивидуумом. Две эти системы несоизмеримы и, именно поэтому, являются подходящим символом для обозначения единства существования как *coincidentia oppositorum* (совпадение противоположностей (лат.) — прим. перев.) Зеркальность образов этих двух систем, когда одна отражает другую — это тайна их переживания каждым отдельно взятым человеком.

ISBN 9785519658614

9 785519 658614